IO JAJBHEMY BOEFOKY.

Сахалинъ, Уссурійская область, Маньчжурія, Корея и Японісь

сворникъ ОПИСАТЕЛЬНЫ́ХЪ СТАТЕЙ

для

ДОМАШНЯГО и ШКОЛЬНАГО ЧТЕНІЯ,

Составиль В. Львовичъ.

МОСКВА.
Изданіе внигопродавца М. В. Клюкина.
Мохоная, г. Бенкендорфъ.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 1 іюня 1904 г.

Сахалинъ.

Что Сахалинъ островъ, это стало извъстнымъ не слишкомъ давно. Еще въ 1846 г. графъ Нессельроде, докладывая Государю Николаю Павловичу о результатахъ плаванія подпоручика Гаврилова, сообщаль, что «Сахалинъ — полуостровъ, почему ръка Амуръ не имъетъ для Россіи никаного значенія». Лишь въ 1849 г. Г. Невельскій показаль, что Сахалинъ настоящій островь и что проливь между нимь и берегомъ Сибири доступенъ для прохода большихъ судовъ, сидящихъ въ водъ до 23 футь. Это открытіе Невельскаго, остававшееся долгое время неизвъстнымъ для иностранцевъ, сослужило намъ въ свое время одну спеціальную службу. Подъ конець крымской кампаніи соединенная англо-французская эскадра явилась въ Татарскій проливъ въ полной увфренности, что она найдетъ тамъ и пустить ко дну наши военныя суда. Но судовъ тамъ не оказалось: они какъ будто провадились сквозь воду. Между темь, по разсчету непріятеля, они должны были находиться именно въ Татарскомъ проливъ. Тамъ они и были, но только, воспользовавшись открытіемъ Невельскаго, прошли къ устью Амура, чего никакъ не могъ предполагать непріятель. Въ то времи иностранцы были убъждены, что никакого прохода въ эту ръку не существуеть и что Сахалинь соединяется съ Сибирью перешейкомъ, или, по крайней мъръ, песчаной косой, обнажающейся при отливъ.

Сахалить имъетъ видъ толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридіанъ, то-есть однимъ концомъ на сѣверъ, другимъ на югъ. Длина этой дубинки равняется 850 верстамъ, наибольшая толщина 183 в., а наименьшая 23. Во всю длину острова съ сѣвера на югъ сплошнымъ хребтомъ, а въ широкихъ мѣстахъ нѣсколькими паралдельными цѣпями, тянутся горы. Онъ, правда, не высоки, нигдъ не достигаютъ предъловъ въчнаго снъга, но это не

мѣшаетъ пиъ имѣтъ огромное вначеніе въ распредѣденіи растительности острова. Горы эти, можно сказать, раздѣдяютъ двѣ разныя природы. По одиу сторону, ближе къ Татарскому продиву, весь Сахадинъ покрытъ лѣсомъ, но большей части хвойнымъ, и только въ долінахъ рѣкъ и на вершинахъ горъ—диственнымъ; по другую сторону Сахалинскаго хребта, вдоль берега Охотскаго моря, почти во всю длину острова узкой полосой тянется годая, безлѣсная, настоящая полярная тундра со всѣми ея неприглядными особенностями.

Сахалинъ, стало быть, въ отношении природы, въ противность всему тому, что намъ извъстно въ географіи, раздъляется не на съверный и южный, какъ этого слъдовало бы ожидать, такъ какъ онъ вытянутъ съ съвера на югъ, а на восточный и западный. Сахалинскую дубнику, во всю ея длину, можно расщепить на двъ половинки, различныя по своему виду: одна какъ бы выстругана изъ тундры, другая—изъ куска пъсной области Сибири. Расположение горъ острова и особенности течений Охотскаго моря объясняютъ намъ происхождение этой удивительной географической несообразности въ природъ Сахалина.

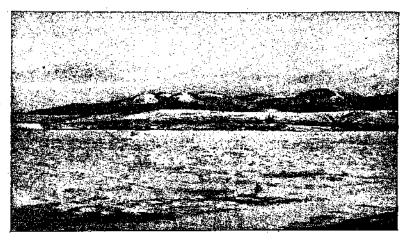
Охотское море, волны котораго моють скалы восточнаго берега острова, по своимъ свойствамъ ничъмъ существеннымъ не отличается оть Ледовитаге океана. До половины лъта здъсь плавають огромныя ледяныя поля, приносимыя съвернымъ холоднымъ теченіемъ. Даже животное населеніе Охотскаго моря можеть засвидітельствовать путешественнику, что вода здёсь не теплёе, чёмь вь полярныхь моряхь. Иначе тутъ не стали бы жить полярные моллюски, миріадами илавающіе по поверхности, киты, білухи и полярныя птицы, несмітными стадами гивздящіяся на такъ называемыхъ «птичьихъ горахъ». Такимъ образомъ, подъ восточнымъ бокомъ Сахалина, по крайней мѣрѣ, до половины дъта находится ледникъ. Понятно, что климатъ на побережьи Охотекаго моря не можеть быть теплымъ, почему и природа носить характерь тундры. Между твиь западный берегь острова оть вліянія охотскихь дьдовь ограждается стіной горь. Уже по одной этой причинъ побережье Татарскаго пролива на Сахалинъ находится въ дучшихъ условіяхъ, нежели восточная половина острова.

Если мы прибавимь, что въ Татарскій проливъ съ юга врывается теплое японское теченіе, называемое Куро-Сиво, то станетъ понятнымъ, почему климатъ по этому побережью значительно теплъе и природа оживленнъе, нежели по восточную сторону горъ.

Изв'єстно, что въ Сибири даже близъ Восточнаго океана климатъ континентальный, т. е. отличается суровой зимой и довольно жаркимъ л'єтомъ. Такъ какъ Сахалинъ составляетъ какъ-бы кусонъ Восточной Сибири, отр'єзанный моремъ и дежащій очень недалеко отъ

материка, не удивительно, что и на островъ климатъ точно такъ же носить континентальный характеръ.

Съ другой стороны, не остается безъ нѣкотораго вліянія и сосѣдство моря. Въ результатѣ получается очень непріятное для Сахалина стеченіе обстоятельствъ. Климать его отличается суровой, чисто континентальной, зимой и холоднымъ лѣтомъ приморскихъ странъ. Хотя сѣверный конецъ острова приходится, прибливительно, на одной широтѣ съ Симбирскомъ, но зимы въ этой части Сахалина до суровости не уступаютъ зимамъ устья р. Печоры, лежащаго выше полярнато круга. Морозы ниже точки замерзанія ртути здѣсь обыкновенное явленіе, а лѣто не теплѣе, нежели на Соловецкихъ островахъ и въ Бѣломъ озерѣ. Въ средней части острова, на широтѣ Саратова пли Воронежа, лѣто настолько холодно, что еще въ іюлѣ случаются морозныя ночи, и до самой осени на глубинѣ 2—3 аршинъ почва остается промерзшей.

Портъ Александровскій зимой.

Даже въ южномъ концъ Сахалина, на одной широтъ съ Астраханью, средняя температура зимы такая же, какъ въ Олонецкой губерніи; лъто не теплъе лъта Архангельска.

Сосъдство морей сказывается также въ необычайной влажности воздуха. Но количеству ненастныхъ дней, Сахаливъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Зимой идетъ снѣгъ, а лѣтомъ дождъ; нѣтъ дождя—непроглядный туманъ окутываетъ и островъ, и море. Совершенно ясные дни составляютъ рѣдкое исключене, а вполнъ

ненастныхь, когда на небѣ не видно ии малѣйшаго просвѣта, прпходится около 200 въ году. Такимъ образомъ, если климатъ въ Сибири считать суровымъ, то на Сахалинѣ его надо назвать дважды суровымъ, такъ какъ здѣсь круглый годъ царитъ не только холодъ, но и пронизывающая сырость. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что даже на югѣ острова, на широтѣ Астрахани, гдѣ зрѣють арбузы и виноградъ, раскинулся хвойный лѣсъ, или просто сибирская тайга, да и какая еще тайга!

Если въ Сибири тайга трудно проходима, то на Сахадинъ она непролазна; если тамошній лѣсъ состоитъ изъ огромныхъ деревьевъ, то здѣсь они имѣютъ исполинскіе размѣры. Вы можете бродить по ней цѣлый день, хотя бы цѣлую недѣлю и больше: передъ вами всюду гигантскіе стволы вѣковыхъ елей и пихтъ, а падъ годовой темная зелень хвой, сквозъ которую не пробивается ни единый лучъ солнца. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтовъ, ни кустовъ, нѣтъ даже травы: вмѣсто нихъ, въ промежуткахъ между деревьями, вы видите груды наломан-

Дорога на Сахалинъ,

ныхъ вътромъ сухихъ вътвей той же ели. Мъстами вамъ преграждаетъ путъ трупъ лъсного исполина, вырваннаго съ корнемъ и поваленнаго на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежникъ, или опрокинутое дерево. Поэтому тамъ, гдъ нътъ звъриныхъ, въ особенности медвъжьихъ, тропъ, сахалинская тайга совершенно непроходима.

Но что болье всего наводить тоску въ хвойномъ льсу острова, это—почти полное отсутствие всякой животной жизни. Глухой тайти изобігають даже медвіди, а ужъ имъ-ли не житье на Сахалині?! По долинамь рівкь, во время хода рыбы, берега, на разстояніи сотень версть, сплощь бывають истоптаны медвіжьими далами, а въ глубині хвойнаго ліса, если только вамь удастся пробраться туда, вы можете идти безъ всякаго риска встрітить этого царя здішнихь звірей. Ніть здісь ни птиць, которыя оживляли бы своимь пініемь это парство ели, ни насіжомыхь, которыя жужжали бы, нищали или вакъ-нибудь иначе выдавали своє присутствіє; всюду стволы деревьевь, хвоя, еловыя и пихтовыя шишки и валежникъ. Поэтому вь тихую погоду въ глубині такого ліса царить мертвая тишина Изріздка развіс прозвучить дробь дятла или высокій пискъ синиць, но такой печальный, такой жалобный, какъ будто-бы безысходная тоска таежной жизни проникла и въ ея крошечное сердце.

Зато въ бурю лѣсъ начинаетъ стонатъ и ревѣтъ. Однообразному гулу хвой анкомпанируетъ тогда скрицъ вѣтвей и трескъ ломающихся сучьевъ; по временамъ всѣ эти звуки покрываются грохотомъ падающаго исполина; вслѣдъ за однимъ деревомъ валится другое, раздается повый грохотъ, затѣмъ опять гулъ, скрипъ и трескъ и такъ далѣе, пока не стихнетъ вѣтеръ.

Постройка поселка.

Тайга покрываеть большую часть острова, поэтому весьма понятно, что въ отношении животнаго населения Сахалинъ очень мало отличается отъ лъсной области Восточной Сибири. Кромъ медвъдей, волковъ и лисицъ, на островъ водятся: соболь, куница, облка, бурундукъ, рысь, кабарга, съверный олень; изъ таежныхъ звърей иётъ только лося. Изъ птицъ въ хвойныхъ лесахъ Сахалина, въ особенности, по опушкамъ, кромё всевозможныхъ дятловъ, синицъ, соекъ, славокъ и другихъ обитателей тайги, живутъ рябчики, восточно-сибирскіе глухари и дикушки, или черные рябчики, ближайшіе родственники которыхъ встрёчаются въ Америкъ, именно въ Канадъ. Настоящіе переселенцы изъ Новаго Свёта принадлежатъ, по большей части, къ числу водоплавающихъ птицъ, главнымъ образомъ, утокъ и крачекъ.

Въ обиходъ сахалинскихъ инородцевъ изъ встхъ перечисленныхъ звърей первое мъсто занимаеть дикій съверный олень. Льтомъ стала этихь животныхъ, спасаясь оть комаровъ, уходять въ горы. зимой же спускаются въ низменныя тундры. Въ особенности много оленей на тёхъ тундрахъ, гдё снёгъ сдувается постоянными вётрами, какъ, напримъръ, на западномъ берегу острова, съвернъе Дуз. Здъсь они держатся въ безчисленномъ множествъ. Поэтому въ зимнее время сюда събзжаются съ материка Сибири для охоты за ними не только инородцы, но и русскіе. Немало ихъ и на восточномъ берегу острова въ устъв реки Тыми. Здесь одинъ местный тунгузъ разсказывалъ намъ, что каждую зиму онъ убиваетъ до 30 оленей. Такъ какъ ръдкій изъ сахалинскихъ инородцевъ имжетъ ружье, то для ловди всякаго звёря они употребляють ловушки, капканы или иные способы, основанные на какихъ-нибудь особенностяхъ животнаго. Такъ, напримъръ, оленей добывають въ большомъ комичествъ, загоняя ихъ на голый ледъ озера или ръки. На гладкой поверхности льда они дълаются совершенно безпомощными; ноги ихъ скользять; они ежеминутно падають, такъ что охотникамъ не стоитъ никакого труда догнать ихъ на лыжахь и выржаать цедое стадо.

Соболь водится на Сахалинъ въ такомъ множествъ, какъ нигдъ въ Сибири. Къ сожалънію, здъшніе соболя свътлаго цвъта, попадаются даже желтоватые и очень ръдко—черные, почему они цънятся значительно дешевле собственно сибирскихъ, въ особенности темныхъ забайкальскихъ. У гиляковъ мы покупали соболей, круглымъ счетомъ, по 3 руб. за никурку.

Зато медвёди, живущіе на островё въ огромномъ количествё, отдичаются почти чернымъ цвётомъ.

Черную шерсть им'вють также м'встныя россомахи, которыхь однако не слишкомъ много.

Изъ горныхъ звърей сахалинскіе инородцы особенно усердно преслъдуютъ кабаргу. Это — небольшое копытное животное. Самцы, вмъсто рогъ, вооружены острыми, какъ ножъ, длинными клыками. На животъ у самцовъ имъется мъщочекъ съ нахучимъ веществомъ, м у с к у с о м ъ. Вещество это примъняется въ медицинъ, а также идетъ для приготовленія духовъ. Мъщочекъ мускуса на мъстъ стоитъ около 2 руб. Ради него инородцы и охотится за кабаргой.

Изъ сахалинскихъ таежныхъ птицъ наиболѣе интересны д икушки и мѣстный глухарь. Дикушка болѣе всего походитъ на рябчика, но крупнѣе его и темнѣе цвѣтомъ. Ближайщій родственникъ дикушки водится въ Америкѣ, именно въ Канадѣ.

Сахалинскій глухарь значительно меньше и св'ять нашего.

Сравнительно съ хвойнымъ лъсомъ, лиственный, узкой каймой раступій по берегамъ ръкъ, выглядить много оживленнов. Деревья ивы, березы, ольхи, душистые тополя, осины, — перемъщаны здъсь съ кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и другихъ извъстныхъ у насъ растеній. Какъ вся древесная растительность острова, такъ и лиственный пъсъ его поражаетъ размърами. Сплошь да рядомъ итица, сидящая гдь-нибудь близъ средины дерева, оказывалась недоступной выстрелу изъ дробовика: до такой степени деревья эти высоки. Несмотря на холодное лъто, обильная влага выгоняеть въ долинахъ рѣкъ роскошную травянистую растительность. Травы здѣсь сочны, все лѣто свѣки и нерѣдко превосходятъ челевъческій рость. Въ южной части острова, ближе къ западному берегу, въ долинахъ ръкъ къ нашимъ обыкновеннымъ деревьямъ и кустамъ подмѣшиваются и болѣе южныя растенія. Здѣсь, папримѣръ, не рѣдьи амурскій филодендронь, особый видь дуба и даже дикій виноградь. Надо прибавить, впрочемъ, что ягоды винограда настолько инслы, что едва ли ихъ бдять даже неприхотливыя птицы.

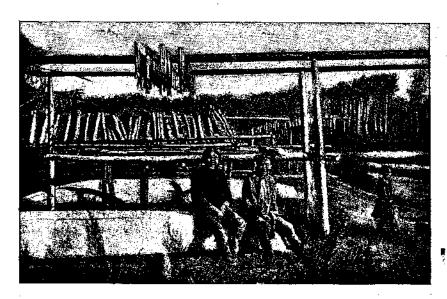
Въ отличіе отъ тайги, лиственный лість річныхъ долинъ богато населенъ разнообразными представителями пернатаго царства, между которыми поиадается не мало японскихъ. Въ особенности бросаются въ глаза своимъ яркимъ опереніемъ японскія, желтыя, какъ пволга, мухоловки и длиннохвостый карминно-красный с нигиръ. Здісьже живетъ камчатскій с оловей, съ ярко краснымъ иятномъ на горлів; онъ уступаетъ нашему въ пініи, но превосходить его красотой.

Хотя растительность рѣчных долинъ поражаеть своей мощностью, культурныя растенія на островѣ не находять для себя подходящихъ условій. Даже напи обыжновенные сѣверные хлѣба не всегда дозрѣваютъ на Сахалинѣ. Мѣстами родится здѣсь пшеница, но далеко не ежегодно; притомъ урожай всегда бываеть плохъ. Благодаря обилю влаги, хлѣбъ поднимается высово, идетъ въ солому, но но причинъ низкой температуры лѣта колосится очень поздно. Случается, что августовскіе холода застають зерно совершенно сырымъ. Только раз-

веденіе овощей обезпечено здісь отъ неурожаєвь. Картофель, різна, брюква, капуста и різдька дають хорошіє, пногда даже превосходные сборы.

На Сахалинъ нътъ общирныхъ луговъ. Небольшія площадки, пороснія травой, попадаются ръдью, почти исключительно во влажныхъ долинахъ ръкъ. Трава роскошна, но даетъ грубое съно; къ тому же, сочные стебли ел, при сыромъ климатъ острова, сохнутъ медленно и очень часто загниваютъ раньше, чъмъ получится мало-мальски пригодный кормъ.

Истинное богатство Сахадина — лѣсъ, каменный уголь и рыба. Въ послъднее время тамъ найдена еще нефть.

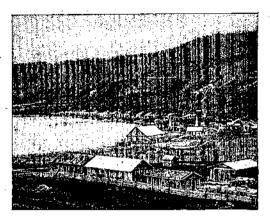

Сушка рыбы.

Въ настоящее время только уголь составляеть предметь промышленности. По своимъ качествамъ онъ удовлетворяеть даже строгимъ требованіямъ военнаго флота.

Лѣсъ еще долго будеть стоять въ дѣвственномъ видѣ и дожидаться предпринимателей, хотя онъ могъ-бы найти хорошій сбытъ въ Японіи. Какъ ни стараются русскіе поселенцы переводить лѣсъ, его еще всюду много. Вольшая часть Восточной Сибири, почти весь Сахалинъ покрыты дѣвственной тайгой, середина которой не только не видала топора дровостка, но и не слыхала выстръла звъроловапромышленника.

Рыбы лесметное иножество не только на Сахалине, но и во всехъ восточно-сибирскихъ рекахъ. Хотя она составляетъ почти един-

Маукскій рыбный промысель.

ственную пищу здёшнихъ инородцевъ, правильная рыбопромышленность всюду еще въ зачаточномъ состояніи. Этотъ промысель остается, такъ сказать, въ запасъ.

А. Никольскій.

Николаевскъ и Хабаровскъ.

Николаевскъ основань въ 1852 году. Въ 1856 г. этотъ городъ началъ играть роль центра Приморской области, но не долго: въ 1872 г. портъ былъ перенесенъ во Владивостокъ, и Николаевскъ какъ быстро ранѣе развивался, такъ же быстро началъ падать. Послѣдый, роковой, ударъ Николаевску нанесъ другой его сосѣдъ—Хабаровскъ, въ 1880 году отнявшій отъ Николаевска значеніе центра Приморской области. Климатъ Николаевска крайне неудобень для поселенія;

здёсь все лёто идуть частые дожди, тумань ночти все время стоить надъ городомъ, пногда солнце не выглядываеть въ теченіе цёмаго мёсяца. Зимою здёсь свирёнствують снёжныя выоги. Обыватели даже сложили штривую характеристику скудости природы Николаевска: «здёсь птицы не поють, цвёты не пахнуть, солнце не грёеть и женщины безъ сердца». Окрестности города покрыты лёсомъ. Земледёлія близъ Николаевска не существуеть. Коренныхъ жителей здёсь не болёе 3 тысячь человёкъ, главнымъ образомъ, ссыльныхъ. Лётомъ Николаевскъ болёе оживленъ: сюда приходять артели китайцевъ, работающихъ на здёшней пристани. Главный промыселъ жителей—рыбная ловля. Отсюда рыба идеть въ Японію и вглубь Сибири. Не менёе важное значеніе имёсть и добываніе золота на прінскахъ.

Благодаря пришлому элементу, а главнымъ образомъ прінсковымъ рабочимъ, ръдкое льто обходится безъ возмутительныхъ грабежей, часто даже въ дентральныхъ улицахъ города.

Торговля находится въ рукахъ русскихъ, нѣмецкихъ, китайскихъ и японскихъ фирмъ. Сравнительно недавно въ Николаевскъ поселилось очень много лпонцевъ. Женщины-японки въ большинствъ случаевъ занимаются прачечнымъ ремесломъ.

Отъ Николаевска до Хабаровска мѣстность гористая, покрытая почти непроходимыми лѣсами. Лѣса эти богаты медвѣдями, оленями, волками, соболями, лисицами и кабанами. Мѣстные жители утверждають, что здѣсь часто встрѣчаются даже и тигры. Изъ представителей пернатыхъ водятся: дикіе гуси, лебеди, рябчики, глухари и фазаны.

Тористые берега Амура около города все чаще и чаще перервзаются долинами, а верстахъ въ 30-ти у Хабаровска въ первый разъ встръчаются нахотным поля, узорчатымъ ковромъ разстилающияся по высокимъ колмамъ. Педалеко отъ полей ютятся лачужки мирнаго инородческаго племени—гиляковъ.

Хабаровскъ дежитъ на скатъ холмовъ и довольно крутыхъ скалъ праваго берега Амура, при впаденія въ Амуръ ръки Уссури. Окраины этого города лъсисты и изобилують массой болотъ.

Хабаровскъ основанъ въ 1858 году 13-мъ сибирскимъ линейнымъ батальономъ и свое названіе получилъ въ намять атамана казаковъ Ероеея Хабарова, довольпо успѣшно въ 1649 году начавшаго по собственной иниціативъ завоеваніе Амура.

Дома преимущественно деревянные, хотя въ послѣднее время началась усиленная постройка кирпичныхъ зданій. Въ виду этого въ Хабаровскъ одинъ за другимъ открылись 8 кирпичныхъ заводовъ. Рабочими на этихъ заводахъ являются исключительно китайцы, кото-

рые, кромі обыкновенныхь сортовь краснаго кирпича, вырабатывають сърый кириить-продукть китайскаго приготовленія.

Улицы города здёсь не шосспрованы; тротуары лишь на главныхъ улицахъ и построены изъ деревянныхъ досокъ. По ночамъ городъ чим тонеть во мракъ, или освъщается дуною; правда, есть итслолько керосиновых фонарей, но только на главной улица. Благодаря этому, ночью рискуень нерадко сломать себа ногу на здашимх тротуарахь, представляющихъ собою начто въ рода канкановъ.

Преобладающій элементь населенія—русскіе, затёмъ идуть китайцы, нёмцы, японцы. Съ 1880 года Хабаровскъ назначенъ центральнымъ городомъ Пріамурской области; кром'в того въ Хабаровскъ большая пристань на Амурв и вокзаль Уссурійской ж. д.; все это, вмёсть взятое, способствуеть матеріальному процвётанію города.

Народное образованіе удовлетворяется слідующими учебными

заведеніями: кадетская приготовительная школа, техническое желтізно-дорожное училище, гимназія, городское Николаевское 3-класеное училище, Алекевевская женская школа, городское Инновентьевское училище, городская приходская школа, церковно-приходское училище и школа для дътей переселенцевъ.

Хабаровскъ—городъ молодой, и поэтому въ немъ нѣтъ достопримѣчатедьностей, исключая развѣ памятника Муравьеву-Амурскому и небольшого музел. Недалеко оть дома губернатора, по берегу ръки Амура, расположень городской садъ. На высокомъ утесъ, находящемся въ этомъ саду, въ 1893 г. поставленъ намятникъ графу Муравьеву-Амурскому. Разсказывають, что однажды графъ Муравьевь, совершая поъздку по Амуру, остановился отдохнуть на берегу и, входя на высокій утесь, именно тоть, гдъ теперь ему поставленъ памятникъ, предсказалъ, что здъсь возникнетъ современемъ городъ. Въ своей дальнъйшей ръчи графъ предсказывалъ Хабаровску городъ. Въ своей дальнъйшей рачи графъ предсказыватъ жаваровску первенствующее значение между всёми амурскими городами и завъщаль не вырубать деревьевъ, живописно расположившихся по берегу ръки, такъ какъ это мъсто въ будущемъ украситъ новый городъ. И дъйствительно, городской садъ—лучшее мъсто Хабаровска. Въ особенности онъ интересенъ тъмъ, что из немъ сгруппированы почти всъ представители южно-амурской флоры. За садомъ тянется бульваръ. Графъ Муравьевъ-Амурскій изображенъ на памятникѣ столщямъ

во весь ростъ на высокомъ пьедесталъ. Руки графа скрещены на груди. Въ одной рукъ у него подзорная труба, въ другой — карта края. Лъвая нога нъсколько выставлена впередъ и опирается на якорную цёль. Памятникъ обращенъ иереднимъ фасомъ на югъ. Въ Хабаровскъ есть музей и библютека, основанные въ 1895 году

при мѣстномъ отдѣлѣ Императорскаго Россійскаго географическаго общества. Въ музев хранятся довольно интересныя коллекціи, касающіяся этнографія, археологія, флоры и фауны края. Въ городѣ издается офиціальный органъ области, «Пріамурскія Вѣдомости». Влагодаря своему удобному географическому исложенію, городъ быстро развивается, ведя значительную торговлю съ китайцами. Ростъ Хабаровска сталь очевиднымъ лишь въ носледнія десять-интиадцать лётъ, когда онъ мало-по-малу принялъ характеръ благоустроеннаго города. Далеко не заманчивыми были условія жизни въ немъ лётъ 30. Хорошей иллюстраціей къ этому могуть служить, между прочимъ, разсказы о тиграхъ, которые сравнительно еще недавно, въ концё 60 и въ началѣ 70 годовъ, безпрепятствеяно бродили по мирнымъ улицамъ города. Одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ сообщить миѣ нѣсколько энизодовъ того времени, когда въ городѣ появлялись тигры. Изъ всѣхъ его разсказовъ я передамъ въ краткихъ чертахъ два, наиболѣе характерныхъ. Однажды вечеромъ тигръ унесъ изъ хлѣва, находящагося чутъ не въ самой бойкой части города, двухгодовалую телку. Дѣло было зимой. Собравшіеся на другой день охотники отправились по слѣдамъ на розыски звѣря. Тигръ, какъ оказалось, несъ сначала телку на спинѣ, дѣлая при этомъ прыжки до двухъ саженей въ длину. по следамъ на розыски зверя. Тигръ, какъ оказалось, несъ сначала телку на спине, делая при этомъ прыжил до двухъ саженой въ длину. Пройдя такимъ образомъ версты 1 ½—2, зверь остановился позавтракать: уничтожилъ половину своей добычи, а остальную зарылъ въ пушистый, свеже-выпавшій снегъ. Охотники, заложивъ въ оставщуюся часть телки добрую дозу стрихнина, ушли обратно въ городъ, не видавъ зверя. Черезъ день вся компанія охотниковъ снова отправилась къ тому м'єсту, где завтракалъ тигръ. Разрытый снегъ и следы съ отпечаткомъ когтей показывали, что и остальная часть тому была следан съ отпечаткомъ когтей показывали, что и остальная часть телки была събдена звъремъ. Охотники отправидись на поиски. Слъды тигра по снъгу, вначалъ твердые и увъренные, постепенно теряли свою правильность; очевидно, тигръ судорожно сжималъ и разжималъ на ходу свои когти, въ иныхъ мъстахъ шатался и даже падалъ. Пройдя еще нъсколько шаговъ, охотники замътили наконецъ и самого звъря: тигръ былъ мертвъ. Трупъ тигра былъ перевезенъ въ городъ, гдъ изъ него приготовили чучело. Въ другомъ случаъ тигръ, совершая свою прогулку по городу, преходиль мимо провіантскихъ мага-зиновъ. Перепуганный часовой, не сдёлавъ даже выстрёла, поспёшно забрался въ нустую бочку, случайно находившуюся вблизи поста, и сидътъ тамъ до тъхъ норъ, пока его не смънили. Конечно, подобные вазусы теперь отошли въ область преданія.

А. Виноградовъ.

Владивостокъ.

Чемь ближе къ Владивостоку, къ роднымъ берегамъ, темъ становится холодиве. Кажется, будто отъ хмураго, свраго неба вветъ какой-то давящей скукой. Вотъ изъ-за синеватой дымки показываются наконець очертанія отечественной земян. А вотъ и пустынный берегъ. Не видно ни деревень, ни какого-либо жилья. Только изръдка попадаются солдатскіе палатки и домики, откуда иногда допосятся звуки пъсенъ временныхъ обитателей. Въ большинствъ случаевъ вирочемъ, пассажиры парохода, подъвзжающаго къ Владивостоку, ничего не видятъ, благодари туманамъ. Послъдніе здъсь иногда такъ густы, что съ палубы не замътно мачтъ. Въ такихъ случаяхъ съ острова Аскольда раздается довольно частая пальба изъ пушекъ, которою и руководятся лоцманы, ведущіе пароходы.

Но вотъ нашъ нароходъ входить въ бухту Владивостока, носящую громкое названіе «Золотой Рогь», хотя — увы — эта бухта имѣетъ очень отдаленное сходство съ своей константинопольской тезкой. Входъ въ проливъ съ восточной и западной сторонъ защищенъ грозными пушками. Орудія, господствуя на всѣхъ находящихся здѣсь высотахъ, сурово встрѣчаютъ пріѣзжающихъ. Два маяка, стоящіе при входѣ въ бухту (на восточной сторонѣ — Сърѣплевскій, на западной — Ларіоновскій), привѣтливѣе своихъ воинственныхъ сосѣдей. Они служатъ миру, и для нихъ не существуютъ разпиды въ національностяхъ: ихъ свѣтъ равно сіяетъ для всѣхъ пароходовъ, подъ какимъ бы флагомъ они ни шли.

Какъ ни бъдны, какъ ни печальны русскіе берега Японскаго моря, особенно по сравненію съ берегами Цейлона и Японів, на душъ становится радостно, когда впервые послѣ плаванія увидишь съ парохода темнѣющую полосу родной земли. Тысячи версть отдѣляють нашъ Дальній Востокъ отъ Москвы—сердца Россіп, но эти версты не отдѣляютъ этой окраины отъ русскаго сердца. Русское прибрежье Японскаго моря такъ же дорого для насъ, какъ дорога намъ вся матушка-Русь. Представленіе объ общирности отечества тѣсно. связано съ понятіємъ о его могуществъ. «Я русскій»,—думаешь о себѣ и какъ-то невольно проникаешься гордостью этого сознанія.

Владивостокъ—военный центръ. Его портъ отлично вооружено особенно постѣ японско-китийской войны. Въ военномъ отмошения Владивостокъ для всей восточной Сибири пиѣетъ почти такое же значение, какое Константинополь—для Турцін, почему этотъ русскій портъ иногда называютъ «Спбирскнить Константинополемъ». Въ гавани Владивостока въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ много военныхъ цароходовъ и торговыхъ судовъ. Громадное неудобство этого порта заключается въ томъ, что онъ замерзоетъ, благодаря чему зимніе мѣсяцы Владивостокъ пребываетъ въ спячкѣ. Русская военная эскадра уходить изъ его пристани на зимовку, прежде (до пріобрѣтенія Портъдить изъ его пристани на зимовку, прежде (до пріобрѣтенія Портъдотура)—въ Нагасаки, тенерь — въ Портъ-Артуръ. Самые сильные ледорѣзы безсильны помочь горю и не въ состояніи зимою усталовить здѣсь свободный путь для пароходовъ.

Величайшее мирное завоеваніе, которымь Россія по справедливости можеть гордиться,—это занятіе западнаго побережья Японскаго моря и присоединеніе къ Имперія общирной и богатой Приморской области.

Это исключительное пріобрѣтеніе, при которомъ родь дипломатіи ограничилась дишь признаніємъ совершившагося факта, было выполнено сидами одного человѣка. Подвигь его своевременно былъ оцѣненъ Императоромъ Николаемъ I, который изволидъ назвать его «молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ». Имя Геннадія Ивановича Невельскаго извѣстно далеко не всѣмъ въ Россіи, но васлуга этого скромнаго дѣятеля предъ отечествомъ такъ велика, что требуетъ вниманія со стороны русскихъ людей.

Сѣверо-западное береговое Японское море долгое время считалось недоступнымъ для плаванія глубокосидящихъ судовъ, и островъ
Сахалинъ признавался за полуостровъ, неразрывно связанный съ
материкомъ восточной Снбири. Русское правительство, стремясь найти
удобный морской путь къ своимъ вдадѣніямъ, лежащимъ въ Восточной Сибири, посылало съ этой пѣлью нѣсколько экспедицій въ японское море. Результатомъ ихъ было лишь подтвержденіе ранѣе составленнаго другими европейскими мореплавателями мнѣнія о мелководъѣ
моря, которое омываетъ берега Восточной Сибири. Послѣ одной изъ
такихъ экспедицій императоръ Николай I окончательно рѣшилъ вопросъ о непригодности для Россіи рѣки Амура, какъ не имѣющей
достаточно глубокаго выхода въ море, необходимаго для военныхъ
кораблей.

«Вопросъ объ Амуръ, какъ о ръкъ безнолезной, оставить!» въ такихъ словахъ выразилъ свою волю императоръ. Казалось, всикое чувство личной иниціативы должно было смолкнуть, уничтожиться предъ столь ясно выраженной волей монарха. Однако фактъ, что богатъйшая русская окраина прозябала, не имъя доступа къ морю, оставался фактомъ. И вотъ, сознавая необходимость для Россіи ръки Амура и не въря въ заключеніе мореходцевъ, молодой, образованный морской офицеръ Г. И. Невельскій, командиръ простого транспортнаго судна «Байкалъ», ръшилъ на свой рискъ попытать еще разъ счастіе и отыскать необходимый для Россіи портъ.

Эта экспедиція, предпринятая въ 1848 году, увѣнчалась неожиданнымъ усивхомъ: было найдено, что Сахалинъ—островь и что по
сѣверо-занадному побережью Японскаго моря и Татарскаго пролива
имѣется нѣсколько отличныхъ бухтъ, вполнѣ пригодныхъ для стояки большихъ судовъ. Опасаясь, какъ бы какая-нибудь иностранная держава не воспользовалась плодами его открытія, Невельскій,
не задумываясь, водрузилъ на восточномъ берегу Сибири русскій
флагъ и заложилъ портъ Николаевскъ. Въ Петербургѣ образь дѣйствій энергичнаго моряка не нашель себѣ должной оцѣнки. Невельскаго обвинили въ превышеніи власти и въ массѣ другихъ противозаконныхъ поступковъ. Судъ, наряженный по этому дѣлу, постановилъ разжаловать дѣятельнаго патріота въ простые матросы. Императоръ Николай І одинъ понялъ и оцѣнилъ Невельскаго, назвавъ
его дѣйствія «геройскими, благородными и патріотическими». Основанный Невельскимъ портъ, согласно постановленію созваннаго для
этой цѣли комитета, подлежаль уничтоженію «во избѣжаніе могущихъ возникнуть столкновеній съ Китаемъ». Императоръ не согласился съ такимъ постановленіемъ, и участь новаго русскаго пріобрѣтенія была рѣшена.

«Гдв разъ поднять русскій флагь,—сказаль императорь,—тамъ онъ уже спускаться не должень». Въ 1860 году по дополнительному Пекинскому договору, заключенному съ Китаемъ, весъсъверный берегъ Амура отошелъ къ Россіи. Нъсколько мъсяцевъ спустя послъ этого событія, русское военное судно «Манджуръ» заняло портъ Владивостокъ и высадило на берегъ 40 человъкъ солдатъ. Такимъ образомъ было положено основаніе городу, имѣющему столь важное значеніе для всей Восточной Сибири.

Самый городъ Владивостокъ расположился по берегамъ Золотого Рога и Амурскаго запива, у подошвы довольно длинной цёни горъ, самый высокій пунктъ которыхъ носитъ названіе «Ординаго гнёзда». Хотя Владивостокъ лежитъ южите Севастополя, здёшній климатъ не мягче, чёмъ, напр., въ Архангельскъ. Главное неудобство его мёстоположенія— частые туманы и весьма быстрыя перемёны температуры. Для людей, страдающихъ чахоткою или даже по дальнему Востоку.

только предрасиоложенных къ подобнымъ заболтваніямъ, климатъ Владивостока крайне вреденъ. Подобно Константинополю, Владивостокъ производитъ очень выгодное впечатлтніе издали. При ближайшемъ разсмотртній онъ очень много терметъ, такъ какъ оказывается грязнымъ и довольно некрасивымъ.

Преобладающій типъ построекъ-одноэтажные и двухъэтажные деревянные домики. Каменные дома строятся въ три и даже въ четыре этажа. Главная улица—Светланская. До 1873 года эта улица называлась Американскою, но съ этого времени она была переименована въ память посъщения Владивостока Великимъ Княземъ Амексвемъ Александровичемъ, прибывшимъ сюда на пароходъ «Свътдана». Въ честь того же событія одна изъ горъ, окружающихъ Вдадивостокъ, названа Алексвевской *). Свътланская улица, имъющая до 10 саженей ширины, тянется прямой дентой отъ Амурскаго залива до морского клуба. Та же улица за морскимъ клубомъ носитъ уже названіе Портовой, далже Афанасьевской и, наконець. Экипажной. Длина всей этой прямой линіп отъ начала Свътланской до конца Экипажной равна приблизительно 6 верстамъ. Владивостокъ сталь застраиваться сравнительно очень недавно. — следовательно. названія удиць не могди сложиться историческимъ путемъ, какъ, напримерь, въ Москве, где такія названія, какъ Кузнецкій мость, Бронная, Арбатъ, Дъвичье поле, носятъ на себъ отпечатокъ старины.

Во Владивостокѣ названія улицамъ давались по произволу или по выдумкѣ досужихъ людей. Жаль только, что при этомъ были забыты имена русскихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, писателей, не говоря уже о такихъ лицахъ, которымъ городъ всецѣло обязанъ своимъ возникновеніемъ, напримѣръ, императора Николая I и Г. И. Невельскаго. Жители Владивостока, какъ оказывается, предпочитаютъ географическіе, вѣрнѣе, этнографическіе термины: по крайней мѣрѣ, улицы города пестрятъ такими названіями, какъ: Пекинская, Суйфунская, Китайская, Японская, Тунгузская, Корейская, Алеутская и др. Есть, впрочемъ, одна улица подъ названіемъ Ермаковская, но названа ли она такъ въ честь покорителя Сибири или какого-нибудь г. Ермакова—вопросъ открытый. Базарная площадь и болѣе центральныя улицы освѣщаются керосиномъ, для чего городъ имѣетъ 250 фонарей. Электричество здѣсь также начинаетъ вводиться, пока имъ освѣщаются магазины мѣстныхъ крезовъ, а также нѣкоторыя гостиницы. Кромѣ того, электрическое

^{· *)} На этой гор'в находится наблюдательный постъ.

освъщение введено на маякахъ и встръчается на стоящихъ въ гавани нароходахъ.

Мостовыя — больное м'ясто почти всёхъ русскихъ городовь, не исключая Москвы. Владивостокъ въ этомъ отношении далеко не мо-жетъ считаться счастливымъ исключениемъ. Даже главная улица города, Светланская, замощена не вся, а только на протяжени 370 саженей, отъ морского собранія до женской гимназіи. Этотъ небольшой клочокъ мостовой обощелся, какъ говорять, городу въ 45 тысячь рублей. На всёхь же остальныхь улицахь Владивостока благолодучно лежить девственный грунть. Тротуары здёсь преимущественно деревянные: каменные имбются лишь на пяти упицахъ: Свътланской, 1-ой Портовой, Аванасьевской, Суйфунской и Алеутской. Учебныхъ заведеній во Владивостокъ сравнительно немного: двъ гимназіи (мужская и женская) и пять низшихъ шкодъ (двъ элементарныя, двъ городскія и одно церковно-приходское училище). Спеціальныхъ школь 2: Портовая школа морского въдомства и Александровскіе мореходные классы. Въ время моего здёсь пребыванія заканчивалось постройкой зданіе института восточныхъ языковъ, который теперь уже открыть. Общественная жизнь сосредоточивается во Виадивостокъ главнымъ образомъ въ клубахъ; ихъ три: военный, морской и приказчичій. Общественныхъ садовъ также три: Городской, находящійся противъ базара, съ мододыми, жиденькими дерев-цами, Адмиральскій и садъ имени Невельскаго, на илощади между морскимъ клубомъ и 1-ой элементарной школой.

Сообщеніе въ городь производится при помощи легковыхъ извозчиковъ, количество которыхъ въ Владивостокъ далеко недостаточное для такого, сравнительно, большого города. Плата извозчикамъ производится по таксъ: конецъ въ чертъ центральныхъ улицъ—20 к., на окраину—40 к., по часамъ—80 к.,—это дневная такса, ночью цъна увеличивается вдвое. Въ дни большихъ праздниковъ, какъ Пасха, Рождество и Новый годъ, такса недъйствительна; плата назначается по соглашенію, что, конечно, далеко невыгодно для пассажировъ. Ломовой извозъ находится еще въ худщемъ состояніи. Небольшія двухколесныя тельти ломовыхъ извозчиковъ, запряженныя въ одну пошадь, мало пригодны для перевозки тяжестей. Плата помовому, благодаря небольшому ихъ количеству, очень высока—10 руб. въ день. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ вызвалъ къ жизни новую отрасль труда—ручную переноску тяжестей. Носильщиками во Владивостокъ являются преимущественно корейцы и манзы, т.-е. выселившеся въ русскія области китайцы. Эти носильщики пока не платять никакихъ городскихъ повинностей, но есть

проекть о привлечени ихъ къ уплатъ налога въ пользу города, что н будеть, въроятно, выполнено въ недалскомъ времени.

Одежда корейца-носильщика состоить изъ своеобразнаго покроя куртки изъ бёлой англійской ткани и такихь же щароварь. Какъ куртка, такъ и шаровары въ большинствъ случаевъ выстеганы на ватъ, и этотъ костюмъ для миогихъ изъ нихъ служитъ единственною одеждою и въ дютые зимніе холода и въ дътнюю жару. За бёлый цвътъ одежды русскіе во Владивостокъ дали корейцамъ шутивое прозвище — «бёлые голуби». Женщины-корейки, подобно своимъмужьямъ, предпочитаютъ бълый цвътъ. Обувь корейцевъ также весьма незатъйлива: она состоитъ изъ особаго типа сандалій съплетеной подошвой. Корейцы, какъ и китайцы, носятъ косы, собирая ихъ по-женски въ пучокъ; голову прикрываютъ широкополой шляюй. Во Владивостокъ корейцы пользуются репутаціей скромныхъ, тихихъ, а главное дешевыхъ работниковъ.

Мадзы появились въ Уссурійскомъ край задолго до русскихъ. Они пришли сюда еще во время владычества маньчжуръ, спасаясь отъ голода, грозившаго имъ на родинв. Первые китайды, появившеся въ Уссурійскомъ край, были преимущественно бродячіе: или охотники за дичью и пушнымъ звёремъ, или же искатели «женьшеня»—знаменитаго «корня жизни», такъ дорого цёнимаго китайскими лѣкарями. Хозяева страны, маньчжуры, отпосились къ этимъ выходцамъ весьма негостепріимно, и число манзъ было незначительно.

Съ водвореніемъ же здісь русскихъ иммиграція китайцевъ усилинась, чему особенно способствовало радушіе русскихъ властей, которыя желали имъть въ вознакающемъ край достаточное количество рабочихъ рукъ. Появившіеся впосл'вдствій русскіе рабочіе встр'втили въ манзахъ опасныхъ конкурентовъ. Правительство, нуждаясь въ русской колонизаціи края, приняло сторону своихъ соотечественниковъ. Противъ иммиграціи китайцевъ-манзъ говорило еще и финансовое соображение: заработокъ русскихъ рабочихъ остается цёликомъ въ Россіи, тогда какъ манзы, заработавъ въ Уссурійскомъ крав, увозять русское золото въ Китай. Вообще, съ появленіемъ русскихъ рабочихъ, китайцы утратили свое привилегированное положение и права ихъ постепенно сокращаются. Подобно корейцамъ манзы народъ очень трезвый, охотно помогають своимъ соотечественникамъ и считають это священною обязанностью. Чувство солидарности и, какъ следствіе ея, взаимопомощь развиты у манять въ весьма высокой степени.

Громадный наплывъ прислуги изъ японцевъ уменьшилъ въ посибднее время заработовъ русскихъ служащихъ, котя въ общемъ

и теперь прислуга очень дорога. Такъ, плата женской русской прислугь колеблется между 10-15 руб. въ мьсяць; японки же получають отъ 15 до 20 руб. Заработокъ мужской русской прислугвдо 35 р. въ мъсяцъ, японской — отъ 20 до 25 р. Сравнительно высокій заработокъ японокъ объясняется ихъ трудолюбіемъ, исполнительностью и опрятностью. Въ русской женской прислугъ ощущается большой недостатокъ, въ силу чего она здёсь требовательнёе, чёмъ где-либо въ Россіи. Кухарка, наприм., никогда не станетъ исполнять даже при маленькомъ семействъ роль «одной прислуги», хо-есть быть одновременно кухаркой, горничной и прачкой, что мы постоянно встръчаемъ, напримъръ, въ Москвъ. Во Владивостокъ кухарки настолько высоко ставять свою профессію, что даже не соглашаются носить съ рынка кульки съ провизіей, вероятно, считая это несовиестимымъ съ своимъ достоинствомъ. Мив самому приходилось наблюдать спъдующія сцены: барыня и кухарка, возвращаясь сърынка, не несуть никакихъ покупокъ-провизію и всякія покупки, хотя бы ихъ быдо самое незначительное количество, несеть непремънно носильщикъкореець, который за ничтожную сравнительно плату въ 5 к. отправляется съ вами на любую окраину города. Во Владивостокъ всякій русскій требуеть за оказанную услугу крупнаго вознагражденія. Я не забуду откровенно выраженнаго мнв неудовольствія одного банщика, трудъ котораго я оцениль въ 50 к.! «Помилуйте, -- обидчиво заявиль онп, -- вев господа платять мив не менве рубля!»

Отдаленность этого края отъ торгово-промышленныхъ центровъ, младенческое состояніе містной производительности—все это вмість взятое ложится тижелымъ бременемъ на здішняго потребителя. Постройка Сибирской желівзной дороги привлекла во Владивостокъ новыхъ жителей и тімъ еще повліяла на вздорожаніе продуктовъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что жизнь въ Хабаровскі, Владивостокі и другихъ пунктахъ этой окраины обходится дороже, чімъ въ Москві.

Владивостокъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Милліоны русскаго правительства притянули и до сихъ поръ еще притягивають сюда массу лицъ, ищущихъ наживы. Большая часть этихъ дѣльцовъ очень неблагодарна къ обогащающему ихъ городу и смотритъ на него, какъ на временное мѣстопребываніе: стоитъ имъ нажитъ достаточную сумму, какъ они безъ сожалѣнія бросаютъ Владивостокъ, разъѣзжаясь во всѣ концы міра. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что во Владивостокѣ отсутствуетъ общественная жизнь: она здѣсъ немыслима. Каждый пароходъ, привозя новыхъ лицъ, увозитъ «нажившихся». Эти новые поселенцы воодушевлены тою же идеей, что и ихъ предшественники, —какъ можно скорѣе разбогатѣть. Врадъ ли въ цѣломъ мірѣ найдется другой городъ, который бы совмѣщаль въ себѣ столько народностей, какъ Владивостокъ. Здѣсь можно встрѣтить русскихъ, поляковъ, французовъ, кавказскихъ горцевъ, корейцевъ, англичанъ, китайцевъ, нѣмцевъ, японцевъ, американцевъ и проч. Какая же общественная жизнь можетъ сложиться при такомъ разнообразіи народностей?

Естественно, что жители Владивостока разбиваются на кружки по національностямъ и мало или почти не сообщаются съ людьми, не принадлежащими къ данному кругу.

Общественныя развлеченія города исчернываются нівсколькими клубами, изъ которыхъ главные (морской, военный и приказчичій) я уже перечислиль; есть, кромів нихъ, еще мелкіе, какъ, наприм., нівмецкій, или частный, клубъ. Семейнаго характера клубы не имівотъ за отсутствіемъ женщинъ. На здішнихъ «семейно-танцовальныхъ» вечерахъ не рідкость встрітить человікъ сорокъ мужчинъ и всего 6—7 дамъ.

Мнѣ пришлось посѣтить какъ-то мѣстныя бани; я, конечно, не ожидаль здѣсь встрѣтить такія бани, какъ въ Константинополѣ или въ Москвѣ, но ихъ неудобное расположеніе и грязь удивили меня. Въ японскихъ же баняхъ царитъ удивительная простота нравовъ: мужчины и женщины, ничтоже сумняшеся, моются здѣсь вмѣстѣ, въ общей банѣ; правда, въ послѣднее время этотъ оригинальный обычай уже оставляется. Что касается морскихъ купалень, которыя находятся въ заливѣ Цетра Великаго, то онѣ построены очень недавно. Мѣсто выбрано для купанья очень удачно: море мелко, съ пссчанымъ дномъ, безъ обрывовъ.

Каседральный соборь во Владивостокъ ностроенъ въ 1889 году. Архитектура храма очень красива, но, въ виду того, что съ каждымъ годомъ увеличивается численность православнаго населенія, соборъ становится тъснымъ. Съ высокой колокольни храма открывается живонисный видъ на заливъ.

Съ проведениемъ желвзной дороги и съ занятиемъ Портъ-Артура, промышленное значение Владивостока сильно возросло, и наличностъ существующихъ въ городъ гостиницъ и номеровъ не удовлетворяетъ потребности приважихъ, такъ что зачастую приходится останавливаться на частныхъ квартирахъ.

кажъ въ городъ сравнительно молодомъ, во Владивостокъ естественно нътъ достопримъчательностей въ настоящемъ смыслъ этого сдова, но изъ всъхъ монументальныхъ построекъ обращаетъ вниманіе православная часовня, построенная въ память коронованія ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Часовня эта сооружена на средства, собранныя путемъ пожертвованій.

Среди другихъ капитальныхъ зданій города сийдуєть отмітнть японскій и китайскій молитвенные дома.

Японскій молитвенный домъ находится на Семеновской улиць; онъ построенъ въ 1895 году; это — каменное, одноэтажное зданіе. Внутри на возвышенномъ мъстъ, въ большомъ деревянномъ, вызо-доченномъ кіотъ помъщается изображеніе Будды; предъ нимъ поставлены три своебразныхь свёчи, сдёданныхь изь сада и воска, и балки различныхъ цебтовъ. Предъ кіотомъ теплятся оригинальныя лампады, ваполненныя масломъ. Въ храмъ нътъ никакой мебели, кромъ кресла, на которомъ во время богослуженія возсёдаеть главный жрець. По ствнамъ храма висять рукописные листы съ перечнемъ именъ жертвователей. Спускающіяся съ потолка двъ серебряныя люстры и керо-синовая лампа—вотъ и все освъщеніе молитееннаго дома. Ритуалъ богослуженія, требуеть, чтобы молящіеся предъ входомъ въ храмъ снимали въ его преддверін обувь и производили омовеніе рукъ. Для этой цёли при входё стоить кадка съ водой. Молящіеся слушають богослуженіе, сидя на корточкахъ; мужчины -- отдёльно отъ женщинъ. Молитвенное настроеніе народа поддерживается ударами духовнымъ лицомъ въ барабанъ и въ небольшую мъдную плиту. Въ обыкновенное время богослужение совершается отъ 1-2 часовъ двя, за исключениемъ трехъ праздниковъ, когда оно болфе продолжительно.

Японскія духовным лица во время богослуженія облачаются въ особенную одежду, обычно одёваются такъ же, какъ и міряне, т.—с. въ свои излюбленные халаты, шелковые или бумажные, сшитые по японскому фасону безъ ваты, и коротко стригутъ волосы.

Находящійся на краю города китайскій молитвенный домъ похожъ

Находящійся на краю города китайскій молитвенный домъ похожъ своею архитектурой и убранствомъ на только что описанный японскій, но меньшихъ размёровъ и болёе скромно обставленъ.

Преобладаніе военнаго элемента въ составѣ населенія бросается въ глаза: военными мундирами всевозможныхъ родовъ пестрѣютъ всѣ улицы Владивостока, а орудійные залны практической артиллерійской стрѣльбы, не смолкающей цѣлое лѣто, довершають характерную картину жизни нашего восточнаго порта. Его своеобразный стройжизни является, между прочимъ, причиной общей дороговизны, которая въ особенности даетъ себя чувствовать пріѣзжему человѣку, вынужденному пользоваться пріютомъ гостиницы.

Несмотря на то, что Владивостокъ является наиболее оживленнымъ, административнымъ и торгово-промышленнымъ пунктомъ Приморской области, онъ не можетъ похвастаться своимъ благоустрой-

ствомъ, и въ пору весенией и осенней распутицы непролазной грязью сильно напоминаетъ наши провинціальные захолустные уголки.

Бухта «Золотой Рогь» во Владивостокъ можеть виъстить въ себъ целый флоть, приблизительно около 200 кораблей. Самые больше эскадренные броненосцы, сидяще въ водъ на 27 футовъ и болъе, могуть безопасно маневрировать въ этой бухтъ.

А. Виноградовъ.

Островъ Аскольдъ.

Островь Аскольдь, видимо, вулканическаго происхожденія, состоить изъ громадныхь масивовь гранита, представляющихь собою цёлыя горы и покрытыхь на новерхности тонкимъ слоемъ хорошаго назема, на которомъ силошь растеть кудрявый какъ овчина кустарникъ и разное медколѣсье. Колючій кустарникъ этоть по мѣстному русскому названію «таволожникъ», покрываеть всѣ доступныя вѣтрамъ мѣста здѣшнихъ побережій и употребляется на топливо. Впрочемъ, дровъ здѣсь въ избыткѣ, несмотря на то, что уже много лѣсу изведено золотымъ прінскомъ, когда на немъ работали локомобили. Въ аскольдовскихъ кустарникахъ водится не мало дикихъ козъ, оденей и фазановъ.

Верега острова мѣстами очень круты, обнажены и обрывистоскалисты, такъ что наименьшая глубина около нихъ въ сѣверной (обращенной къ материку) части равняется 21 сажени, а въ южной, составляющей выдавшінся въ море крылья небольшой бухты, достигаетъ 30 и 31 сажени. Аскольдовскую бухту, имѣющую въ среднемъ 15 саженей глубины и довольно просторную для стоянки нѣсколькихъ судовъ, нельзя однакоже назвать особенно удобною, потому что она подвержена при западныхъ и южныхъ вѣтрахъ сильнымъ волненіямъ и громадному прибою, идущему изъ открытаго моря. Эта бухта, вѣроятнѣе всего, была когда - нибудь кратеромъ вулкана, погребеннаго нынѣ подъ водою, вслѣдствіе подземной работы вулканическихъ силь, когда юго-западная часть его кольца глубоко осѣла и обрушилась въ море. Это предположеніе подтверждаютъ какъ форма самой бухты и господствующаго надъ нею хребта, имѣющаго въ планъ видъ полумъсяца, такъ и соотвътствующее ему общее очертаніе береговъ всего острова и, наконецъ, самый характеръ высокихь обрывовъ, которыми оканчиваются оба крыла бухты, при входъ въ оную. Море у южныхъ и юго-западныхъ береговъ Аскольда, даже и въ самыя холодныя зимы, всегда свободно ото льда, который держится незначительными припайками лишь въ изгибахъ берега. Зато густые мокрые туманы въ лътнее время дълають плаваніе около этихъ мъстъ далеко небезопаснымъ. Эти туманы, насъдающіе вплоть до самой поверхности моря, бываютъ столь густы, что, подходя къ острову, вамъ скоръе удастся разслышать шумъ прибоя, чъмъ увидъть берегъ, о который этотъ прибой разбивается. Въ особенности же должны быть осторожны суда паровыя въ случаъ тумана при полномъ штилъ.

Въ глубинъ бухты на берегу виднъется нъсколько домиковъ, гдъ живутъ наши и манзовскіе золотепромышленники съ ихъ рабочими. Позади домиковъ видны и самыя розсыпи. Однъ изъ нихъ идутъ вдоль высохшаго русла горной рѣчки; другія же находятся по близости отъ первыхъ и направляются вдоль песчанаго берега бухты.

Проходя мимо Аскольда, нельзя не вспомнить о такъ-называемой «манзовской войнё», которая разыградась въ Южно-Уссурійскомъ крав въ 1868 году, и первоначальною причиной коей послужили Аскольдовскіе золотые прінски. Впервые они были найдены въ 1867 году, и въсть объ этомъ открытіи, равно какъ и преуведиченная молва объ ихъ «необычайномъ» богатствъ взволновали все манвовское население не только у насъ, но и въ Маньчжуріи. Множество искателей-китайцевъ сразу кинулось на Аскольдъ, что, разумъется, не укрылось отъ свъдънія административной власти во Владивостокъ. Надо было принять немедленныя мъры къ прекращенію дальнійшей хищнической разработки, такт какт розсыни эти, благодаря своему островному положенію, ни разу еще не подвергались въ прежніе годы эксплоатаціи манзами и повидимому объщали быть очень прибыльными. Командиру шхуны «Алеутъ» было при-казано зайти на Аскольдъ посмотръть, что тамъ творятъ манзы, и если слухи объ ихъ работахъ подтвердятся въ дель, то воспретить имъ дальнъйшій промысель.

Придя въ Аскольдову бухту осенью 1867 года, командиръ шхуны «Алеутъ», капитанъ-лейтенантъ Этолинъ, дъйствительно нашелъ на островъ до трехсотъ манзъ, занятыхъ промывкой. Это обстоятельство побудило его сдълать высадку вооруженной команды и потребовать прекращения работъ. Манзы не противоръчили и даже сломали свои золотопромывныя постройки, объщая вовсе убраться съ острова въ непродолжительномъ времени. Но чтобы върнъе наблюсти за очищеніемъ ими островной территоріи, тамъ былъ установленъ временный постъ, до наступленія зимы, а на материкъ, въ сосъдней съ Аскольдомъ бухтъ Разбойникъ, учрежденъ постоянный военный постъ, съ командой въ 25 человъкъ. Однако этихъ мъръ оказалось недостаточно. Въсть о богатствахъ Аскольда за зиму распространялась все болъе и болъе по сосъднимъ маньчжурскимъ и китайскимъ провинціямъ, и потому, съ началомъ болъе теплаго времени, начался усиленный приливъ китайскихъ выходцевъ къ нашимъ южно-уссурійскимъ побережьямъ. Вст манзовскія деревни и фермы были переполнены ими.

19 апрёля 1868 года, шхуна «Алеутъ», придя къ Аскольду, застала тамъ разработку уже въ полномъ разгаръ. Капитанъ-лейтенантъ Этолинъ, такъ же какъ и въ прошлый разъ, высадилъ команду, состоявитую изъ двадцати матросовь, съ темъ, чтобы потребовать прекращения работь. Но едва прошли они берегомъ нъсколько шаговъ, какъ въ команду грянулъ ружейный залпъ и полетъли камни. Вследь за темъ выскочили изъ засады несколько сотъ манзовъ, вооруженныхь, чёмъ попало, и начали окружать нашь десанть, стараясь отрёзать его отъ берега. Канитанъ-лейтенанть Этолинъ, благодаря бывшему съ нимъ револьверу, заставилъ несколькихъ китайцевъ разступиться предъ собою, и команда вследе за нимъ штыками проложила себъ дорогу къ тремъ шлюпкамъ, изъ которыхъ одну пришлось оставить на мъстъ. Три человъка изъ нашего десанта были убиты и восемь ранены, въ томъ числе два офицера. По отходв «Алеута», манзы въ значительномъ числв перебрадись съ Аскольда на матерой берегъ и, соединясь тамъ съ побережными бандами хунтузовъ, сделали нападение на военный постъ въ бухге Стрелокъ, уничтожили его поджогомъ и затемъ перекинулись въ долину реки Цимухэ, гдъ сожгли русскую деревню Шкотово и нъсколько корейскихъ дворовъ. Послъ этого, ежедневно усиливансь новыми бандами, они двинулись вглубь страны и сопровождали свое шествіе поджогами и убійствами, избивая русскихь поседянь, солдать, женщинь и дътей, попадавшихся имъ въ руки. Деревня Суйфунская и прекрасное большое село Никольское были выжжены ими дотла. Совершивъ цълый рядъ подобныхъ подвиговъ, манзы разбились на нъсколько отрядовъ и заняли очень крыпкія оть природы позиціи, которыя почитались ими даже за пеприступныя. Русскіе отряды были двинуты противъ манзовъ съ ръки Уссури, озера Ханка и изъ Владивостока, но пока были едёланы для этого надлежащія распоряженія, успёло пройти немало времени, въ теченіе коего манзы чувствовали себя полными хозяевами края. Успёшная атака занятых ими позицій на Цимухэ и Суйфуні, очистка містностей посредствомъ подвижныхъ военныхъ колоннъ, искрестившихъ край въ разныхъ направленіяхъ, и строгое наказаніе всёхъ хунхузовъ, взятыхъ съ оружиемъ въ рукахъ, положили конецъ манзовскимъ безпорядкамъ.

Аскольдовскіе прійски, сравнительно съ прочими, находятся въ наклучшемъ, наивыгоднъйшемъ положеніи, и это потому, что Аскольдъ—островъ, всегда имѣющій близкое и удобное сообщеніе со Владивостокомъ, и притомъ островъ небольшой, съ русскими жителями, которые съ вершины его кряжа могутъ во всякое время и во всѣ стороны видѣть, что творится у его береговъ, такъ что тутъ не спрячешься отъ ихъ глаза, да и не во всякомъ мѣстѣ пристанешь къ этимъ отвѣснымъ скаламъ. Поэтому тутъ живутъ манзы только «честные», то-есть открыто нанимающіеся въ работники къ нашимъ золотопромышленникамъ за извѣстную плату.

Но воть мы уже на траверз Аскольдовскаго маяка, который какь бы висить надъ высокимъ гранитнымъ обрывомъ. Невдалекъ отъ него находится мысъ Шугайдуй, вдающійся въ море цълымъ рядомъ голыхъ, остроконечно иззубренныхъ, высокихъ камней. Замысомъ на восточной сторонъ острова есть небольшая долинка, и въ ней находится второй золотой пріискъ.

Профили и силуэты Аскольда очень красивы, въ особенности когда нёсколько пройдешь за мысъ Шугайдуй къ востоку. Обрывы скаль надають въ море совершенно вертикально, а вершины ихъторчать словно иглы обелисковъ и гигантскія башни среди развалинь какого-то громаднаго циклопическаго замка. Все это, будути освёщено косыми и потому нёсколько розоватыми лучами вечернято солнца, представляеть чрезвычайно фантастическую картину.

В. Крестовскій.

Посьетъ.

Въ семь часовъ утра крейсеръ «Европа» снякся съ якоря и часъ спустя уже вышелъ на просторъ Амурскаго залива.

Русскій островь (онь же и Казакевича), сь цілымъ рядомь своихь уютныхь бухть, обрамденныхь возвышенными ліссистыми берегами, остался позади, а вліво оть нась потянулся цілый архинелагь небольшихь скалистыхь острововь, составляющихь продолженіе того же горнаго кряжа, который образоваль собою весь полуостровь Муравьева-Амурскаго и островь Казакевича. Этоть 'архинелагь, распадаясь на двіз большія группы—сіверную (наибольшую) и южную, накь бы отділяєть Амурскій заливь оть водь залива Петра Великаго и даеть ему боліве укрытое спокойное оть бурь положеніе. Весь архипслагь вулканическаго происхожденія; иные острова покрыты лібсомъ, иные мелкимь кустарникомъ, а есть и такіе, что представляють глыбы совершенно голыхь скаль, лишь кое-гді тронутыхь зеленью мха или мелкорослой травки.

Вправо отъ насъ бѣлѣлись высокіе крутые обрывы материковаго берега.

Въ началъ девятаго часа утра небо прояснилось, и яркое солнце отеплило своими нучами колодные дотол'я тоны широкой картины. Яснье выступили неровныя, мыстами волнистыя, мыстами зазубренныя очертанія обоихь береговь залива. На правомъ вомъ берегу, который прилегаеть къ Манчжуріи, очертанія горныхъ хребтовъ видивлись целыми перспективами, одни за другими, какъ бы выглядывая другъ изъ-за друга, и чёмъ дальше отходили эти хребты отъ берега въ глубь страны, тъмъ все выше и выше становились они, постепенно мёння буровато-синюю окраску на болъе голубые, легкіе и воздушные тоны. Видъ воды въ заливъ при полномъ штилъ отличался какою-то стеклистостью. Широкая зыбь грядами ила съ юго-востока, и волна переливалась въ волну совершенно плавно, даже медлительно, безь малъйшей мелкой ряби на своей поверхности, такъ что все окружающее насъ водное пространство представлялось какъ бы массой расплавленнаго стекла съ тускложемчужнымъ отсвётомъ.

Миновавъ южную группу архипедага, мы вскоръ вышли на видь мыса Гамова, отъ котораго надо брать курсъ на западь въ заливъ Посьета. Въ этомъ мъстъ нашъ крейсеръ стало вдругъ покачивать довольно чувствительнымь образомъ. Что за притча такая? Ни малъйшаго вътра, а качаеть, и волненіе развело весьма порядочное. Оказалось, что всему причина Гамовъ, этотъ, по замъчанію моряковъ, истинный «Мысь бурь» Японскаго моря.

Гамовъ мысъ, названный такъ въ честь одного изъ нашихъ моряковъ, который открылъ его, образуется крутымъ склономъ горы Гамова, имѣющей до 1.800 футовъ высоты. Опъ значительно выдается въ море своими обрывисто-каменистыми берегами (отъ 20 до 30 саженей глубины вплоть у береговой черты) и до того пугаетъ всѣхъ мѣстныхъ плавателей, что извѣстенъ у русскихъ поселенцевъ подъ прозвищемъ мыса Хамова; матросы же наши хотя и называютъ его настоящимъ именемъ, но увѣрены, будто оподано ему потому, что кругомъ его, вслѣдствіе прибоя и зыби съ моря, всегда стоитъ шумъ и гамъ. Манзы и предъ огибаніемъ, и послѣ огибанія этого мыса въ плоскодопныхъ джонкахъ и самиантахъ молятся богамъ и ставятъ свѣчки предъ образами въ своихъ часовняхъ, построенныхъ по сѣверную сторону камней Астафъсва и и въ бухтѣ Гамова.

Миновавъ этотъ милый мысь, мы опять вступили въ штилевую полосу и при великолбиной ясной погодв въ одинадцать часовъ дия уже входили во внёшнюю часть залива Посьета, извёстную подъ именемъ рейда Паплады и названную такъ въ память фрегата «Паллады», посътившаго этотъ рейдъ въ началъ 50-хъ годовъ, съ графомъ Путятинымъ, Посьетомъ и нашимъ почтеннымъ писателемъ И. А. Гончаровымъ. Длина рейда въ десять, ширина въ пять верстъ, а наибольщая тлубина 12 саженей.

Уже самый рейдь Паллады образуеть весьма удобную гавань, но, пройдя его, встрёчаются еще два общирные бассейна, представляющіе какъ бы два озера, соединенныя между собою и съ рейдомъ Паллады узкимъ проливомъ (около 360 саженей ширины), которымъ однако можко безъ малёйшихъ неудобствъ проводить военныя суда всёхъ ранговъ. Западный бассейнъ носить названіе бухты Экспедиціи, а восточный—бухты Новгородской. Всё эти воды извёстны въ общемъ подъ именемъ залива или гавани Посьета. При входё въ заливъ водное пространство между мысами Дегера и Суслова равняется четыремъ милямъ (7 верстъ). Берега рейда Паллады не особенно высоки: южный берегъ вообще гористъ, достигая у мыса Суслова 820 футовъ, а сѣверный притлубъ и склоняется къ водё

крутыми скалами, частію известняковой, частію гранитной формаціи. Туть встрівчается гранить и красный и стрый.

Дойдя до западнаго конца рейда Паллады, мы повернули на съверъ, въ узкій проливъ, соединяющій Палладу съ объмми внутренними бухтами. Здѣсь, какъ бы посреди залива, торчитъ скалистая глыба, называемая Шурхадо. Вся она покрыта неглубокимъ слоемъ гуано и потому еще издали бросается въ глаза своимъ яркобъльмъ цвѣтомъ. Отъ этой глыбы вдѣво тянется низменная, длинная песчаная коса, около тридцати саженей шириною, отдѣляющая Палладу отъ бухты Экспедиціи. Тутъ—вѣчный притонъ не только дикихъ утокъ и иныхъ водяныхъ итицъ, но и змѣй, которыхъ на косѣ множество.

Скала Шурхадо и противулежащій ей мысъ полуострова Краббе образують вышесказанный проливь, въ серединѣ котораго находится другая надводная кекура *), разділяющая его на два узкіе, но глубокіе канала. Выль моменть, когда, проходя однимь изъ нихъ, мы могли бросить одновременно взглядь на объ бухты. Экспедиціи и Новгородскую. Первая является широкимъ бассейномъ, имъющимъ въ длину, а мъстами и въ ширину, до десяти верстъ и даже нъсколько болье, при наибольшой глубинь въ пять саженей; средняя же глубина ся — три сажени. Берега ся болье отлоги, чымь берега бухты Новгородской: мъстами они даже совершенно плоски, такъ какъ болве значительныя возвышенности отступають вглубь страны, что не мъщаетъ однако же картинности общаго пейзажа этой букты. Средняя глубина ея, разумвется, недостаточна для глубоко сидящихъ судовъ, тъмъ болье, что, принимая въ себя пять ръчекъ, стекаюшихъ съ горъ, она все болъе и болъе засоряется противъ ихъ устьевь; но для комерческихь судовь малой и даже средней осадки бухта эта вполнъ доступна и удобна.

Ея сосёдка, гавань Новгородская, простирается въ длину до девяти верстъ, имън отъ пяти до шести саженей глубины въ серединъ и въ ширину отъ полумили до двухъ миль. Она извивается сначала по направлению на востокъ, потомъ поворачиваетъ къ юговостоку и сканчивается круглымъ бассейномъ до двухъ съ половиной саженей глубины, который отдъляется отъ открытаго моря узкою, песчано-болотистою косой материноваго берега и представляетъ удобное и общирное помъщение для гребной и плоскодонной флотилии. Эта коса переходитъ въ скалистый и возвыщенный полуостровъ Краббе, кончающийся у пролива Шурхадо горой Краббе въ 470 фу-

^{*)} Такъ называются отдельно торчащіе изъ воды скалы й камни.

товъ и отділяющій рейдь Паллады отъ бухты Новгородской, которую съ сввера тоже окружають горы. Вообще на материка, облегающемъ заливъ Посьета, особенно съ съверо-западной его части, возвыщается несколько коническихь горь съ отногими скатами. Северо-восточная же часть материка представляеть хорошія и обширныя поля для хлібопашества. Надо замітить, что Новгородская гавань не принимаеть въ себя ни одного ручья и потому не подвержена засоренію. По своимъ качествамъ она могна бы быть первокласснымъ военнымъ портомъ, если бы по сосъдству не существовало Владивостока. Коническія возвышенности, окружающія гавань Посьета, въ стратегическомъ смысле, представляють прекрасныя, взаимно себя поддерживающія, позицін; равно и съ моря доступы въ гавань могуть быть легко и удобно защищаемы, но, къ сожальнію, ея стратегическому значенію м'єшаеть то, что лежить она на самомъ краю Россіи, въ 22-хъ верстахъ отъ корейской и 23-хъ отъ китайской границы, съ тыла. Кромѣ того, существують и нѣкоторыя климатическія неудобства, какъ, напримъръ, осенніе съверо-западные вътры, достигающіе силы настоящаго шторма и подымающіе по всей окрестной странъ тучи сухой пыли. Но главнъйшее неудобство Посьета заключается въ томъ, что этотъ заливъ на продолжительное время и на довольно значительное пространство покрывается льдомъ, тогда какъ лежащія почти на одной съ нимъ широтъ, но по другую сторону залива Петра Великаго, гавани Стреловъ и Америка вовсе не замерзають.

Первоначальное занятіе Посьета русскими офиціально считается съ конда іюня мёсяца 1860 года, когда въ этотъ пунктъ была высажена рота 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона подъначальствомъ поручика Черкасскаго, который основалъ военный постъ, названный Новгородскимъ, на полуостровъ Тироль, отдъляющемъ бухту Экспедиціи отъ бухты Новгородской. Но въ этомъ пунктъ еще за три мъсяца до прибытія роты 4-го линейнаго батальона уже находилась небольшая команда нашихъ матросовъ съ лейтенантомъ П. Н. Назимовымъ, посланная сюда для добыванія каменнаго угля.

В. Крестовскій.

По Восточно-китайской жельзной дорогь.

Уже начиная съ Читы по объимъ сторонамъ полотна желъзной дороги пошла степь. Тайга и лъсные урманы Забайкалья остались назади. На станціяхъ, кромъ бурять, виднъются монголы. Это—рослые, мускулистые молодцы, сильно контрастирующіе съ низкорослымъ «братскимъ» племенемъ.

Степныя пространства Забайкалья составляють одно цёлое съ необозримой маньчжурской степью, сливающейся въ свою очередь съ великой монгольской равниной.

Все это пространство, когда и пробъжаль по немъ, было покрыто тонкимъ слоемъ снета, надъ которымъ высидись метелки ковыля, кусты бурьяна и желтёла прошлогодняя трава. Равнина эта иногда только слегка волниста, а подчасъ сильно холмится и даже подымается хребтами. Иэрёдка взоръ находитъ на ен поверхности островки дёса или кустарниковыхъ порослей. Степь дика, пустынна и нигдё не видно даже слёда какой-либо культуры. Эдёсь царство номадовъ, ихъ историческая колыбель.

Промелькнули послёднія станціи Забайкальской ж. д. Оловянная, Борзя съ таможней и пр., наконець мы пріёхали на станцію Маньчжурію, конечную для Забайкальской жел. дороги и исходную для Восточно-китайской.

Деревянный грязный баракъ, кинутый среди безпредъльной пустыни, около него нъсколько лачугъ, въ которыхъ ютятся лавчонки и нумера для прівзжающихъ,—вотъ вамъ и все, что называется станціей Маньчжуріей, пріобрѣтшей въ Восточной Сибири большую извъстность со времени открытія военныхъ дъйствій Японіей, какъ узловой жельзнодорожный пунктъ.

Нашъ повздъ засталъ станцію полной народа, ждавшаго возможности вхать на югъ, къ Харбину и далбе. Этой очереди ждали преимущественно призванные къ службе прапорщики запаса, бхавшіе на мёста своего назначенія. Всё они вхали преимущественно на нестроевыя должности: смотрителей военныхъ лазаретовъ, полевого телеграфа, почты и пр. Въ моментъ нашего прівзда на станціи уже быль одинъ воинскій повздъ, после насъ вскоре подошель отъ Читы другой, а еще немного—оть Харбина—третій съ беглецами.

Хотя войска и бъглецы останись ночевать въ вагонахъ, тъмъ не менъе на станціи некуда было приткнуться отъ тъсноты.

Я предъявиль военному коменданту станціи свои вбрительныя грамоты отъ редакцій газеть, командировавшихь меня на Дальній Востокь, и телеграмму отъ начальника штаба Намбетника Дальняго Востока ген.-лейт. Флуга о согласіи Намбетника на мой прівздъ въ Порть-Артуръ, и коменданть съ величайшею любезностью предложиль мив бхать утромъ слёдующаго дня въ 8 час. утра съ воинскимъ поёздомъ, везшимъ въ Порть-Артуръ эщелонъ запасныхъ нижнихъ чиновъ гор. Иркутска.

Русскій офидерт въ зимней походной одежде на Дальнемъ Востокъ.

Русскія войска на бивуакі въ Машьчжуріп.

За отсутствіемъ мѣстъ для ночиета принілось провести ночь на станціи по бивуачному и безъ сна. Около стола за стаканомъ чая собрадись офицеры, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ разныхъ мѣстахъ Китая уже нѣсколько лѣтъ. Это все былъ скромный и очень милый народъ. Нѣкоторые изъ нихъ хорошо знали Китай. Подились разсказы про кампанію 1900 года, про жизнь на стоянкахъ войскъ въ Маньчжуріи послѣ ея оккупаціи, про китайскую гражданскую жизнь и вообще про китайскіе порядки.

Между прочима мий пришлось узнать отъ моихь собесйдниковь интересныя сейдйнія о хунхузахь. Существуєть взглядь, что хунхузы—разбойники, грабители, вышедшіе изъ среды обездоленной массы клітайскаго народа, и что хунхузы—явленіе послідняго времени кнітайской жизни. По другому взгляду, хунхузы— явленіе чисто маньчжурское; они въ сущности то же самое, что ихетуанцы (боксеры) южныхъ кнітайскихъ провинцій. Въ дійствительности оказывается, что все это совеймь не такъ, что хунхузы представляють изъ себя соціальное явленіе большой исторической давности, явленіе крайне странное и дикое для человіка, незнакомаго съ исторісй и бытомъ нашего желтаго азіатскаго сосёда. Хунхузы, это—особый

Хунхузы, захваленные русскими, при покущени разрушить мань-журскую жел. дорогу (хунхузы скизаны косами).

классъ, сословіе китайскаго народа, современное существованіе которато освящено историческими традиціями и съ точки зрѣнія китайца такъ же законно и незыблемо, какъ и существованіе мандарината (чиновничества), купцовь, земледѣльцевь и пр. Хунхузы встрѣчаются по всей имперіи, но, нонятно, обиліе ихъ наблюдается главнымъ образомъ тамъ, гдѣ возможны большіе поборы (по нашему грабежъ). Работають китайцы при постройкѣ желѣзной дороги, — среди нихъ или вблизи нихъ обязательно находится нѣсколько человѣкъ хунхузовъ. Ловять десятки тысячъ китайскихъ джонокъ рыбу гдѣ-либо на морѣ, среди нихъ обязательно находится джонка съ нѣсколькими десятками вооруженныхъ хунхузовъ, зорко слѣдящихъ за количествомъ улова

рыбы каждой джонки и взимающими съ нихъ поборъ, пропорціональной добычь, и т. д.

Хунхузы обладають весьма цёлесообразно устроенной организаціей. Вся китайская имперія разбита на области, въ каждой изъ послёднихь царить опредёленная хунхузская организація, инфющая свои конторы и агентовъ. Какому-нибудь, положимъ, китайскому купцу надо сплавить джонки съ товаромъ по рёкъ. Онъ отправляется въ ближайщую хунхузскую контору мъстной хунхузской организаціи, вносить тамь въ кассу организаціи установленный налогь, получаеть квитаццію и тогда сповейно отправляется со своими джонками

вь нуть. Хунхузы даннаго района его уже не тронутъ. Когда джонки нашего купца приплывають вь мъстность, подведомственную другой организаціи, онъ снова выбираетъ изъ одной изъ ея конторъ квитанцію и плыветь дальше. У каждой хунхузской организаціи существують свои агенты, которые являются на джонки купца и контролируютъ его добросовъстность по отношенію къ ихъ организаціи. И горе купцу, если онъ совсёмъ не выбраль надлежащей квитанціи или даль вь конторъ невърныя свъденія о количествъ илывущихъ товаровъ. Тогда товары его конфискуются, а если купецъ упирается и пытается отстоять свое добро отъ посягательства на него хунхузовъ, ему рубять голову. Мы называемъ такія дійствія хунхузовь раз-

Покуменіе хунхузовъ взорвать мость на маньчурской ж. д. Казаки, застинувни жунхузовъ на мъстъ преступлена, подстрѣлвають ихъ.

боемъ, а китаецъ называетъ эт наказаніемъ купца за попытку нарушить освященныя временемъ права хунхузовъ на поборы. Хунхузскія конторы слывуть у китайцевъ съ недавняго времени подъ названіемъ страховыхъ конторъ. То, что продъдывается хунхузами съ купцомъ, то же самое они дѣлаютъ съ цѣлыми деревнями и даже городами. Послѣдніе обязаны платить имъ опредѣленный налогъ подъ страхомъ неминуемаго возмездія за нарушеніе обы чнаго правопорядка. Зная все вышензложенное, мы уже не станомъ удивляться такимъ явленіямъ, которыя часто им'вли м'всто годъ—два тому назадъ на Восточно-китайской жел'взной дорог'в. Бдутъ въбагжномъ вагон'в китайцы. Набиты они туда какъ сельди въбочкъ. На какой-либо станціи садятся въ ихъ вагонъ два — три повыхъ

Нападеніе кувкузовь на маньчжурскую желваную дорогу.

пассажира. Это—хунхувы. Едва повздь отходить отъ станціи, хунхувы начинають взимать со своихь спутниковь поборь. Китайцевъ сидять въ вагонв нёсколько десятковь человісь, но они безпрекословно платить поборь, требуемый двумя— тремя хунхузами. Если среди обираемыхь найдется строптивець, то прочія хунхувскія жертвы цілетьно помогають такъ-называемымь грабителямь наказывать

упрямца: его быоть, рубять пальцы на рукахь и ногахь или просто отхватывають ему голову. Хунхузы при этомъ только распоряжаются экзекуціей. Жалуются китайцы на хунхузовъ русскимъ на полосъ отчужденія очень різдко или же тогда, когда отъ тіхъ и сліздъ простыль. Чімь мотавирують хунхузы свое право на поборы? Мы задаемъ этоть вопросъ потому, что китаецъ, даже грабя своего ближняго, діздаеть это не просто, здорово живешь, а обязательно руководствуется при этомъ какими-либо соображеніями. Оказывается, что въ одномъ случаї хунхузы дізлають поборы на войско для дізйствій противь «біздыхь дьяволовь», въ другомъ—на путешествіе императрицы изъ Покина въ Мукденъ на поклоненіе праху предковь, въ третьемъ— на ублаготвореніе фудутуна и т. д. Часто эти мотивы дізтски наивны. Такъ, ежегодно на одной изъ морскихъ отмелей Печилійскаго залива около Инкоу собираются тысячи китайскихъ рабочихъ джонокъ, впадізньцы которыхъ платять хунхузамъ въ общемъ около 30-ти тыс. ланъ серебра за право ловли рыбы.

Ихетуанцы (боксеры), это — недавно возникшее братство фанатиковъ-націоналистовъ. Это мистики-изувъры, болъе опасные европейцамъ, чъмъ хунхузы. Ихетуанцы — секта, возникшая спеціально для поголовнаго истребленія «бълыхъ дыяволовъ», кто бы они ни были. Хунхузы — исковный классъ китайскаго народа, занимающійся грабежемъ главнымъ образомъ китайцевъ. До европейцевъ имъ въ общемъ дѣла мало. Ихъ активныя дѣйствія противъ русскихъ во время компаніи 1900 года и въ позднѣйшее время всецѣло вызывамись давленіемъ двуличнаго китайскаго правительства, если только не справедливо такое мнѣніе, что подъ видомъ хунхузовъ дѣйствовали противъ русскихъ преимущественно команды охотниковъ изъ китайской арміи. Странныя въ самомъ дѣлѣ были эти шайки хунхузовъ по нѣскольку тысячъ человѣкъ, снабженныя новѣйшими ружьями, солидными запасами патроновъ, даже артиллеріей!. Пользуясь европейскимъ незнаніемъ китайскаго уклада жизни, китайское правительство имѣло всегда полную возможность отряды своихъ войскъ выдавать за хунхузовъ.

B. X.

На постройкъ жельзной дороги въ Маньчжуріи.

(Изъ личныхъ воспоминаний).

Тихо, уютно и какъ-то душевно-тепло жилось скромнымъ труженикамъ на далекой чужбинѣ, среди чуждаго народа, чуждыхъ обычаевъ, нравовъ и върованій. Тѣсно сплотившись дружной семьей, создавъ себѣ свой особый мірокъ родимхъ интересовъ, вдали отъродины, семейства служащихъ на ностройкѣ сумѣли такъ устроиться, что время шло незамѣтно, скучать было некогда за массой своихъмелкихъ частныхъ дѣлъ и частныхъ волненій, являющихся извнѣ и всегда носящихъ свой мѣстный характеръ. Близость такого крупнаго центра, какъ Цицикаръ, столица Хейлудзянской провинціи, мѣстопребываніе цзянь-цзюня (генералъ-губернатора), всегда заставляла мѣстныя русскія власти быть на чеку, дипломатично дружиться съкитайскими сановниками, самимъ къ нимъ ѣздить и еще чаще принимать ихъ у себя, радушно утощая желтокожихъ, перемонныхъ вельможь, стараясь ни въ чемъ не преступить правилъ ихъ сложнаго и, для насъ русскихъ, подчасъ курьезнаго этикета.

Первый годь пребыванія на участкі постройки. Цицикарь (по китайски Букои-дзянь) служиль для насъ, жителей русскаго поселка вблизи маньчжурской деревни Фулярджи (въ переводь деревня варнаковъ), единственнымъ пунктомъ всевозможныхъ покупокъ. Коекто изъ представителей мёстныхъ торговыхъ фирмъ, побывавшій прежде въ Благовъщенскъ и понимающій немного по русски, сталь съ нашимъ прівздомъ выписывать русскіе товары, сахаръ, вино, водку, иеченыя и, не стъсняясь, назначать весьма круппыя поны могь въ скоромъ времени завести уже большіе магазины съ русскими товарами въ самомъ Фулярджи. Тогда уже повадки въ Цицикаръ происходили исключительно съ дипломатической цёлью отвётнаго визита какомунибудь важному генералу, посъщенія театра по особому приглащенію и т. и. Населеніе города очень скоро привыкло въ русскимъ, перестало удивляться имъ, и мпогіе служащіе, кадъ, напримёръ, докторъ, начальникъ участка, инженеръ, пользовались среди толпы большой популярностью, а моего мужа такъ всегда привътствовали на улицахъ криками: «командира, здравствуй». Удивительно способные къ изученю чужого языка, китайцы прямо-таки устыдили насъ, русскихъ,

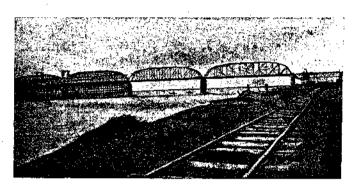
научившись понимать и говорить многія фрази, въ то время, какъ мы за цвлый годъ пребыванія въ странв не уловили ни звука изъ ихъ, правда, отчаянно труднаго языка. Помню, какъ я была удивлена и, право, даже сконфужена, когда на первый день Пасхи 1899 г. пріъхавшій среди прочихь сановниковъ поздравить насъ, сыять цзяньцзюня, молодой Сань-Ши-э, другь и пріятель нашъ съ перваго знакомства, подалъ мив голубое фарфоровое яйцо и чисто, твердо сказалъ по-русски: «Христосъ воскресе, командирша». Оказывается, этотъ симпатичный молодой китаецъ вотъ уже полгода старательно изучалъ русскій языкь подъ руководствомь старшаго переводчика цзяньдзюня, бывшаго когда-то переводчикомъ въ китайскомъ посодъствъ въ Истербургъ. Весь этотъ всчеръ мы говорили по-русски, конечно, съ помощью того-же переводчика, но все-таки пришлось удивляться снособности этого народа. Уже во второе лъто нашего пребыванія въ Фулярджи мъстные жители, разнося зелень и живность на продажу русскимъ, преисправно выкрикивали названія предметовь по-русски, а мы едва научились нѣсколькимъ словамъ и счету. Правда, что кологоство переводчиковъ съ каждымъ годомъ на участкъ все увеличивалось, и сношенія съ китайцами такимъ образомъ были очень легки. Относившівся сначала къ русскимь съ величайшимъ любопытствомъ и въ то же время усердно сторонясь отъ нихъ и тщательно скрывал свою интимную жизнь, эти желтые сыны Иеба къ концу года стали много довърчивъе, относились прямо дружески и мнъ даже пришлось видёть домашнюю обстановку одного знатнаго китайца, его жену и детей. Детишки, толстые, здоровые, по своему даже красивые въ нарядныхъ курмахъ (кофтахъ) и шаночкахъ съ красимъъ шелковымъ шарикомъ на серединъ ихъ, вначалъ дичились русской «бабушки» (названіе, данное вообще русской женщинт), но врасивыя куклы и другія игрушки скоро побъдили всякое недовъріе. Простой народъ, т. е. мъстные жители провинціи, охогно шли работать на постройку, нанимались въ прислуги, и многіе изъ нихъ такъ при-визывались къ своимъ господамъ, что и впослъдствін не покинули ихъ, отправившись за ними въ Хабаровскъ.

Такъ прошель везамітно среди новыхь интересовь, наблюденій первый годь жизни на постройків; наступиль второй. Діятельность такъ и кинівда; работы шли настойчиво, быстро, и просто не вірилось иной разъ, что только одинь годь минуль съ той поры, какъ мы вступили на эту землю, тогда такую пустынную, техую, теперь оживленную такой кипучей діятельностью. Длинная полоса къ западу отъ праваго берега р. Нонни вся сплощь была покрыта русскими домами, выстроенными въ два ряда, съ широкой улицей по-серединів.

прозванной діятьми Красной улицей. Обнесенный кругомъ высокой ствной съ воротами по серединъ и по краямъ, весь русскій поселокъ, облый, чистый, всегда оживленный, представляль издали очень нарядный видъ, и сердце радовалось, глядя, какъ постепенно разрасталось и богатъло это русское поселение. Общество тоже росло постепенно, явились различные проекты: школы для дётей, общаго собранія и. конечно, неркви, въ которой всеми ощущался сильный недостатокъ. Въ казармахь была устроена часовня, изящная, нарядная, какъ игрушка, вся сработанная руками казаковь, подъ руководствомъ ихъ командира и мъстныхъ дамъ: за отсутствиемъ священника, казаки просто иъли хоромъ молитвы по праздникамъ, свывая благовъстомъ всъхъ желающихь помолиться. Частенько и друзья-китайды заходили въ нашу часовеньку послушать птніе, и странне было видъть, когда которыйнибудь изъ нихъ съ самымъ значительнымъ видомъ опускалъ монету въ кружку, стоявшую на столикъ, гдъ продавались свъчи. Конечно. этимъ они только благодарили насъ русскихъ за полное невмъщательство и неназойливость въ дълахъ въры, выразившуюся даже настолько широко, что русскіе, откупивь у жителей деревни участокь земли, на которомъ стояла ихъ кумирия, построили имъ другую, гораздо большую и богаче обставленную, причемъ вст идолы были заказаны у лучшихъ мастеровъ въ Цицикарв и своей пестротой и уродствомъ превосходили всякое воображение. По случаю открытия этой новой кумирни китайскимъ делегатомъ было устроено большое празднество. выписанъ изъ города театръ, и вет мы приглашены въ особо устроенную ложу смотреть эти представленія. Конечно, обстановка, игра оставляли желать многаго, но акробатическія упражненія, діти-гимнасты и фокусники были поразительны. Въ содержании пьесъ главнымъ образомъ поражало то, что весь сюжеть ихъ вертълся на стремленіи женщины быть главою въ домъ, причемъ прекрасный поль всегда оставался побъдителемъ, между тъмъ именно у китайцевъ крайне жалко положение жены.

Къ весий этого года ждали мы появленія перваго локомотива на нашемъ участві. Высовая, ровная, лентой протянувшаяся по безпредільной степи насыць была уже готова. Желізнодорожный временной, деревянный мость черезъ р. Нонни къ маю місяцу должень быть окончень, и по немь предположено переправить изъ Харбина (центръ управленія дороги на р. Сунгари) всі матеріалы, необходимые для укладки рельсоваго пути на западныхъ участкахъ отъ Фулярджи до границы Сибири. Глазъ просто радовался, глядя на то, какъ сравнительно за такое короткое время русскіе успіли много сділать, поборовь всії затрудненія, какъ стихійныя, такъ и поли-

тическія. Необычайное оживленіе царило теперь въ этомъ еще такъ педавно б'ёдномъ и дикомъ степномъ уголк'ї с'іверной Маньчжуріи. Сама деревня Фулярджи сильно разрослась, увеличилось число огородовь, научились маньчжуры и китайцы садить русскія овощи и съ хорошимъ барышемъ продавать ихъ намъ. Мало того! они, викогда прежде не знавшіе молока, научились теперь доить коровъ и носили молоко по участку. Рядомъ съ полосой отчужденія, т. е. землей, откупленной дорогой для русскихъ построєкъ, появились славніля

Жельзнолорожный мость на р. Сунгари:

фанзы, бёлыя, нарядныя, съ русскими печами и окнами, открынось ивсколько хорошихъ китайскихъ лавокъ. Самый русскій поселокъ какъ-то незамётно рось и оживлялся. Посреди его возвышалось хорошее зданіе больницы, гдё билъ устроенъ и амбулаторный пріемъ, гдё китайцы, самые нищіе, принимались и осматривались врачемъ одинаково внимательно, какъ и русскіе. Молодой, энергичный, випмательный врачъ участка быстро сумёль заслужить довёріе населенія, и оно охотно шло къ нему со своими болячками, охотно ложилось въ больницу и часто съ большой неохотой уходило оттуда снова на свою нищету и голодь. По счастью, смертныхъ случаевъ среди китайцевъ, попавщихъ въ больницу, почти не было, а выздоров'ввшимъ всегда еще и денежное пособіе давали; понятно поэтому, что часто врачу приходилось энергично отказываться отъ назойливыхъ желгокожихъ націентовъ.

А. И.

Изъ маньчжурскихъ впечатлвній. *)

Кром'в больших городовь, имена которых более или мен'ве знакомы читателям, вдоль линіи Китайской Восточной жел'взной дороги образовались мелкіе русскіе поселки съ мудреными для русскаго слуха названіями **). Уже и теперь н'якоторые изъ нихъ им'вють совсёмь городской видь. Таковы, напр.: Джалань-тунь, Анвда — на с'яверномъ участк'я линіи, Куаньченцзы, Ляонъ — на южномъ, Ханьдаохецзы, Имяньпо — на восточномъ и мн. др. Вс'я они расположены около станцій жел'язной дороги, построены для служащихъ и для чиновъ военной охраны на полос'я отчужденія.

Въ Ханьдаохецзы имъется прекрасная церковь-школа, нъсколько хорошихъ лавокъ, два ряда каменныхъ желъзнодорожныхъ домовъ, каменная казарма для солдатъ и цъдый поселокъ для мелкихъ служащихъ и рабочихъ.

Отанція Ханьдаохецзы долго будсть мий памитна, какъ мѣсто одного изъ самыхъ тяжелыхъ впечативній, испытанныхъ мною въ Маньчжуріи. Станція эта расположена въ горахъ, въ очень живописной мѣстности. Почти весь путь отъ Харбина къ Владивостоку проходить горными хребтами, изрѣзывающими Гириньскую провинцію по всѣмъ направленіямъ. Мягкія диніи высокихъ холмовъ, зароспихъ роскошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, напоминаютъ Швейдарію. Этоодно изъ наиболѣе дикихъ и глухихъ мѣстъ Восточной Маньчжуріи, и въ самомъ центрѣ ея, на маленькой равнинкѣ, у источниковъ быстрой горной рѣчки, стоитъ станція Ханьдаохецзы, окруженная со всѣхъ сторонъ зелеными холмами.

Повядь стоить здвсь долго. Выла вторая половина сентябрьскаго дня, яснаго, теплаго, залитого солпцемъ. Склоны холмовъ, спускающіеся къ самому вокзалу, были такъ ярко освіщены, что тончайшія вітви гигантскихъ деревьевъ рельефно выділялись въ прозрачномъ воздухі, на синемъ небі. Въ одномъ місті линія горъ

^{*)} Эта статья приводится залъмъ, чтобы показать, какіе дарять порядки въ Маньчжурів, чего, понятно, не было бы при русскомъ управленія.

Составитель.

**) Въ разговорной ръчи ихъ скоро перецъзани на русскій надъ: Таолайчжае превратилось въ Талайчу, Нанъ-гулныниъ—въ Напалинъ, Ханьдаохецзы—въ Хандасецу и т. п.

разрывается пирокциъ ущельемь и открываеть дадь съ цёлымъ радомъ все возвышающихся холмовъ, подернутыхъ прозрачною синею дымкой...

Осень-лучшее время въ Маньчжуріи.

Послѣ душнаго вагона такъ легко дышалось свѣжимъ, лѣснымъ воздухомъ горъ, пропитаннымъ тонкимъ запахомъ хвои. Вагоны опустѣли; пассажиры разбрелись во всѣ стороны.

Я взобрался на гору, гдё росли чудныя сосны и откуда открывались новыя перспективы, новыя линіи синфющихь горъ. Изь этой синей дали выплыть орель. Онь летёль прямо къ вокзалу и остановился надъ нашею долиной высоко-высоко. Онъ почти неподвижно висёль въ воздухф, словно разематриваль, что это тамъ внизу, подъ нимъ, дёлають люди.

А внизу, въ полуверсть отъ вокзала, собралась большая толпа народа. Толпа увеличивалась. Мнѣ было видно съ горы, какъ съ разныхъ сторонъ къ ней подходили люди. Изъ поселка, съ вокзала, изъ мастерскихъ желѣзнодорожнаго дено шли женщины, мужчины, дѣти. Нѣкоторые бѣжали. Толпа всегда обладаеть непреодолимою силой притяженія.

Когда я спустился къ вокзалу, тамъ было почти пусто. Въ сторонъ, саженяхъ въ пяти, стояли два офицера и молча смотръли въ ту сторону, гдъ была толпа. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, что тамъ такое. Они оба взглянули на меня, потомъ обмънлись быстрыми взглядами между собою, но ничего не отвътили. Одинъ изъ нихъ, молодой поручикъ съ черною бородкой и блъднымъ худощавымъ лицомъ, опять сталъ смотрътъ на толиу, а другой, капитанъ, загорълое, обвътренное лицо котораго было мъдно-краспаго цевта, отвернулся куда-то въ сторону, словно хотълъ показать мнъ, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на то, что меня почемуто интересуетъ. Послъ нъсколькихъ секундъ неловкаго молчанія, когда я уже собрался уходить, капитанъ обратился ко мнъ и сказалъ:

— Не знаю, право. Можеть-быть, это-китайскій театрь.

Я поблагодариль и самь направился къ толив. Но оттуда ко мив навстрвчу шла быстро-быстро, почти бъжала, молодан женщина, мон соевдка по вагону. Она еще издали махала мив рукой и кричала страннымъ голосомъ:

— Не ходите, не ходите туда!

Я остановился и ждадъ. Я думадъ, что она объяснить мив, въ чемъ двло, но она прошла, не останавливансь, напротивъ, еще болье ускорила шаги, словно убъгая отъ преслъдованія. Меня поразила страшная блъдность ея лица и широко раскрытые, испутан-

ные глаза. А въ это время мимо меня прошель кондукторъ, а за нимъ объязи дъб телеграфистки, а за телеграфистками плелась, тяжело дыша, толстая баба съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. И всъ они устремлялись туда, откуда убъжала моя случайная спутница.

Она уже стояна воздё двери своего вагона и все тёми же широко раскрытыми глазами, въ которыхъ испугъ смёнивался съ любоцытствомъ, жадно смотрёна въ ту сторону, гдё бына толпа.

— Не ходите туда!—повторила она, когда я подошель, чтобы спросить. что она видить.

Я не видъль тамъ ничего, кромъ густо сбившейся толны русскихъ и китайцевъ, вадъ которой на высокомъ шестъ развъвался китайскій флагъ съ дракономъ. Не знаю, что ей показалось, но она вдругъ закрыла уши объими руками и сказала:

— Тамъ пытаютъ...

И убъжала въ вагонъ.

Это быль не китайскій театрь, а китайскій судь. Изъ сосёдняго города Пингуты пріёхали китайскіе судья и здёсь, около станціи Ханьдаохецзы, на открытомъ воздухё устроили свое засёданіе. Дёло въ томъ, что пёсколько дней тому назадъ поймали гдё-то въ горахъ хунхузовъ. По заведсяному здёсь обычаю, паша пограничная стража, когда ей попадаются хунхузы, арестуетъ ихъ и затёмъ передаетъ китайскимъ властямъ.

Въ процедуру китайскаго уголовнаго процесса пытка входить какъ средство привести подсудимаго къ сознанію въ приписываємомъ ему преступленіи. И мий показалось, что не одна только упомянутая выше дама была взволнована совершающимся въ двухъ шагахъ отъ нашего побзда истизаніємъ, но всё пассажиры, возвращавшіеся къ своимъ мёстамъ, испытывали страннос, жуткое чувство. Это видно было по серьезнымъ лицамъ, по затихшимъ разговорамъ, по исчезнувшему оживленію, по молчаливому соглашенію не называть того, что дёлалось, по имени.

Всв пассажиры собрадись, размѣстились по своимъ мѣстамъ, быль данъ второй эвонокъ, потомъ и третій, а повздъ все стоялъ въ томъ томительномъ ожиданіи, какое наблюдается только на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

— Матерь Пречистая!—говорила кому-то толстая женщина съ ребенкомъ, стоя передъ открытымъ окномъ вагона 3-го класса.

Она задыхалась отъ усталости, потому что бежала къ поваду, чтобы усийть подблиться впечатлёніями съ отъёзжающими знакомыми, которые высунулись къ ней изъ окна.

— Матерь Пречистая! Живого человъка растягивають...

— Да убдемъ ли мы, наконепъ, отъ этой проклятой станціи!— закричаль кто-то изъ сосъдняго купэ.

Всёмь было жутко, но, можеть-быть, тяжелёе всёхъ было на душё у пожилого капитана и молодого поручика. Они стояди все на томъ же мёстё, все въ той же позё, такъ же неподвижно, сътёми же печальными, серьезными лицами. Это были офицеры мёстной стражи. По всей вёроятности, имъ, исполняя свою обязанность, пришлось передать въ руки китайскихъ властей тёхъ самыхъ хунхузовъ, которыхъ теперь тамъ... допрашивали.

И я поняль теперь, почему они такъ неохотно мив отвътили, почему имъ не хотблось назвать совершающееся злое дъло его настоящимъ именемъ.

Е. Ганейзерь.

Цицикаръ.

Цицикаръ, столица наибольшей по пространству, но меньшей по количеству своего населенія изъ трехъ провинцій Маньчжурін, провинціи Хэйлуньцзянской,—представляєть собою незначительный городь общекитайскаго типа. Грязный, съ узкими, кривыми улицами, заваленными нечистотами и отбросами, и на первый взглядъ довольнотаки бъдный, городь обпесенъ глинобитной стъной, мъстами облицованной кирпичемъ. Стъна во многихъ мъстахъ поразвалилась, и въ пълости сохранились лишь ворота, которыя далеко не производятъ внушительнаго впечатлънія своими размѣрами.

Лучшими частями города и его предмёстій надо считать части: сѣверную, гдѣ сосредоточены управленіе русскаго военнаго коммисара, ямынь временно исполняющаго обязанности Хэйлуньцзянскаго Цзянцзюня фу-ду-туна Са, лазареть 20-го восточно-сибирскаго стрѣяковаго полка; западную, гдѣ находятся русская и китайская школы и Русско-Китайскій банкь, и окраину южнаго предмѣстья, гдѣ находятся старыя кумирни и русское консульство, окруженныя ильмовыми деревьями. Огромный дворь коммисара полковника Богданова, съ 2-мя высокими мачтами, увѣнчанными блестящими бѣлыми главами, чисто выметенъ, а входы во внутренніе дворы, гдѣ находятся

жилыя полубщенія, красиво задрапированы русскими національными флагами. Исбольшой дому цзянцзюня, съ ибсколькими двориками, прачется подъ тунью большихъ ильмовъ, скрывающихъ его небогатство и невзврачность: видимо, цзянцзюнь ждетъ отдулки прежияго губерпаторскаго ямыня, въ большихъ дворахъ котораго теперь не мало развалинъ.

Кумирни сохранили свой видъ и производять пріятное впечатятніе, особенно кумирни, расположенныя близъ консульства: дворы чистенькіе, защищены отъ солнца широкими кронами высокихъ ильмовъ, подъ тънью которыхъ пріятно отдохнуть отъ жары и подышать болже чистымъ воздухомъ, свободнымъ здёсь отъ густой пыли и смрада.

Еще лучше чувствуется при входѣ въ обширный, довольно густой и запущенный садъ, въ которомъ стоитъ зданіе русскаго консульства.

Деревья старыя, дають много тіни, почва покрыта отличной травою, городская пыль почти не достигаеть сада и деревья въ немъ, несмотря на редкіє въ нынішнее літо дожди, не покрыты пылью.

Пріятное впечативніе нѣсколько портится, благодаря китайскимь кладбищамь, окружающимь городь почти со всёхь сторонь, особенно сь южной. Кладбища плохо поддерживаются. Часто можно встрѣтить въ обрывахь, гдѣ китайны копають гливу, остатки истлѣвшихь гробовь и торчащія пзъ нихъ или туть же валяющіяся человѣческія кости.

Влизъ западныхъ воротъ города, почти у самыхъ его ствиъ, существуетъ длинное озеро (такъ называемое «гнилое»), глубина котораго достигаетъ сажени, а иногда и болъе. За озеромъ видна ровная, покрытая растительностью, долина лѣваго берега рѣки Нонни, до которой считаютъ около трехъ верстъ.

Главная базарная улица города тянется отъ южныхъ вороть къ съвернымъ. Здъсь сесредоточены всъ лучшіе магазины и давки, большая часть харчевенъ, опійныхъ лавокъ, лавокъ мѣняльныхъ, китайское почтовое отдъленіе, книжныя давки, кузницы, русскій «виннобакалейный» магазинъ и т. д. Зданія некрасивы, кое-гдѣ начинаютъ возводиться новыя постройки уже шикарнаго, во вкусѣ китайцевъ тица—съ красивой наружной отдълкой, съ золочеными вывѣсками, съ большими стеклами, съ рѣзными рамами, заклеенными бумагой. Предъ магазинами неизмѣнно располагаются старьевщики съ ихъ хламомъ: кусками и обломками желѣзныхъ вещей, старыми коньями, ножами, подковами, глиняной посудой, мѣдными чохами, пряжками, гвоздями, стременами, удилами, скребками, лопаточками и т. д. и т. д. Здѣсь же располагаются и зеленщики, продавцы горячихъ цироговъ, жареной свинины и лаппи...

Движеніе большое. Давка невообразимая; люди идуть толпой;

туть же идуть обозы на телегахь, ведуть на продажу лошадей, здёсь же перебегають вамь дорогу и кричать, требуя милостыни, массы нищихь и калекь — женщинь, стариковь и дётей. Нищіе отлично выучились просить милостыню по-русски и во все горло оруть, не отставая оть вась ни на шагь: «дядинька! тятька пропадиль, мамка прападиль, хлёба нёду: дай еньги».

Лучнія фирмы расположились ва боковыха, примыкающиха каглавной улица, проудкаха. Иха характеризують огромныя ворога сазолочеными вывасками, еще большіе, чистые дворы и на заднемаплана иха — красивыя жилыя пом'єщенія. На двораха этиха тоже кишить жизнь: свозятся и вывозятся товары, б'єгають рабочіе и приказчики, идеть шумный, громкій говора, крики распорядителей, ржаніе мулова и лошадей.

Вотъ въ общихъ чертахъ физіономія гор. Цицикара, резиденців губернатора провинців, служащей понынѣ мѣстомъ ссылки какъ для простыхъ, такъ и для чиновныхъ преступниковъ, посылаемыхъ сюда изъ Китая. Послѣднимъ сановнымъ преступникомъ, сосланнымъ въ Цицикаръ, былъ Чэнъ-да-шуай, (Чэнъ-то-жуй) Ти-ду въ отставкѣ, родомъ тяньтинепъ, обвиненный въ подстрекательствѣ къ поджогу французскаго миссіонерскаго стана въ Тяньцзинѣ около 30-ти лѣтъ тому назадъ, послѣ войны англо-французовъ съ Китаемъ.

Численность смёшаннаго, маньчжурскаго и китайскаго *), населенія города съ его предмёстьями опредёлить трудно. Цзянцзюнскіе чиновники дають цифру въ 100 тысячь душь, но вёрить ей трудновато, такъ и хочется сбросить съ этой цифры процентовь 50. Нікоторые китайцы купцы увёряють, что въ городё во всякомъ случаё не меньше 70000 душь; этому склонны вёрить и проживающіе въ городё русскіе, на томъ основаніи, что послё войны здёсь осталось много рабочихъ китайцевъ съ постройки желёзной дороги, которые тецерь занялись въ городё мелкой торговлей и земледёліемъ въ небольшихъ размёрахъ въ окрестностяхъ на арендуемыхъ у маньчжуръ земляхъ. Кромё того, послё окончанія постройки дороги, началось замётное увеличеніе переселенцевъ китайцевъ, арендующихъ земли у маньчжуръ не только въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ, но и подъ самымъ городомъ. Направляются на Цицикаръ въ послёднее время также и большія партіи китайцевъ, пробирающихся къ сёверу на заработжи въ Мэргенъ,

^{*)} Въсвверо-западной частигорода живутъмусульмане-кетайны (сяо-цвло или куй-куй) — дунгане, какъ называютъ всюду въ Средней Азін мусульманъ-кетайдевъ или, вврите, оки-тамвишися мусульманъ. Ихъ насчитывается около 2000 семействъ. Занимаются они скупсой и перепродажей всевовможнаго товора, а главнымъ образомъ перепродажей дошадей. Луч-шихъ иноходиевъ можно найти только у дунгавъ.

Айгунъ, Благовъщенскъ и на золотые прінски; часть рабочаго люда остастся въ городъ и его окрестностяхъ, часть въ селеніяхъ на пути къ Айгуну.

Такимъ образомъ, если не исключать возможную значительную долю такихъ случайныхъ временныхъ жителей города, то цифра 70000 будетъ близка къ истинъ.

Какъ бы тамъ ни было, все же съ проведеніемъ дороги населеніе города, лежащаго на главномъ пути къ Влаговъщенску, и заселеніе пустующихъ богатыхъ земель по берегамъ многоводной Нонни замътно увеличилось. Китайцевъ влечетъ сюда обиліе пахотныхъ земель, доступныхъ всятьдствіе невысокой арендной платы, и возможность получить хорошій заработокъ на пріискахъ.

Увеличеніе движенія въ малонаселенныя части Маньчжурій китайскихъ переселенцевъ изъ китайскихъ областей будетъ, конечно, теперь быстро расти благодаря желёзной дорогѣ, сокращающей и гарантирующей для нихъ нынѣ безонасное слѣдованіе на огромномъ пространствѣ.

Неоднократное упоминаніе выше о маньчжурахь побуждаеть меня сказать нѣсколько словь здѣсь по поводу того убѣжденія, вкоренив-шагося вь обществѣ и нечати, что маньчжуры, какъ надія, сохраняющая свои этнографическія особенности,—языкъ, платье и т. д.— не существуєть болѣе.

Часто мий приходилось читать и еще чаще слышать, что маньчжуры будто бы утратили свои расовыя особенности и забыли свой языкь окончательно, что по платью своему и типу они ничуть не отличаются нынё оть китайцевь, что маньчжурскій языкь иногда употребляется еще оффиціально только лишь при дворё богдыхана, что всё маньчжуры нынё говорять исключительно по-китайски и т. д. Между тёмь даже вь Илійскомь країв много маньчжурь (сибо и

Между твиъ даже въ Илійскомъ країв много маньчжуръ (сибо и солоновъ), говорящихъ и пишущихъ только по-маньчжурски. На маньчжурскомъ же языкъ, съ прибавленіемъ переводовъ на китайскій языкъ, происходитъ и переписка нашихъ консульствъ по западной китайской границъ (исключая Кашгара) и пограничныхъ властей съ китайцами. Наконецъ, языкъ маньчжурскій распространенъ въ Илійскомъ країв настолько, что тамъ можно найти довольно много туземцевъ-таранчей, говорящихъ на немъ. Тамъ въ каждомъ маньчжурскомъ селеніи (ниру) существуютъ маньчжурскія школы, въ которыхъ паралнельно изучается и китайская письменность.

Далъе къ востоку маньчжуры, говорящіе и пишущіе на своемъ родномъ языкъ, встръчаются въ Урумчи, Сучжоу, Гань-чжоу, Лянъ-чжоу, Лань-чжоу и т. д., почти во всъхъ главныхъ городахъ китай-

ской провинціи Ганьсу. Есть такіе маньчжуры и въ Чень-ду-фу, главномъ городѣ провинціи Сы-чу-ань, т.-с. почти въ самомъ отдаленномъ отъ Маньчжуріи пунктѣ Китая. О существованіи въ центральномъ Китаѣ маньчжуръ, говорящихъ по-маньчжурски, —я ничего не могу сказать, такъ какъ не бывать тамъ, но не думаю, чтобы и тамъ они не нашлисъ.

Что касается самой Маньчжуріи, то я усибль ознакомиться дишь нока съ Цицикаромъ (о Харбинъ, который выросъ, какъ грибъ костъ дождя, я не говорю), гдв въ первый же день по прибыти я усищиаль маньчжурскую рёчь. Заинтересовавшись этимь, я сталь разспрашивать и маньчжуровь, встреченных мною на улицахь, и маньчжуровь въ ямынт цзянцзюня, тоже говорящихъ по-маньчжурски, о томъ, насколько еще сохранилась у нихъ маньчжурская рёчь, и узналь, что съверъ Хей-лун-цзянской провинціи заселенъ маньчжурами, говоряшими по-маньчжурски, что тамъ не мало маньчжуръ, совсёмъ не знакомыхь съ китайскимъ языкомъ, что въ селеніяхъ ихъ существують школы маньчжурскаго языка. Въ Бодуна, населенномъ почти исклютельно телько маньчжурами--сибо, - существують такія же інколы и что, наконецъ, въ Цицикарв существовала такъ называемая военная школа, въ которой преподавались рядомъ съ военнымъ искусствомъ маньчжурскій и китайскій языки. Школа эта, посл'я минувшихь безпорядковь, была закрыта китайскими властями потому, что за последнее время своего существованія она дала довольно значительный кадръ «боксеровъ».

Въ городъ на улицахъ, на стънахъ ямыней (управленій), встръчаются рядомъ съ витайскими объявленія на маньчжурскомъ языкъ. Одно объявленіе на маньчжурскомъ изыкъ я видълъ на станціи Цицкаръ. Не думаю, чтобы объявленія эти стали писаться для маньчжуръ, если бы среди нихъ не нашлись читающіе только по своему, т.-е. по-маньчжурски.

Что же сказать теперь о той массё книгъ, издающихся на маньчжурскомъ языка и имёющихся вы продажа почти во всёхъ больцихъ городахъ Маньчжуріи? Не думаю оцять, чтобы они печатались лишь для того, чтобы ихъ покупали маньчжуры, забывшіе свой языкъ и говорящіе только на китайскомъ языкъ.

Относительно платья—не стоить говорить, такъ какъ кло же не знасть, что съ замъной династій китайской (Минской) династією маньчжурской (Циньской) Китай одновременно замъниль свою китайскую прическу и платье таковыми же маньчжурскими и что, слъдовательно, не «маньчжуры стади походить на китайцевъ», а наоборотъ. Наконець, даже и по платью, если хотите, легко можно отличить по дажнему востоку.

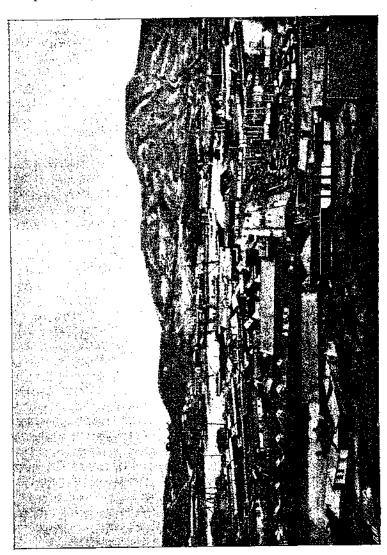
маньчжура отъ китайца: у перваго излобленнымъ цвётомъ для халата (нао-цзы) явлиется свътно-сърый или сърый цвётъ, съ темно-сипей безрукавкой (цзя-цзы) и съ косою, припоясанною въ большинствъ случаевъ у простолюдиновъ, которые вообще дучше сохраняють отличительные привнаки своей національности, къ платью, а у второго— синій халать съ цвётной (темно-красной, голубой, синей, зеленоватожелтой, малиновой и т. д.), съ широкими рукавами, курмою (ма-гуацзы). Кромѣ того, маньчжуры лѣтомъ покрываютъ голову кускомъ облой матеріи (овять же простолюдины), а китайцы предпочитаютъ носить шаночку или соломенную шлину; маньчжуры носять платье болѣе короткое и узкое, —китайцы—болѣе широкое и длиное и т. д. Словомъ, кто былъ знакомъ съ маньчжурами раньше, ито жилъ среди нихъ, —тому легко будетъ отличить его отъ китайца и теперь, вакъ легко бываетъ привычному глазу отличить епо тину» дунганина отъ китайца.

О женщинахъ маньчжуркахъ—тоже мало что можно говоритъ: онѣ сохранили и свою прическу «эр-ба-тоу», и илатье, и здоровым ноги, и дурную привычку куритъ трубку; китаянки же отстояли за собою право носить свою китайскую прическу и уродовать свои ножки, но платье должны были все-таки замѣнать маньчжурскимъ. Рѣдко можно встрѣтить и курицую табакъ женщину-китаянку. Миѣ кажется, поэтому, что говорить о маньчжурахъ, какъ о надіональности уже несуществующей, по крайной мѣрѣ, если не по типу, то по языку и платью, нѣсколько преждевременно. Конечно, когда-нибудь маньчжуры и будутъ существовать только по названію; этому, быть-можетъ, възначительной мѣрѣ поможетъ желѣзная дорога, которая привезеть къ нимъ достаточно китайцевъ, умѣющихъ легко окитанвать паціональности, близко съ ними соприкасающімся, но это случится еще не скоро.

· Л. В.

Портъ-Артуръ.

Портъ-артурская бухта такъ глубоко врёзывается въ материкъ, что образуеть какъ бы маленькое море, соединяющееся узкимъ проливомъ съ Тихимъ океаномъ, или, выражаясь точнъе, съ Желтымъ моремъ. Бухта превосходно защищена со всъхъ сторонъ отъ океанскихъ волнъ. Я быль въ Портъ-Артурѣ минувшимъ лѣтомъ, *) когда въ немъ шла энергичная работа въ двухъ направленіяхъ: на всѣхъ высотахъ,

Портъ-Артуръ Восиная галань.

господствующихъ надъ городомъ, и при входт въ проливъ бухты,

[&]quot;) 3903 r.

ситанно заканчивались крвностимя сооруженія, а въ самомъ городѣ строились дома, проводились ушицы и составлялись всевозможные планы городского благоустройства,—проектировались трамвай, водопроводъ, электрическое освъщеніе.

Портъ-Артуръ, маленькій китайскій портовый городокъ, китайское имя котораго (Люй-шунь-коу) теперь уже забыто, быль укрёплень и превращено къ крѣпость китайцами въ періодъ, предшествовавній японо-китайской войнѣ. Японцы, взявшіе Портъ-Артуръ, разрушили всѣ его укрѣпленія. Когда въ 1898 году, согласно конвеціи, подписанной въ Пекинѣ 15-го марта этого года, Россія заняла ижную часть полуострова Гуань-дуна (или Квантуна), въ Портъ-Артурѣ оставались только слѣды бывшей крѣпости.

Во время китайских волненій 1900 года все китайское населеніе б'євало изъ города, и Портъ-Артурь опустіль. Впрочемъ, это продолжалось недолго. Тотчасъ же по окончаніи войны жители стади возвращаться въ Артуръ. Но брошенные ими дома, давки, товарные склады сдівались уже собственностью города. Это обстоятельство имфло весьма важное значеніе для дальнійшаго развитія города.

Старый интайскій городь съ узкими, кривыми улицами, — такими узкими, что въ ибкоторыхъ мѣстахъ не могуть разъѣхаться встрѣтившіеся навозчики, — грязный, прославившійся какъ очагъ различныхъ эпидемій, не могъ быть оставлень въ такомъ положеніи на будущее время. Городское управленіе рѣшило разрушить всѣ старинныя строенія, проложить новыя, широкія улицы и строить городъ по новому илану. Это рѣшеніе осуществлялось въ извѣстной постепенности. Каждому кварталу быть назначень опредѣленный срокъ, когда онъ долженъ быль покончить свое существованіе.

Вокзала въ Портъ-Артуръ не было; его еще только собирались строить. Выйдя изъ вагона, вы нопадали на большую дорогу гдъ васъ встръчали русскіе извозчики и китайскіе рыкши. Нослёднихъ особенно много. Маленькія двухьолесныя колясочки встръчаются буквально на каждомъ шагу. Обыкновенно ихъ всзутъ два китайца: одинъ бъжитъ въ оглобияхъ впереди, а другой—подталкиваетъ колясочку сзади. Это очень тяжелая работа. Сдълагъ свой конецъ, рыкша въ изнеможеніи опускается на землю и сидить нъсколькоминутъ, тяжело дыша, облитый потомъ. Но обыватели привыкли къ этому способу нередвиженія: дешево—10 к. конецъ. Есть даже любители, которые берутъ рыкшу только для того, чтобы покататься по городу.

Напрасно ибкоторые думають, что люди могуть привыкнуть.

къ этой пошадиной профессіи. Правда, извъстная привычка необходима, потому что ни одинъ европеецъ не могъ бы пробъжать одну—двъ версты, вези колясочку съ съдокомъ, что, повидимому, свободно продълываетъ рыкша. Но окончательно превратиться человъку вълошадь все-тажи не удается, даже если онъ китаецъ.

лошадь все-тажи не удается, даже если онь китаець.

Мъстный врать въ Портъ-Артуръ, интересовавшійся этимъ вопросомъ, говорилъ мнѣ, что ни одинъ рыкша не можетъ долго отдаваться своей профессіи в что почти всѣ они страдаютъ всевозможными болѣзнями сердца. «А посмотрите, какіе они всѣ монодые, здоровые, кръпкіе парни!» — возражали врачу. Но это возраженіе только подтверждало то, что говорилъ врачъ. Стариковъ между рыкшами вы дъйствительно почти никогда не встрътите.

рыкцами вы действительно почти никогда не встретите.

Оть того места, где останавливается побядь, до центра города, до его набережной, педалеко—минуть 10—15. Но уже какъ только вы въвзжаете въ городскую улицу, васъ тогчась ме охватываеть атмосфера бойкаго портоваго города. На улицахъ, на набережной, въ магазинахъ, которые очень пеказисты съ виду, но въ которыхъ вы найдете все, что производить Европа, Азія и Америка,— шумъ и движеніс: вся бухта сплошь усвяна судами: туть и военные велиганы, наши броненосцы, тутъ большіе коммерческіе пароходы американскіе, англійскіе, японскіе, китайскіе и пашего Добровольнаго флота. Въ бухте тесно оть нихъ. Ближе къ берегу стоять мелкія парусныя суда местнаго каботажа и неуклюжія китайскія джонки, которыя забираются совсёмь внутрь города, въ устье реки Тау-чинъ, высоко поднимающейся во время прилива, а во врима отлива обнажающей свое илистое дно. На этихъ джонкахъ пятайцы привозять сёно, овощи, фрукты изъ ближайшихъ китайскихъ городовъ, преимущественно изъ Чифу.

Перевхавъ деревянный мость черезъ Тау-чинъ, вы попадаете въ самый центръ торговой жизни, на набережную. Она небольшая и вся занята конторами крупныхъ торговыхъ фирмъ. По внашности конторы эти имбютъ довольно мизерный видъ, что однако не мъщаетъ имъ далатъ милліонные обореты. Только русское ласопромышленное товарищество, эксплуатирующее корейскіе ласа, заняло здась подъ свою контору самый большой и самый красивый домъ съ балыми колоннами. Контора товарищества привдекала общественное впиманіе еще своими великолапными индусами въ разноцватныхъ чалмахъ. Высокіе, стройные, съ прекрасными чертами лица, словно вылитые изъ бронзы, они сидали или стояли неподвижно возла подъвзда конторы въ живописныхъ позахъ, проникнутыхъ естественною граціей. Варометно, тамъ, на берегахъ Яду, гда ласопромышленная компанія про-

изводила свои оцераціи, эти индусы очень импонировали туземцамъ своими высокими чалмами и пестрыми костюмами, необычными въздъщнихъ краяхъ.

На набережной выгружали уголь. Цёлыя горы его возвышались на самомъ берегу моря, а маленькіе паровые баркасы все бъгали взадъ и впередъ, подвозя къ пристани баржи съ углемъ, выгруженнымъ съ большого океанскаго парохода, стоявшаго въ бухтѣ.

Высокій, непривътливый и безплодный берегь Желтаго моря разрывается, образуя длинный и узкій корицорь-входь въ бухту. Вы вдете по коридору, думая, что это-обыкновенный заливъ. Но вдругъ заливъ раздвигается, и предъ вами — новое море, закрытое со всёхъ сторонъ высокими берегами: это-бухта Артура, это-совершенно спокойная, всегда защищенная отъ океанскихъ бурь естественная гавань, пригодная для защиты, для стоянки, для выгрузки и нагрузки весвозможныхъ судовъ. Портъ-Артуръ напоминаетъ Бадандаву. Онъ также спритался въ глубинъ материка и его почти не видно съ моря, только бухта его гораздо больше и проходъ къ ней съ моря доступенъ для броненосцевъ и для самыхъ большихъ океанскихъ судовъ. Единственный недостатокъ бухты Артура, какъ бухты мірового значенія, тотъ, что она все-таки слишкомъ мала. По пространству, занимаемому водами бухты, она можетъ выфстить какой угодно флотъ. Но беда въ томъ, что площадь глубокаго места, представляющая внутренній рейдь, въ настоящее время слишкомъ незначительна.

Линія желѣзной дороги близъ Артура идетъ вдоль рѣви Лунъ хо и оканчивается возлѣ самаго устъя. Глубокій фарватеръ устья наполняется морскимъ приливомъ; при устройствѣ здѣсь пристани суда могли бы подходить къ самой линіи желѣзной дороги и грузить товаръ прямо въ вагоны. Расчистка и углубленіе бухты не представить особенныхъ затрудненій. Изслѣдованія показали, что дно бухты покрыто толстымъ слоемъ глины, песку, ила; скалъ нѣтъ на той глубинѣ, какая необходима для большихъ судовъ. Это значительно облегчаетъ задачу.

При входѣ въ бухту съ правой стороны возвышаются грозные форты Золотой горы, господствующей надъ мѣстностью. Съ лѣвой стороны лежитъ полуостровъ, совершенно закрывающій съ моря западный бассейнъ бухты. Полуостровъ оканчивается длинною, узьою полоской, глубоко вдающейся въ бухту. Полоска эта изгибается волнистою линіей и носитъ очень удачное названіе—Тигровый хвость. На полуостровъ со стороны моря также устроены сильно укрѣпленные форты.

На берегу западнаго бассейна строится новый городь. Управленіе гражданскою частью, городской совёть, китайскій банкь устроились здёсь въ новыхь собственныхь домахь съ большимь конфортомъ. Новый городь расположень амфитеатромъ на склон'є горы, высцій пункть которой предпазначень для постройки собора. На противоноложной сторон'ь возвыщается большей красивый бізлый домь казармъ морского вёдомства.

На самомъ берегу бухты разбить царкъ и устроены цвътники. Частное домостроительство въ новомъ Артуръ шло энергично, потому что городское управление не разръшало производить постройки въ старомъ городъ, который находится верстахъ въ двухъ отъ новаго, на съверо-восточномъ берегу бухты, за ръкою Дунъ-хэ. Новый городъ совсъмъ закрытъ съ моря, такъ что моря не видно. Кажется, будто городъ стоитъ на берегу озера.

будто городъ стонтъ на берегу озера.

По послъдней переписи, всъхъ жителей въ Портъ-Артуръ было 28.480, не считая войскъ. Русскихъ и вообще европейцевъ было всего 10 — 12 тысячъ, остальное — китайцы. Китайское населеніе Артура впрочемъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ постоянная величина. Главная масса китайскаго населенія не живетъ здъсь осёдло, а пріёзжаетъ на болёе или менбе значительное время, частью по торговымъ дѣламъ, но преимущественно на работы, проняводимыя по устройству города, порта и военныхъ укръпленій. Сосѣдній китайскій городъ Чифу, на противоположномъ берегу Чжилійскаго (или Печилійскаго) залива, снабжаетъ Артуръ этимъ подвижнымъ, какъ морской приливъ, населеніемъ. Между Чифу и Артуромъ происходило оживленное сообщеніе. Русскіе пароходы Китайской дороги совершали ежедневно правильные рейсы, иностранные пароходы часто заходили въ оба порта, а парусныя китайскія суда и джонки безъ счета плавали между этими двумя городами. Окрестности Артура не заключають въ себъ ничего привлека-

Окрестности Артура не заключають въ себъ ничего привлекательнаго. И городь, и окружающія его возвышенности лишены всякой растительности. Впрочемъ, и весь Гуань-дунскій полуостровъ, въ особенности та его часть, которая прилегаеть къ Артуру и Дальнему, имѣетъ пустынный и унылый видь. Гуань-дунъ («восточная грань» по-китайски) въ англійскомъ произношеніи, усвоенномъ и нами, — Квантунъ, омываемый двумя заливами, Лао-дунскимъ (или Лівотонгскимъ) и Корейскимъ, живетъ только тѣмъ, что ему приносить море. Это—безлѣсный и безводный край, населеніе которато живетъ очень бѣдно. Только витайское трудолюбіе дѣлаетъ возможнымъ въ краѣ земледѣльческое хозяйство, требующее громаднаго труда и кропотливой заботливости. Безъ удобренія и орошенія здѣсь не вырастеть ничего. Вси Квантунская область, это—дикое нагорье, среди котораго равнинныя мбста составляють самый ничтожный проценть. Приносимые муссонами ливни, бывающіе обыкновенно этомь, уничтожають нерідко плоды тяженых усилій цілаго года. Всії ріши здісь иміноть характерь горныхь ручьевь: стремительно наливаются, производять опустопительныя наводненія, а затімь пересыхають такь, что негдії напонть скоть.

Вереговая динія Квантуна также не отличаєтся удобствами, привлекающими наседеніе. За исключеніемъ нісколькихъ бухтъ, по всему побережью тянутся непривітныя, пустынныя скалы.

Е. Ганейзерь.

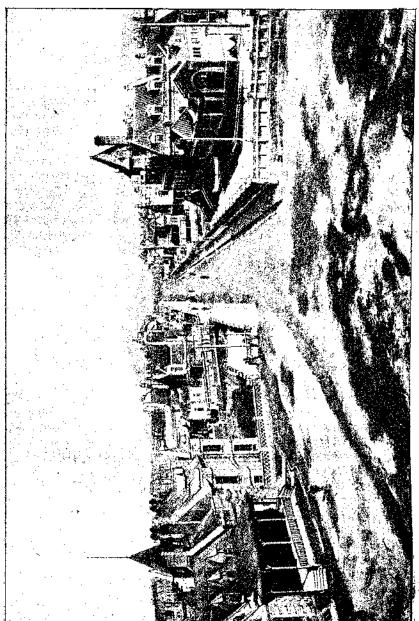
Городъ Дальній.

Посл'в японско-котайской войны 1894—1895 гг., законфавшейся пораженіемъ Поднебесной имперіи, Японія пожелада занять Квантунскій полуостровь. Россія протестовала, и Японіи пришлось отказаться отъ территоріальныхъ пріобрітеній на континентів Азіц. Въ 1897 году Россія заняла Квантунскую область, а по конвенціи съ Китаемъ отъ 15 марта 1898 года получила ее въ аренду на 25 літъ.

Квантунская область запимаеть около 2885 квадратныхъ версть, включая сюда и 28 населенныхъ острововъ, составляющихъ до 146 квадратныхъ верстъ. Съ востока, юга и запада территорію омываютъ Корейскій и Ляодунскій заливы, образующіе чрезвычайно извилистую береговую линію, протяженіемъ въ 503 версты, со многими бухтами, которыя, вообще говоря, неудобны для якорныхъ стоянокъ. Исключеніе составляють два залива, Таліенванскій и Портъ-Артурскій.

При самомъ занятій Квантунской области різшено было сдідать Портъ-Артуръ военнымъ портомъ и въ немъ сосредоточить всю нашу тихоокеанскую эскадру. Для коммерческихъ судовъ правительство предназначило Таліснванскій заливъ, на берегахъ котораго різшено построить новый городъ Дальній.

Своимъ возникновеніемъ г. Дальній обязанъ Высочайшему Указу, данному на имя министра финансовъ 30 іюля 1899 года. Мъсто для постройки было выбрано близъ стараго Таліснвана на берегу Таліснванскаго задива, въ конечномъ пунктъ восточно-китайской жельзной

Г. Дильній. Адмиралгойскій проспокть.

дороги. Талієнванскій заливь находится на восточномь берегу Дяодунскаго полуострова какь-разь подь 39° сівер, широты, противь Корейскаго залива, на разстояній 79 версть по желівной дорогів отъ Порть-Артура.

Бухта принадлежить къ числу наиболѣе удобныхъ на всемъ тихоокеанскомъ нобережѣѣ. Она круглый годъ свободна отъ льда и настолько глубока, что суда съ осадкою въ 30 футовъ могутъ легко причаливать къ берегу. Поверхность залива громадна и можетъ вмѣстить въ себѣ весь китайскій коммерческій флотъ, а равно и всѣ суда, поддерживающія сообщенія съ китайскими портами. Въ портѣ устраиваются нѣсколько большихъ доковъ и другія приспособленія, благодаря которымъ нагрузка товаровъ во всякую погоду будетъ совершаться безпрепятственно.

Согласно утвержденному плану, центромъ города Дальняго должна явиться административная часть, въ которой будуть сосредоточены желъзнодорожныя мастерскія, верфи, судовыя конторы, жилыя помѣщенія желъзнодорожныхъ служащихъ и судовыхъ командъ, а равно и парки, гостиницы, церкви, школы, клубы и мъста для общественныхъ развлеченій. Въ настоящее время административная часть города уже отстроена; улицы проведены широкія и прямыя; есть много солидныхъ каменныхъ зданій.

Непосредственно къ административной части города, построенной на небольшомъ полуостровъ, примыкають оптовые склады, рынки и магазины, тянущеся вплоть до доковъ.

Далче простирается такъ называемый «торговый городь», а за нимъ по направленію къ холмамъ, откуда открывается прекрасный видъ на бухту, находится европейская часть города. Улипы здъсь уже вымощены. За европейскою частью на пространствъ нъсколькихъ десятинъ тянутся оранжерен и сады, въ которыхъ подъ руководствомъ опытнаго садовода разводятся цвъты, деревья для парковъ, аллей и украшеній улиць, плодовыя деревья и проч.

Китайскіе кварталы нісколько отдалены отъ центра; туть же находятся доки и пристани для джонокъ.

Въ городъ уже устроено электрическое освъщение и проводятся линіи электрического трамвая.

На разстояніи пяти версть оть европейской части города находится живописное побережье, которое предполагается приспособить для літняго пребыванія жителей. Уже теперь устраивается прекрасное шоссе, которымь дачи будугь соединены съ городомъ.

Въ настоящее время въ Дальнемъ насчитывается около 50,000 жителей, въ томъ числъ китайцевъ-рабочихъ 23,000. Кромъ того,

въ Дальнемъ много японцевъ, корейцевъ и проч. Среди русскихъ много представителей военной и гражданской власти.

На устройство гавани и города истрачено уже свыше 12 милліоновъ рублей и ассигновано еще 23 милліона на дополнительныя работы. Всё работы исполняются по заранёе утверажденному плану, который расчитанъ на то, чтобы едёлать Дальній удобнымъ и красивымъ городомъ.

Правительство разрѣшаетъ безпрепятственно селиться въ Дальнемъ дицамъ всѣхъ національностей. Участки земли продаются съаукціона по мѣрѣ окончанія работъ по проведенію улицъ.

Управленіе городомъ сосредоточивается въ рукахъ городского совъта, избираемаго плательщиками налоговъ. Два члена совъта должны быть русскими подданными; изъ числа китайцевъ или японцевъмогуть быть избираемы лишь два лица.

Сухопутное сообщение съ Дальнимъ, помимо желъвной дороги, производится въ настоящее время но грунтовымъ дорогалъ, проложеннымъ для телъгъ, и по многимъ тропинкамъ, годнымъ для выочныхъ животныхъ и пъщеходовъ. Единственной болъе удобной колесной дорогой является такъ называемая «мандаринская» дорога, соединяющая Портъ-Артуръ съ Цзинъ-чжоу, а отъ послъдняго пункта отходитъвътка на Таліснванъ.

Китайская восточная дорога установила теперь довольно частые и правильные пароходные рейсы между Порть-Артуромъ и Дальнимъ и между Дальнимъ и Чифу. Въ распоряжени дороги имъется уже около двадцати пароходовъ. Предполагается впосиъдствіи установить правильное сообщеніе съ Нагасаки, причемъ отходъ пароходовъ будетъ согласованъ съ прибытіемъ въ Дальній скорыхъ жельзнодорожныхъ поъздовъ изъ Петербурга.

Климатическій условія Квантунскаго подуострова пельзя считать особенно благопріятными; тёмъ не мен'є, въ г. Дальнемъ не наблюдается ръзкихъ колебавій температуры, и забол'євавія среди прі'єзжихъ европейцевъ встрічаются сравнительно рідко. Обильпые дожди выпадають въ теченіе трехъ літнихъ місяцевъ.

М. Образиовъ.

чифУ.

Маленькій полуостровъ, на которомъ расположился Чифу, омывается двумя бухтами. Та часть его, которая вдается въ море, занята европейской колоніей, а та, что сливается съ материкомъ. твено застроена китайскимъ городомъ. Западная бухта-глубокая: въ ней останавливаются большіе океанскіе нароходы. Тамъ устроена незамысловатая набережная для лодокъ и катеровъ, вѣчно снующихь по бухть для нагрузки и выгрузки судовь. Въ восточной бухть берегь песчаный, отлогій, обнажающійся на десятки самень во время отливовъ. Здёсь чудное купанье съ великоленнымъ пляжемь. Ца самомь берегу устроены двв гостиницы, отъ которыхь я быль въ восторгъ. Еще бы! Посудите сами: я имъль нумеръ, состоящій изъ трехъ компать-уборной, гдв ималась ванна съ холодной и горячей водой, кабинета и спальни съ широкимъ балкономъ. съ видомъ на океанъ, волны котораго во время придива плескались въ десяти шагахъ, и вев эти удовольствія, вивств съ полнымъ нансинемъ, стоили пять мексиканскихъ долларовъ въ день, т. е. около 4-хъ рублей. Глъ же вы найдете что-ипбудь подобное въ Paccin?

Европейцы (или, вфрибе, не китайцы) устроились въ Чифу съ большимъ комфортомъ. Занимаемая ими высокая часть полуострова вся въ зелени. Это какъ бы одинъ большой паркъ, въ которомъ разебяны живописные особняки-дачи. Лучшіе дома принадлежать католическимь миссіонерамь, главнымь образомь французамъ. У нихъ хорошенькая церковь, щкода, больница, дътскій пріють, -- все это для китайцевь, испов'ядующихь католическую віру. Я защеть въ церковь и случайно попалъ на торжественное богослужение съ участиемъ привхавшаго въ Чифу епископа. Церковь была полна молящимися китайцами, преимущественно женщинами. Китаянки съ благоговъніемъ преклонили кольни, старательно крестились или сосредоточенно читали свои молитвенники. Такой проникновенности въ молитет, такого смиренія въ поклоненіи я не видъль въ католическихъ странахъ Запада, ня въ римскомъ Петръ, ни на чудъ св. Януарія въ Неаполь, на даже въ церкви св. Серіца въ Парижъ. Не этимъ ли объясияется рвеніе католическихъ миссіонеровъ въ распространеніи христіанства среди азіатскихъ народовъ-сохранившихъ еще наивную непосредственность чувства въ религій? Служка-витаецъ въ бёломъ облаченіи энергично зазвониль коло-кольчикомъ разъ, другой и третій. Вся церковь на миновеніе на-нолинлась шумомъ колёнопреклоненія, а потомъ наступила глубокал тишина. Дети Срединнаго царства молились за упокой души паны Льва XIII, незадолго нередъ этимъ скончавшагося въ Римѣ.

Тьва XIII, незадолго передъ этимъ скончавиватося въ Римѣ.

Меня очень занималъ вопросъ, какимъ способомъ устроилел этотъ европейскій Чифу съ его чистыми улицами, тротуарами, освѣщеніемъ. Вѣдъ должень же кто-инбудь заботиться объ этомъ.

Оказывается, что Чифу является любонытнымъ примѣромъвиолиѣ самостоятельной организаціи мѣстнаго управленія. Это —маленькая международная республика, не признанная впрочемъ великими державами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстные обыватели, но иниціативѣ одного англичанина, собрались въ какомъ-то трактирѣ и рѣшили установить городское управленіс. Выбрали исполнительный органь—постоянный комитетъ, которому поручили составить смѣту, опредѣлить налоси и управлять городскимъ хозявствомъ въ теченіе года. Комитетъ затѣмъ представляєтъ годовой отчетъ и слагаетъ свои полномочія, но члены его могутъ быть выбраны вновь. Должность члена—почетная, и никакого вознагражеденія члены не получаютъ.

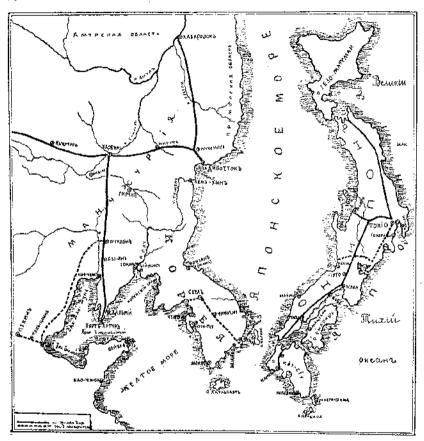
— Кто же собираетъ налоги, и бываютъ ли недоимицики?

денія члены не получають.

— Кто же собираєть налоги, и бывають ли недонищики?

Недоимщиковъ не бываєть, да и быть не можеть. Налогъ устанавливаєтся добровольно при участій всёхь плательщиковъ. Ни сборщиковъ, ни мёрь взысканія не существуєть. Кто не хочеть платить, тотъ динаєтся права участвовать на собраніяхь и выбирать членовъ комитета, и это являєтся настолько дійствительной утрозой, что налоги поступають замічательно аккуратно. Финансовая система Чифуской республики, къ сожалінію, весьма несовершенна: существуєть только одинь прямой, равномірный поголовный налогь. Она смятчаєтся однако тёмъ, что налогь этоть ційствительно добрастьный. Такть какть ва наволному, собраній участвують плед-Она смятчается однако тъмъ, что налогъ этотъ дъйствительно до-бровольный. Такъ какъ въ народномъ собраніи участвують пред-ставителя всёхъ націй, —русскіе, англичане, нъмцы, французы, аме-риканцы и проч., то прежде всего возникъ, консчно, вопросъ о языкъ. Преимущество отдано англійскому, потому что это — наиболѣе распространенный языкъ на Дальнемъ Востокъ. Не думайте, что въ народныхъ собраніяхъ не бываетъ бурныхъ преній. Не такъ давно, при обсужденіи вопроса о собачыхъ намордникахъ, собраніе раздѣ-лилось на двѣ партіи. Словесная борьба между защитниками со-бащей своботы в стородишами, намордникахъ посто востои водь бачьей свободы и сторонниками намордниковь такъ обострилась,

что дѣло чуть не кончинось дуэлью. Въ результатѣ восторжествовала свобода. Но одинъ упрямый нѣмецъ заявилъ, что онъ остается при особомъ мнъніи и сохраняетъ за собой право застрѣлить каждую собаку, разгуливающую но улицѣ безъ намордника. И нѣко-

Карта Корен, Японін и Маньчжурін.

торое время онъ ходиль съ заряженнымъ реводъверомъ, наводя страхъ на владвльцевъ собакъ. Ръ концъ-концовъ онъ застрълилъ собаку американца, который предъявилъ искъ объ убыткахъ. Эти междоусобія въ Чифуской республикъ вызвали вмъщательство великихъ державъ въ лицъ ихъ консуловъ. Были даже попытки со стороны

посліднихь уничтожить республиканское правительство, т. е. его комитеть, и запретить народныя собранія. Къ счастію для республики великія державы, какъ это часто бываєть и въ боліє серьезныхь случаяхь, не могли прійти къ соглащенію относительно способовь практическаго осуществленія проектировавшихся репрессій. Когда я покидаль Чифу, между консулами и комитетомь были очень натянутыя отношенія, объясняющіяся главиымь образомъ тімъ, что комитеть обыкновенно приорироваль консуловь и старался по возможности обходиться безь ихъ содійствія даже въ тіхъ случаяхь, которые, по мийнію консуловь, являнсь нарушеніемь ихъ консульскихь полномочій, напримірь, когда обыватели обращались къ комитету за разрішеніемь различныхь споровь имущественныхь и прочихь, причемь охотно подчинались рішеніямь комитета. Послідній импонироваль своимь нравственнымь авторитетомь, и это было непріятно консуламь.

Евг. Ганейзеръ.

На съверъ Кореп.

Чудное утро, ласковое солице, долины и горы все такъ же прекрасны, прозрачная вода все такъ же ивжно журчить въ широкой горной рѣкѣ. А вверху ивжно-голубое небо, и не знаю, въ небъили на горѣ таетъ оѣлое, все прозрачное облачко.

Кладбище на склоне, и уже возится трудолюбивый кореецт у могилы своихъ предковъ.

Дорога все выше и выше. Изръдка попадаются но двъ, но три двухколесныхъ арбы на быкахъ, мы иногда ихъ обгоняемъ — это везутъ товаръ изъ Россіи —бязь, ситецъ, кумачъ. Обратные везутъ китайскую водку.

На вершинъ перевала Муссан-ленъ устроена молельня: у дерева, сажень въ квадратъ, подъ черепичной крышей надпись: цон-нонтанъ (святой домъ начальника горъ). Внутри на стънъ, передъ входомъ, на коричневой бумагъ, изображеніе старика съ бълыми бровями, бълой бородой, съ желто-бълымъ лицомъ. На немъ зеленая одежда, желтые рукава (родъ ряски), красная подкладка, синяя оторочка воротника и рукавовъ. Подъ зеленой одеждой бълый или даже па-

левый нодрясиных, ноги въ китайскихъ туфляхъ. Одной рукой онъ общиметъ тигра, который изогнулся и смотритъ старику въ глаза.

Пробхали 11 версть отъ ночевки, и начались дикія, почти необитаемыя м'єста, съ узкой долиной и высокой горой.

На 20-й верств развалины стараго Муссана. Сохранилась только ствиа, да ивсколько фанзъ.

Невдалекъ китайцы, они же и хунхузы, жгуть уголь. Нѣсколько таких хунхузовь держать всю округу въ паникѣ. Корейцы робки, какъ дѣти. Вудь хоть сотня ихъ, возвращающихся съ заработковъ изъ Россіи, но одинт выстрѣль и предложеніе всѣмъ сложить свои вещи и деньги дѣлають то, что эта сотня корейцевъ,—бѣлахъ лебедей, которые, какъ лебеди, съ первыми весенними дучами появляются въ предѣлахъ Россіи, а осенью съ лебедями исчезаютъ въ своей странѣ,—складываютъ въ кучу всѣ вещи, весь товаръ, купленный въ Россіи, всѣ деньги, бросаютъ лошадей и скотъ, спасая только свою жизнь.

Все выше и выше подъемъ, и только явсь кругомъ, на верхушки далекихъ горъ просввиваютъ.

Но лѣсъ илохой: или погорѣдый, или сгинвийй. Порода — осина и лиственница. Изрѣдка попадется сосновое дерево, но такъ ихъ мало, этихъ деревьсвъ, что и говорить о нихъ не стоитъ. Остальное хламъ, негодный даже на порядочныя дрова.

Поздно, почти въ темнотъ, мы достигаемъ перевала, послъдняго передъ Муссаномъ — перевала Чапленъ и, спустившись, ночуемъ въ деревнъ Шекшарикоръ.

Бъдная фанза, — постоялый дворъ, — вътеръ уныло завываетъ въ лъсу, и отъ шума лъса кажется, что на дворъ разыгрывается страшная непотода.

Слушая такой вой вётра, одинъ путемественникъ-кореецъ изъ мёсть, гдё нёть лёса, просидёль четыре дня, все выжидая, когда лёсь перестанеть шумёть. Но онъ шумить всегда.

Бъдная наша фанза имъетъ характеръ кавказской сакли. Холодно. Термометръ упалъ до 4° .

Съна пътъ, соломы нътъ, овса нътъ, ячменя нътъ. Послади за иять версть и кое-какъ собради два пуда ячменя и 25 сноповъ соломы бузы.

Но зато пріятный сюрпризъ: оказался картофель. Уже десятый день мы безъ хліба и картофеля.

Въ нашей фанзѣ, въ женскомъ отдѣленіи, путешественницадворянка. Она путешествуеть со своимъ рабомъ. Рабу лѣтъ 15. Его продали родители изъ южной Кореи во время свирѣиствовавшаго тамъ голода.

Я утромъ видъль эту путешествующую дворянку. Высокій поясъ, баска, юбка-колоколъ—все безукоризненно бёлос, —дама, какъ дама, если бъ не торчащія изъ-подъ юбки въ корейской обуви ноги. Да походка съ выворачиваніемъ пятокъ, точно она все время несетъ на головъ громадный кувщинъ съ водой.

Рабъ ведетъ въ новоду хорошенькую сытую лошадку. На слинъ дошали красиво упакованъ тюкъ, торчитъ европейскій зонтикъ.

Опять мы движемся.

Спустились съ горъ. Опять долины шире, но горы выше, уютныя фанзы въ долинахъ, и на неприступныхъ скатахъ горъ—падиня.

- Но какъ ови снопы оттуда спускають?
- На волокушкахъ.

На приваль мы разсматриваемъ корейскую соху. Родъ пашей сохи, и пара быковъ въ запряжкъ. Прежде земледъльческіе инструменты корейцы сами дълали, теперь все больше и больше привозить ихъ изъ Японіи, гдъ работаютъ ихъ дучше.

Вдемъ дальше... Попадаются опять рёдкія арбы парами, въ ту и другую сторону. Изъ Муссана везуть березовую кору, въ которую обертывають переносимаго изъ одной могилы въ другую покойника. При любви корейцевъ возиться со своими нокойниками, это видная отрасль торговли—въ березовой коръ не гніють кости.

Невдалекѣ монастырь женатыхъ бонзъ. Они еѣютъ хлѣоъ и живутъ сообща.

Къ закату показался Муссанъ, весь окруженный безлъсными, фіолетовыми отъ заката, горами.

Лесь кончился, како только спустились со последняго перевала.

Муссанъ значить закутанный въ горахъ. Горь действительно множество самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ: вотъ громадный крокодиль глотаетъ какого-то звёря поменьше. Вотъ тигръ изогнулся и присёлъ, чтобы прыгнуть... А въ розовомъ пожаръ облака дорисовываютъ фантазію горъ, и не разберешь, гдё сливаются горы земли съ горами неба.

Сумерки быстро надвигаются, и скоро ничего не будеть видно. Но городь ужь близко. Онъ уютно располежился на скатъ долинки, окруженный стъной, съ четырьмя китайскими воротами, съ деревянными столбами для отвода лучей злой горы.

Вотъ и Муссанъ.

Кажую чудную фанзу памъ отвели. Подъ черешичной крышей по дальнему Востоку. 5

четыре чистыхъ комнатки, вев оклеенныя корейской свро-шелковистой бумагой.

Ніума, крикъ, восторгь толпы и ребять.

Н. Гаринъ.

Тон-сà, ма-фу.

Нелегко было найти въ Гензанф туземца, знающаго по-англійски, который согласился бы за 2 рубля поденной илаты сопутствовать мит въ Сеулъ. Но еще трудите оказалось отыскать... лошадей. Мы даже не подозрввали, что въ такой многолюдной корейской деревив, живущей извозомъ, можеть не оказаться выочныхъ животныхъ. Я соглашался подъ конецъ даже взять воловъ, но все исчезло... За-то явились какіе-то японцы, которые словно тёпи ходили за мной. Только на следующій день благодаря необыкновенно энергичнымъ поискамъ агента «Добровольнаго флота» и угрозв пожаловаться мъстному кам-ни (портовому коммиссару), намъ удалось вызвать опять все того же Оса-бан-я, дорожнаго маклера, который морочиль насъ все время дживыми объщаніями. На этотъ разь онъ торкественне покалися, что за хорошія деньги онъ добудеть намъ лошадей, которыя... дойдуть, но не больше, какъ нару. Впрочемь тон-са (переводчикъ) туть же согласился пройти весь путь ившкомъ за небольшую прибавку къ положенному жалованью.

— Инчего не подълаеть!.. Рътайтесь: ъдете или не ъдете? Подрядчики и извозчики во всей Кореъ составляють одну шайку. Одинь другому ни за что не помъщаеть. Къ тому же, мнъ кажется, что здъсь какъ-будто мутить кто-то третій... Дѣло по моему нужно рѣшать сейчась, —брать, что дають, а то черезъ часъ подуеть другой вѣтеръ, а тогда и этого не получимъ... Не помогутъ ни задатки, ни договоры, которыхъ вообще корейцы не знають и не соблюдають. Въ своей поъздкѣ вы можете быть увѣрены только тогда, когда вы сядете на лошадь... Совѣтую вамъ все-таки и плетку, и револьверъ держать подъ-рукой. Корейцы повинуются только силъ...—по-учалъ меня мой любезный хозяинъ.

Конечно, я немедленно согласился на вет предложенныя корейцами условія и приказаль на следующій день привести лошадей на разсвыть. Въ назначенный часъ я быль совершенно готовъ къ путенествію. Но пробило шесть, семь... девять, а лошадей все нѣтъ и нѣтъ... Мы носылали къ Осабану гонца за гонцомъ, но все тщетно: посланные пропадали безслъдно и безрезультатно. Обезпокоенные, мы отправились дично въ корейскій кварталъ.

Къ большому нашему удивлению, мы на полнути встрътили встять нашихъ служителей, нереводчика и ямщика съ двумя лошадъми.

— Ты почему такъ запоздаль?.. Сказано было съ разовътомъ!— напустился на послъдняго агентъ.

Корейская лошадь и ма-фу.

- Лошади что-то долго вли... Въ дорогу должны были хорошо новсть... Затъмъ прищелъ слуга, мы говорили... Затъмъ пришелъ второй слуга... Стали ругаться... И такъ время прошло...
- Такой онъ нашъ ма-фу (ямщикъ)!.. Лъннвъ отъ рожденія!.. Я знаю его съ дътства... Ничего не подълаеть... Такъ случилось,— пробоваль меня утъщить тон-са.

Я, дъйствительно, повесельть; раземъщило меня это характерное корейское объяснение. Ихъ отвъты всегда заключають въ себъ иъкоторое чрезвычайно простос положение, неопровержимое и забавное.

Я думаль, что теперь мы немедленно отправимся въ путь. Не туть-то было! «Лънцвый отъ рожденія» ма-фу и не думаль торомиться. Оказалось, что у него нъть верхового съдла. Онъ прехладнокровно привязаль лошадей къ ръшеткъ сада и отправился отыскивать его въ городъ... Слава Богу, что оставиль хотя нъкоторый залогь! Между тъмъ нанятый уже тон-са значительно нохаживаль кругомъ меня. Наконецъ, онъ пробормоталь, что онъ сожалъетъ, что не можеть отправиться со мною, такъ какъ... его отецъ неожиданно заболъть. Обстоятельство это крайне насъ удивило, но поводъ быль непоборимый. Поклоненіе предкамъ и горячая сыновняя пюбовь имъеть въ Корей значеніе редигіозной заповъди. Даже мой веныльчивый хозяннъ въ нервое время угрюмо замолчаль.

Тон-са продолжаль стоять на верандѣ и внимательно наблюдать за мною. Я заподозрѣль по его виду какую-то новую «восточную» игру и, сдерживая огорченю, проговориль совершенно спокойно:

- Ну, что-жъ; побду безъ переводчика... Гдё же ма-фу? Присутствующе, въ томъ числё и тон-са, побѣжали отыскивать ма-фу. Но вскорѣ тон-са вернулся въ сообществѣ красиваго, стройнаго корейла.
- Sir! сказаль тон-са мей учтиво по-англійски. Путь вашь трудный и далскій, нехорошо вамь будеть безь тон-сы. Этоть человыть говорить по англійски лучше, чёмь я...
 - И требуеть большаго вознагражденія...-окончиль я.
 - Ничуть. Онъ согласенъ пойти за ту же плату.

Я быстро и подозрительно взглянуль на незнакомца; мой хозинь тоже вышель опять на крыльцо. Лѣвый усъ новаго переводчика чуть-чуть дрогнуль подъ нашими испытующими взглядами, хотя вообще онь держаль себя весьма прилично. Его открытое, смѣлое лицо и ловкія солдатскія движенія понравились мнѣ.

- Я быль раньше лодочникомъ у англійскаго агента. Теперь, постѣ его отъвзда, я остался безъ работы,—сказаль онъ намъ довольно внятно по-англійски.
- Канъ ваша фамилія? Есть ли у васъ жена, дёти, домъ и гдё они находятся?—быстро допрациваль его мой хозяинъ.
- Фамилія моя—Им-чаагири. Я женать, и есть у меня трое дівтей. Живуть они здісь, въ Гензаніз...

Онъ назватъ улицу и домъ. Все это было немедленно записано въ составленное наскоро по-корейски условіе. Не поправилось мнѣ, что Им-чаагири отвертълся отъ подписи этого условія. Тѣмъ не менъе я рѣшилъ его взять, такъ какъ сообразилъ, что разъ

японцы или корейцы захотять устроить мив западию, то они ес во всякомъ случав устроять, и что тогда лучше, если будеть извъстень европейцамь въ лицо хоть одинь изь ихъ соучастниковъ.

Новый тон-са держаль себя все время спокойно и солидно. Спустя только нъкоторое время опъ попросиль у меня три доллара задатка.

- Столько отступного мив необходимо уплатить прежнему тон-cal...—оправдывался онъ.
- Отступного?.. Кто кому долженъ платить отступного?.. Что жее его больной отець?
- Онъ уже поправился, отвътиль съ легкою усмъщкой кореецъ.

Немного спустя мы замѣтили, что нашь ма-фу стонтъ прехладнокровно, навалившись на садовую рѣшетку, и инчего не дѣлаеть. Конечно, онъ не нашель сѣдла; впрочемъ онъ не высказываль ни малѣйшаго смущенія по этому поводу. Дѣло въ томь, что онъ тоже быль въ траурѣ но родителямъ, носиль небѣленное рубище и бамбуковую шляпу, огромную, низко на спину и лицо опускающуюся корзину. Въ сердцѣ его, видимо, парила одна печаль и полное равнодушіс ко всѣмъ нашимъ требованіямъ.

Я осмотръль предложенное имъ мив для верховой взды выочное съдло. Это было топорное сооружение изъ двухъ толстыхъ досокъ, соединенныхъ двумя кръпкими дугами. Выбора не предстояло, и я приказалъ наскоро подвязать къ нимъ ивовыя стремена и покрыть спинку войлокомъ. Когда я затъмъ взобрался на лошадь, мив показалось, что я сижу на крутомъ гребив большой горы. Согласно своимъ обычаямъ, корейцы только въ самый послъдній моментъ сказали мив, что я долженъ запастись между прочимъ латушною мелкою монетой.

— Въ Гензанскомъ округъ не берутъ никкелей... Никкель пойдеть за переваломъ, —поучалъ насъ Им-чаагири.

Ма-фу тоже потребоваль уплаты половины заработка мёдыю. У него быль въ этомъ какой-то свой разсчеть.

На 20 рублей тон-са принесъ мнѣ цѣдую охапку ян'овъ п чжібн'овъ. Тамъ оказалось болѣе 10,000 похожихъ на пуговицы датунныхъ монетъ вѣсомъ всего почти до 1½ пуда. Половину предстояло намъ взять съ собою въ дорогу, половину я съ удовольствіемъ отдалъ нашему ма-фу. И онъ остался этимъ тоже очень доволенъ, такъ какъ при перепродажѣ денегъ надѣялся выгадать по нѣскольку копеекъ на рубль. Онъ немедленно нагрузилъ себѣ свою мошну на спину, и мы, наконецъ, двинулись въ путь. Миъ

новезло: во время перевзда черезъ корейскій Гензанъ мы встрѣтили купца, отправляющагося съ разсчетомъ къ своему патрону. Впереди него двигался цѣлый рядъ охающихъ носидьщиковъ съ грузомъ ихунъ въ тридиатъ рублей каждый. Сто рублей этой монеты представляютъ кладъ на одну лошадъ.

Таково китайское изобратеніе! Оно очень неудобно для воровь и путешественниковъ. Воры изобрають его, похищая исключительно цанные предметы и серебро: для удобства же путешественниковъ корейскіе трактиршики и содержатели постоялыхъ дворовъ придумали исходъ. Всякій путникъ, уплатившій ва началь пути трактиршику, гдѣ онъ остановился, извъстную сумму денегъ, получаетъ отъ него квитанцію, которая вполнѣ замѣняетъ ему деньги. Постѣдующіе трактирщики только отмѣчають па ней слѣдуемое имъ съ путешественника вознагражденіе за квартиру, столъ или выданную на руки мелочь. Послѣдній трактирщикъ выплачиваетъ путнику лишекъ и удерживаетъ у себя квитанцію. Понятно, что все это возможно только благодаря великолѣнной и однородной во всей странѣ организаціи цеха трактирщиковъ.

Я не воспользовался этимь облегчениемь, такъ какъ я не зналь, еще куда забросить меня судьба, и не желаль стъснять себя въвыборъ остановокъ и мъста ночлега; я не въриль къ тому же, чтобы дъйствительно во всякой деревушкъ существовали такіе трактирщики-банкиры. Впослъдствіи я убъдился, что это дъйствительно такъ, но для сношеній съ ними нуженъ или очень испытавный переводчикъ, или знаніе корейской грамоты. Я впрочемъ жальлъ, что не довърился моему тон-са, такъ какъ это спасло бы меня отъ поддъльной монеты со много меньшимъ рискомъ на потери отъ его недобросовъстности.

В. Спрошевскій.

Въ устъъ Ялу.

Мы въ городѣ И-чжоу. Съ виду это самый чистенькій и богатый городъ изъ тѣхъ, которые мы видѣли.

Множество черепичныхъ фанзъ съ китайскими крышами на четыре ската съ приподнятыми вверхъ, точно улетающими въ небо,

краями. Крал эти изображають изъ себя иногда драконовь, змей, священных птиць. На макушкъ крышъ еще маленькая на столоп-кахъ крыша, точно корейская шляпа на головь. Цвътъ черепицы черный. Черный и бълый цвътъ извести — два господствующихъ цвъта, что придаеть городу мрачный видь. Все тъ же бумажныя двери, окна, и только въ очень богатыхъ фанзахъ кусочки стекла.

Городъ до войны процваталь и насчитываль до 60 тысячъ жителей. Но война разорила его.

Теперь въ городъ насчитывають не болъе 15 тысячь жителей и 4 т. фанзъ изъ бывшихъ 20 т. Жители не возвращаются въ городъ, такъ какъ живуще на той сторонъ китайны упорно стоять на томъ, что будеть скоро новая война съ Японіей.

Корейцы попрежнему любезны до безконечности. Начальникъ города, кунжу, присладъ къ намъ цуанту (предводитель дворинства) съ вопросомъ, не надо ли намъ чего.

Намъ надо было размёнять японское золото, за которое давали здёсь половинную стоимость японскими долларами. Кончилось тёмъ, что кунжу размёняль намъ все золото по курсу.

Мы остановились въ общирной, сравнительно, фанзѣ съ потолкомъ, оклеенными обоями стѣнами, съ бумажными дверями, на которыхъ нарисованы разные небывалые звѣри, итицы, съ стеклами въ срединѣ дверей и оконъ. На тепломъ полу, устланномъ циновками, стоитъ грубоватое подражаніе японской ширмѣ, туалетный японскій столикъ съ зеркаломъ и разными банками. Но дворъ микроскопически маль и грязенъ.

Улицы чище и шире других городовь, есть даже канавы, но грязи и вони все-таки очень много, такъ много, точно все время вы идетс по самому неряшливому двору какого-нибудь нашего провинціальнаго дома. Сегодня какъ разъ прмарка. Въ маленькой, узенькой улицѣ много (сотъ цять) народа, открытыя лавки, лежать на улицѣ товары: чумиза, рисъ, кукуруза, лапша, посуда, сушеная рыба, дешевыя матеріи, пряники (на 20 кешъ мы купили фунта два ихъ: тягучіе, клейкіе, мало сладкіе). Толичтся рабочій скотъ. Попадаются иногда прекрасные экземиляры быковъ, пудовъ до 40 живого въса. Но коровъ хорошихъ нѣтъ: аналогія съ людьми. Корейцєвъ много красивыхъ, съ иконными темными лицами, но кореянки некрасивых скуласты, широколицы, съ маленькими лбами, съ маленькими неизящными фигурками.

Но лица ихъ добрыя, ласковыя. Особенно у пожидыхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ страха за свою молодость, и онѣ уже спокойно смотрятъ на васъ. Благодаря нарядной прическѣ, въ этомъ взглядѣ

что-то знакомое—такъ смотрить чья-нибудь тетушка со двора своей усадьбы, гдф-нибудь въ глухой деревушкѣ, бѣдно одѣтая, но которую вы сейчасъ же отличите отъ крестьянки, по ея стародавней прическѣ,—смотритъ спокойно, добродушно ласково, все извѣдавшая на своемъ вѣку.

Впрочемъ, и такихъ женщинъ мало. Всё женщины гдё-то прячутся въ заднихъ комнатахъ своихъ фанзъ, а рёдкая, если и показывается на улицё, то здёсь, на югё, подъ такой большой шляпой, какихъ на съверъ Корен я и не видалъ. Это не шляпа даже, а большая плетеная корзина, у которой вмёсто плоскаго дна конусъ. Діаметръ такой корзины больше аршина, и такая корзина закрываеть женшину ниже плечъ. Смотрятъ же обладательницы такихъ шлянъ черезъ щели соломеннаго плетенія.

Мы праздно продолжаемъ ходить по ярмаркъ. Одинъ кореецъ купиль горсть рису, другой тащитъ мъшочекъ кукурузы, чумизы, а тяжелая связка кешъ болтается у него сзадя, привязанная къ поясу. На самомъ маленькомъ нашемъ деревенскомъ базаръ и товару больше и крупнъе торговля.

А вотк похороны. Большія, парадныя похороны. Умерла жена уже старуха— богатаго корейца. Процессія съ воплями и плачемъ медленно проходить.

Внереди всёхъ на лошади, по-мужски, женщина, въ сёроватомъ изъ тонкаго рядна хадатъ, повязанномъ веревкой. Женщина эта покрыта какимъ-то прозрачнымъ сърымъ мѣшкомъ.

Это любимая раба, на обязанности которой лежить оплакивать нокойницу. Почетная роль. Радостное сознаніе этого почета заглушаєть въ ней печаль, и котя она и усердно взвизгиваєть, но озабоченно и со страхомъ оглядываєтся, боясь пропустить моменть, когда надо остановиться. Ея уродливое лицо, съ несвойственной для кореянки живостью, то и дёло оглядываєтся назадъ. Видно, что для нея это событіє на всю остальную жизнь, и честь выше головы.

Все войдеть опять въ колею, опять будуть ее неволить и бить, по этоть день, какь солнце всей ся жизни, будеть свътить ей до последняго шага ея жизненнаго пути. Будеть о немь она разсказывать внукамь и нравнукамь своихь господь и въ ясный весенній день, когда отдыхать будуть ея старыя кости, и въ угрюмый осенній вечерь, когда отъ домоты маста живого не будеть въ нихъ, такъ же разсказывать, какъ и у насъ еще разсказывають барчукамъ старыя нанюшки, видъвшія еще и барщину и всю неправду крапостной жизни.

За рабой тянется рядъ хоругвей: на шестахъ доски съ изобра-

женіями людей и невиданных звёрей, громадныя кольца золоченой и красной бумаги. Это деньги—деньги для ада, которыи тамь будеть платить покойница. Ихъ положать съ пей въ могиду. Она и здёсь уже платить,—идуть двое и разбрасывають такія деньги по дорогѣ. Это умилостивляеть духовь ада, и, слёдуя теперь за тёломы, они ни покойницѣ, ни ся роднымь, ни всёмъ тёмь, мимо домовъ которыхъ проносять тёло усопщей, не будуть дёлать зла. Но для вёрности, женщины каждаго дома выносять на порогь горсть сухихъ листьевъ, хворосту, ельнику и жгуть его. Дымъ еще лучие денегъ отгоняеть злыхь духовъ и во всякомъ случаё гигіеничнѣе.

Влиже подходить процессія, и нестерпимый въ неподвижномъ солнечномъ воздухъ трупный смрадъ. Неудивительно: тъло покойницы держали три мъсяца на дому прежде погребенія.

Вотъ и катафалкъ—громадныя закрытыя носилки съ балдахиномъ, закрытымъ со всёмъ сторонъ. Стёнки его разноцветныя, по верху изображенія страшпыхъ лицъ, драконовъ, змёй, священныхъ птицъ.

Впереди катафалка дъти, родные, друзья. Свади носилки: въ въ переднихъ сидитъ подруга покойной и громко илачетъ—это ея обязанность.

Процессія останавливается на перекрестив, гдв дорога сворачиваеть уже за городь и происходить последнее поминаніе въ городь.

Передъ катафалкомъ устанавливается богатый корейскій столъ съ рыбой, но безъ мяса,—такъ какъ это быль постъ,—съ чашками риса съ восковыми свъчами.

Впереди этого стола (невыше полуаршина) полусидять на коленять всё мужчины, одётые въ трауръ (такой-же, какъ у рабы). Мужъ покойной читаетъ какія-то бумаги, сынъ покойной, летъ

Мужъ покойной читаетъ какія-то бумаги, сынъ покойной, літтъ 16-ти юноша, стоить передъ столомь, лицомъ къ катафалку, и кладетъ частые земные поклоны или, складывая руки, поднимаетъ и опускаетъ ихъ.

Чтеніе нарасп'євь, и иногда всё подхватывають и повторяють приц'євь. Какой-то, очевидно, сильный моменть, потому что вс'є заметались, припали къ земл'є и н'єсколько пскреннихъ рыданій сливаются съ страстно тоскливымъ нап'євомъ.

Ощущение какого-то всеконечнаго конца, горя, пустоты.

Кончилось, всё встають, обёдъ несуть дальше, и вся процессія опять приходить въ движеніе, медленно скрываясь гдё-то за городомъ, въ яркихъ пучахъ осенняго дня.

Такъ же, какъ и у насъ, точно тише вдругъ стало, и громче тамъ и сямъ пъніе пътуховъ.

Н. Гаринъ.

Корейцы.

Отличительная черта корейцевъ заключается въ уважении семейства и готовности всегда помочь родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ. То же самое стремленіе прійти на помощь ближнему проявляется въ общественной жизни. Такъ, въ важныхъ обстоятельствахъ жизни, какъ, напр., въ случав свадъбы, похоронъ и т. д., не только родственники, но знакомые и даже состди, вст. по мъръ возможности и смотои по состоянию, добровольно оказывають нуждающемуся семейству посильную помощь. Въ случав истребленія дома пожаромъ сострадательные сосёди немедленно помогають пострадавшему выстроить новую хижину, и въ такомъ случай всв берутся за работу: кто тащить дерево, кто камни, кто доставляеть солому для покрышки хижины, а кто даромъ отработаетъ два, три дня въ пользу несчастнаго состда. Подобная помощь оказывается даже и принедьцу, поселившемуся въ деревит и начинающему строиться и обзаводиться хозяйствомь. Въ случай забодиванія коголибо въ деревив сосвди, имвюще пварства, не ждуть, чтобы прислади за ними, а сами спъщать къ больному, предлагая свои спадобья, при чемъ нередко бываеть, что отказываются за эту услугу принимать отъ больного какое-либо вознаграждение. Неимущимъ земледильцамъ добрые люди не только уступають на время необходимыя орудія, но не редко бываеть. что предлагають и своихъ быковъ для распахиванія полей.

Кореець, какъ бы онь бёдень ни быль, никогда не откажеть пріютить у себя всякаго и отказывается накормить прохожаго вътомь лишь случай, если въ гостепріимной хижинт имфется рису только въ количествт достаточномь, чтобы прокормить семью хозяина. Желаніе помочь ближнему до того врожденно корейцу, что, напр., рабочіс, и тт предлагають прохожимь въ объденное время подълиться съ ними своей скудной пищей. Гостепріимство считается самымь священнымь долгомъ и всёми строго соблюдается; поэтому отказать какому бы то ни было знакомому или незнакомому, вошедшему въ домъ во время объда, считается позоромъ. Незванаго гостя немедленно просять войти и подълиться объдомъ. Зачастую бываеть, что когда у богатыхъ устраивается по какому-либо се-

мейному празднику пиръ, то на этотъ праздникъ сзываютъ не только сосъдей, но даже всякаго прохожаго. Бъдные люди, благодаря этимъ гостепріимнымъ обычаямъ, предпринимаютъ дальнія путешествія, не имъя ни гроша въ карманъ, тажъ какъ они увърены, что всегда найдется кто-пибудь, который ихъ пакормитъ и пріютить на ночь. Вываетъ, что такіе непрошенные гости проводятъ въ гостепріимномъ домъ, если погода не благопріятствуетъ путешествію, двое, трое и болъе сутокъ, при чемъ, конечно, пользуются полнымъ изкдивеніемъ со стороны хозяевъ.

Подобные случаи составляють столь обычное явленіе, что никому страннымь они и не кажутся.

Вст эти обычаи заслуживають конечно одобренія и нохвалы, но къ сожально они вмысть съ тымъ развивають въ край леность и попрошайничество. Многіе лівнтян и негодян, полагаясь на общественную помощь и благотворительность, проводять круглый годъ въ подномъ безделіи, шатаясь изъ одного места въ другое, всюду выманивая отъ добродушныхъ согражданъ подачки; состоятельные же поди изъ опасенія, чтобы эти проходимцы не распространяли про нихъ скверную славу, не жалбють даже снабжать ихъ платьсмъ, обувью и т. д. Особенно это справедливо по отношенію ко всякимъ разносчикамъ, актерамъ, колдунамъ и другимъ, не стъсняющимся здоупотреблять широкимъ корейскимъ гостепримствомъ. Настоящій же бичь въ этомъ смыслѣ, это безспорно нищіе, число котерыхъ въ Корев весьма велико. Въ стелице существуетъ корпорація женщинь-нищихь, которыя для удобства эксплоатаціи ближняго раздълили между собою весь городъ на участки и своимъ злымъ характеромъ и своею назойливостью наводять такой страхъ на горожанъ, что последніе въ милостыне имъ никогда не отказываютъ, лишь бы только отдёлаться отъ этихъ страшемую паравитовъ. Относительно характера корейцевъ можно сказать, что они въ большинствъ случаевъ добродущны, честны, довърчивы и преданы даже иностранцамъ, чему имъются свидътельства многихъ католическихъ миссіонеровъ, долгое время прожившихъ среди корейскаго населенія. При первоначальномъ знакомствъ кореецъ кажется серьезнымъ и сдержаннымъ, но черезъ нъкоторое время разговоръ его становет за непринужденнымъ и веселымъ. Къ сожалвнію, корейцы очень упрямы, вспыльчивы и метительны; многія убійства совершаются ими во время припадковъ гивва и злости. Корейцы такъ обидчивы, что не переносять иногда даже самаго ничтожнаго оскорбленія и нередко кончають самоубійствомь. Вмёстё съ тёмъ надо сказать, что они храбры, стойки и очень тернфливы. Они съ замфчательной стойкостью переносять всевозможных лютыя пытки и очень теривливо переносять даже тяжкія болвани. Корейскіе солдаты безспорно храбро дерутся и весьма выпосливы, такь что, будь въ Корев знающіе офицеры, корейскому правительству легко было бы создать отважное войско. Песмотря на преобладающую бёдность въ страив, корейцы, однако, чрезвычайно расточительны и, коль скоро имъ удается пріобрёсти значительную сумму денегь, немедленно начинають жить на широкую ногу, удовлетворять всёмъ своимъ прихотямъ и угощать друзей, въ которыхъ въ такихъ случаяхъ недостатка, понятно, никогда не бываетъ.

Корейцы ростомъ выше и тълосложениемъ кръцче, чъмъ японцы и китайцы. Походка ихъ твердая, увъренная, быстрая; они ходять съ большою легкостію и весьма ловки въ своихъ движеніяхъ. Сила, энергія, мужество, воть отличительныя черты корейскаго характера. Что касается, однако, до манеръ, умственнаго развитія и т. д., то надо сказать, что въ этомъ отношеніи въ Корев, какъ народъ, такъ даже и чиновничій классь во многомъ уступають своимъ сосёдямъ китайцамъ и японцамъ, у которыхъ имъ придется не мало еще поучиться, чтобы пріобръсти тоть условный свътскій лоскь и тъ изысканныя манеры, которыя требуются въ Китат отъ всякаго благовоспитаннаго человъка при взаимныхъ посъщеніяхъ, встрэчахъ п т. д. Впрочемъ, корейцамъ нельзя вполнъ отказать въ нъкоторой благовосинтанности, и въ известныхъ случаяхъ они въ своемъ обращенін бывають не только чрезвычайно віжливы, но даже льстивы; такъ, на вопросъ о состояния здоровья, они обыкновенно отвечають: «Влагодаря чести, которую вы мнв оказываете, справдяясь о мосмъ здоровьт, оно вполить хорошо». При посъщении больного и разспросамь о ходъ его бользни, больной неминуемо отвъчаетъ: «Вдагодаря вашему посъщению, я себя несравненно лучше чувствую». При встръчъ же съ учеными, съ японцами и т. д. корейцы обращаются не иначе, какъ восхваляя ихъ ученость, великій умъ и т. д. При встрычахь корейцы привытствують другь друга поклономь, причемь, сложивь руки, приподнимають ихъ къ дипу, а при разставании иногда жмутъ руки.

Насколько извёстно, корейцы принадлежать къ монтольской расё; кожа у нихъ, какъ у японцевъ и китайцевъ, темно-желтаго ивъта, голова и лицо кругныя; носъ короткій и слегка приплюснутый; скулы выдающіяся, брови приподняты; волосы большею частью чернаго цвъта, котя встръчаются также темнорусые и свътлорусые волосы; борода у большинства корейцевъ ръдко растеть.

Жители каждой области въ Корећ (а ихъ восемь) имъютъ свои отличительныя характерныя черты.

Такъ, корейцы, населяющіе объ сѣверныя области, особенно же область Піонь-анъ, отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и мужествомъ. Тутъ дворянскія семьи почти не встрѣчаются. Жители этихъ областей отличаются своимъ безпокойнымъ характеромъ, проявляющимся въ частыхъ возмущеніяхъ; поэтому правительство зорко слѣдитъ за ними, такъ какъ дѣло умиротворенія края въ случаѣ возстанія представляетъ большія затрудненія вслѣдствіе того, что эти области пересѣчены непроходимыми горными цѣпями. Неуваженіе чужой собственности есть явленіе весьма нерѣдкое среди этихъ сѣверянъ.

Жители области Хуапъ-Хае сдывуть за обманциковь и залюдей необыкновенно скупыхъ. Къ тому же они обладають весьма ограниченными умственными способностями.

Жители областей Кгіонъ-Кгы и Цюнъ-Ціонъ отличаются своею веселостью, непостоянствомъ, любовью къ родкоши и удовольствіямъ. Дворянство, чиновническій классъ и вообще интеллигентный классъ преобладають въ этой области.

Жители области Ціонъ-на пользуются довольно сиверной славой; ихъ считаютъ за людей грубыхъ, хитрыхъ, лицемфрныхъ и изъличныхъ выгодъ рѣшающихся даже на преступленія.

Въ области Кіонъ-сянъ народъ отличается простотой правовъ и своею нравственностію; всв старые обычам свято соблюдаются и тщательно сохраняются. Роскошь не распространена, а напротивъ, духъ экономіи всюду проявдяется, почему въ сред'в населенія насчитывается немалое число зажиточныхъ семействъ. Грамогность весьма распространена среди населенія, что нельзя сказать о другихъ областяхъ. Тутъ дворянство чрезвычайно многочисленно. Благодаря нравственности населенія, благородныя женщины пользуются туть большею свободой, чёмь въ другихъ областяхъ; такъ, онф, не ственяясь и не боясь обиды или непріятныхь приключеній, преспокойно выходять для протулокь въ сопровождении одной только служанки. Населеніе туть удивительно кака придорживается всевозможныхъ суевърій, почему обращать корейцевъ этихъ мъстностей въ христіанство-дівло весьма нелегкое, но за то разъ они согласились принять крещеніе, то ужъ строго исполняють всё требованія церкви.

Въ областяхъ Ктіонъ-кгы, Хуанъ-хае, Цынъ-ціонъ, Ціонъ-па и Кіонъ-сянъ мужчины довольно красивы, сильны и искусно владбютъ разнымъ оружіемъ; но въ умственномъ отношеніи они не развиты. Мужекое населеніе областей Ціонь-ань, Хамъ-кіонъ и Канъ-уонь одарено дучшими природными способностями. Они съ особенною заботливостью занимаются земледёліемь, а также горнымь и морскими промыслами. По физической силѣ и трудолюбію они стоять несравненно выше жителей областей Цынъ-ціонъ, Кіонъ-сянь и Ціонъ-на. Корейки вообще красивы. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ женіцины отличаются особенной красотой. Женщины же области Канъ-уонь считаются самыми красивыми во всемъ королевствъ. Уже въ древнее время изъ женіцинъ этой области преимущественно выбирались дѣвушки, предназначенныя для гарема китайскаго императора, такъ какъ въ Китаѣ корейки всегда поражали своею красотою.

М. А. Поджіо.

Одежда и прическа корейцевь.

Особенно оригиналенъ кореецъ своимъ одбяніемъ. Національный цевть Корен-бълый, подобно тому какъ въ Китав-синій, и мужчины и женщины, всё безъ исключения, ходять и зиму, и лёто въ -тавр атклон плинвонии сд мусном дитах ольцог и жатки вмокато ную или сърую одежду. Обыкновенно кореецъ, къ какому-бы классу онъ ин принадлежаль, облачень въ бълую кофту и бълыя имрокія шаровары, стянутыя внизу полосами матеріи, вродѣ бинтовъ. Поверхъ этого надъвается бълый же халать, у бъдныхъ бумажный, у богатыхь — шелковый. Халать не застегивается спереди, да и вообще во всемъ костюмъ нътъ ни одной пуговицы: все держится на тесемкахь. Женщины одъваются также въ бълыя, очень короткія кофты, прикрывающія лишь верхь груди, и въ бѣлыя юбки. Зимній нарядь также бълый и отличается оть льтняго только тьиь, что всь части костюма ватныя; это является и вполны необходимымы при суровости климата. На ногахъ корейцы и кореянки носять пеньковые или соломенные ланти и короткіе ватные бѣлые чулки, защищающіе ноги оть укусовь комаровь. Въ дождливую погоду на ноги одъваются огромныя деревянныя калеши, итого вродт маленькихъ челноковъ-долбежекъ на высокихъ подставочкахъ, въ которыхъ ходить безъ навыка крайце трудно. Лишь богатые щеголи и щеголихи, да и то только въ городахъ, носять неуклюжую кожаную обувь въ видъ плоскихъ и толстыхъ туфель, подбитыхъ гвоздями. Надо сказать, впрочемъ, что дома корейцы никогда не ходятъ въ обуви, они всегда снимають ее при входъ.

Однако интересное всего въ Кореб прически и пляны, недаромь англійскіе путешественники прозвали Корею «Страною диковинных плянь». Мальчики и молодые люди до женитьбы носять косы, но не такія длинныя и тонкія, кака въ Кытаф, а толстыя и короткія. До женитьбы, однако, кореець съ косой считается въ семь неправоспособнымъ и не имбеть голоса ни въ семейномъ совоть, ци при совъщаніяхъ односельчанъ. Каждому женатому онъ должевъ выказывать почтеніе, хотя бы тоть быть и моложе его. Воть ночему

мечтою дюбого молодого корейца является обзавестись поскорйе женой и получить право сдёлать себ'в настоящию корейскую прическу.

Эта послудняя состоить изъ исбольшого шиньона, который дідается изъ скрученныхъ, особымъ образомъ заколотыхъ булавками волосъ; шиньонъ этотъ и торчитъ на головъ торчкомъ и удачнъе всего можетъ быть названь «щиюкой». Корейцы очень заботятся также о томъ, чтобы волоса спереди и на вискахъ гладко прилегали къ головъ, и потому носятъ особую, сплетенную изъ конскаго волоса, повязку, обхватывающую всю голову и сильно стягивающую ее. Эта повязка, носящая названіе «мангынъ», съ непривычки больно сдавливаеть голову, но корейцы привыкають къ ней и не снимають ее даже на ночь.

Кореець и пореяния.

Дъдать такую прическу иелегью, возни съ ней не мало, тъмъ болъе, что при этомъ надо беречь каждый выпадающій волосокъ и складывать ихъ въ конверть, чтобы сжечь потомъ. Иначе, убъждены корейцы, если какой-нибудь злой человъкъ найдеть волоса, онъ можеть при помощи ихъ околдовать ихъ обладателя и надълать ему немало бъдъ. Прическа занимаетъ у корейца не менъе часа, потому

причесываться каждый день некогда, и, чтобы не испортить своего головного убора, составляющаго красу и гордость каждаго корейца, приходится спать на деревящей. Обыкновенно подущкой служить деревянный обрубокъ, вершка три вышиною и вершка полтора въссновании; этотъ обрубокъ коресцъ ставить стоймя себё подъ високъ и въ такомъ неудобномъ положении синтъ, принося удобство въжертву кокетству.

Нишка корейца является доказательствомъ того, что онъ женать и правоснособень, а нотому корейцу желательно, чтобы она сразу была видна даже и тогда, когда онъ въ шлянъ. И вотъ корейцы выдумали себъ шлянъ, неудобнъе которыхъ, кажется, нътъ головныхъ уборовъ на свътъ. Тулья такой шляны очень мала, гораздо меньше обхвата головы, такъ что шляна предназначается собственно не для головы, а для шишки; послъдняя, дъйствительно, великольно просвъчнаетъ, такъ какъ тулья и широкія, плоскія поля сдыланы изъ тонкой съточки, сплетенной изъ волоконъ бамбука и выкрашенной въ черный цътъ. Разумъстся, такая ажурная шляна сама по себъ на головъ не держится, се приходится привязывать завязками. Она не только не предохраняетъ голову отъ солнца, пыли или дождя, по сама боится воды, и потому при дождѣ корейцы надъваютъ на нее колпакъ изъ сплоенной промасленной бумаги.

Надо, вирочемъ, сказать, что въ такихъ шляпахъ щеголяютъ нишь болбе или менбе зажиточные корейцы, такъ какъ стоить это украшеніе два-три и даже болье рублей, что уже-цылый капиталь въ Кореф. Бъдные крестъяне во время работъ на поляхъ носятъ огромныя шляпы изъ бамбука, дёдающія ихъ издали похожими на грибы, а женщины, выходя на улицу, надъвають неръдко виъсто покрывала конусообразную шляпу въ 2 — 3 аршина въ діаметръ, которая скрываеть оть взоровь прохожихь не только все лицо, но и верхнюю часть туловища. Въ траурћ кореецъ, чтобы скрыть свое лицо отъ взоровъ прохожихъ, надъваеть на голову шляпу вродъ огромнаго троническаго шлема, съ забраломъ спереди и свади; во время дождя нередко пользуются плоскими шляпами-зонтиками изъ промасленной бумаги, аршина въ полтора въ діаметръ: старики носять дома колцаки изъ тонкой волосяной сфточки; у школьниковъ, торговцевь, монаховь, чиновинковь также особыя шляпы, наконець у высшихъ сановниковъ черныя шляпы въ видѣ митры съ огромными ушами, но всей вёроятности, символь ихъ готовности прислушиваться къ каждому слову повелителя.

У корейскихъ женщинъ, какъ это ни странно, на прическу обращается гораздо меньше вниманія, и она несравненно проще, по

крайней мёрё, у женщинь низиихь сословій. Зато придворныя дамы устраивають себъ совершенно невъроятныя прически, вплетая въ волоса цълые деревянные обода и укращая голову чуть не аршинными металлическими будавками. Какъ воздѣ на Востокѣ, и въ Кореж женщины считають небоходимымь для своего украшенія былиться и румяниться, притомъ настолько влоунотребляють этимъ средствомъ, что лицо ихъ обыкновенно покрыто какъ бы маской изъ бълиль и румянь.

Корейскій костюмь довершается вѣеромь и трубкой — двумя предметами, безъ которыхъ нельзя представить себѣ корейца. Вѣеръ распространень вь качествъ обыденной и необходимой вещи домашняго обихода на всемъ Востокъ, начиная съ Китая: на немъ отражается обыкновенно и стецень развитія искусства, въ большинствъ случаевъ онъ украшенъ рисунками и узорами. Корейскіе въера являются яснымъ доказательствомъ первобытнаго состояния искусства въ странъ; они размалеваны обыкновенно самыми грубыми и аляповатыми разводами.

Трубка-также необходимая принадлежность корейца: въ Коређ всв поголовно курять, не исключая женщинь и часто даже детей. Корейская трубка делается изъ тростника, и чубукъ ея очень длинень -- съ аршинъ и даже болбе. На концъ находится, какъ у китайскихъ трубокъ, маленъкая чашечка съ наперстокъ величиною, въ которой помъщается табаку лишь на 2-3 затяжки; длинный чубунь укращается затейливыми выжженными узорами. По всей въроятности, трубка заимствована корейцами изъ Китая, но уворы на ней настолько оригинальны и не похожи ни на китайскіе, ни на японскіе, что едва ли не являются одной изъ наиболье наглядныхъ чертъ самобытности корейской народности.

Въ своемъ бъломъ нарядъ, въ черной блестящей шляпъ, въ пеньковыхъ даптяхъ и съ аршинной трубкой и вберомъ въ рукахъ, кореецъ производитъ чрезвычайно своеобразное впечатлёніе и ярко выдъляется среди своихъ восточныхъ и западныхъ сосъдей. Его нарядь мало соотвётствуеть вившнимь условіямь; особенно корейскій костюмь, хотя бы и подложенный весь ватою, далеко не соотвътствуеть суровости климата страны. Однако надо сказать, что корейцу и неоткуда взять костюма болъе теплаго: въ Корев совершенно не разводится мелкаго домашняго скота, овець и козъ, а сильно истребленные леса страны далеко не изобилують пушными звърями. Такимъ образомъ единственнымъ матеріаломъ для теплаго наряда только и можеть служить хлонокъ, разводимый въ средней и южной Кореъ. 6

Вёлый цисть одбинія корейцевь очень характерень для корейской народности, и пристрастіе къ цему въ то же время трудно объяснимо. Корейцы, какъ и вст ночти народы Азіи, далеко не отличаются особою чистоплотностью въ своей обыденной жизни, хотя разсказы путешественниковь о ихь нерашливости на мой взглядь все же значительно преувеличены. Между тимъ, по отношению къ своему наряду, кореець, даже небогатый, чрезвычайно щепетилень и, если только выходить изъ дому въ гости или по дёлу, обыкновенно прямо блестить былизного своего халата, на которомъ нъть ни изгнышка. Эта любовь къ бълизнъ костюма обходится не дешево корейскимъ женщинамъ: дълыми днями просиживають онъ на ръчкъ за стиркою гардероба. Двло это далеко не легкос: Корея не знаетъ мыла, и стирка производится полосканьемъ въ водъ и потомъ продолжительнымъ поколачиваніемъ бёлья, намоганнаго на вальки, и раскатываніемь его на гладкомь камив. Должно при этомъ замівтить, что въ большинствъ случаевъ корейские халаты и другия принадлежности костюма не шьются, а выкрапваются и скленваются по швамъ особымъ клеемъ, и передъ каждымъ мытьемъ ихъ снова раскленвають на отдельные куски. Лишь за последнее время стали проникать въ Корею итолки и нитки, и теперь уже можно видъть въ Сеулъ корейца-портного за швейной машиной американской системы!

П. Ю. Шмидтъ.

Столица Кореи.

Вотъ мы и около корейской столицы. Передъ нами огромпыя ворота, обділанныя какимъ-то сёрымъ камнемъ, на которомъ высічены очень прихотливые и не лишенпые красоты узоры. Корейцы, должно-быть, крібцко боялись, чтобы сосіди не проникли въ ихъ столицу, и обнесли ее очень высокою и толстой стіною; ворота зашираются тремя парами дверей, сплошь окованными толстымъ желівзомъ; чудовищные засовы спабжены не меніе чудовищными по величинів замками. Каждый день въ извістный часъ ворота закрываются, и никто не можеть ни войти, ни выйти изъ города. По правую сторону вороть стоить большой камень съ высітченною на

немъ надписью, которая гласить, какъ мы потомъ узнали, что каждый кореецъ долженъ убивать всякаго иностранца, осмѣлившагося высадиться на ихъ полуостровъ.

Сами корейцы называють свою столицу Гант-Янь, но у евронейцевь она извъстна подъ именемь «Сеуль», что значить по-корейски просто «столица». Въ Сеулъ около 200,000 жителей, значить, городъ большой, а потому мы ожидали, что передъ нами откростся величественная картина грандіозныхъ старинныхъ построекъ; но мы были очень разочарованы, когда, вступивъ въ грязную вонючую улицу, увидъли рядъ простыхъ глиняныхъ мазанокъ съ соломенными и рѣдко черепичными кровлими, безъ оконъ. Около каждой мазанки заборъ и въ немъ небольция ворота или

калитка. Вдоль линіи домовъ тянутся канавки съ здовопною жилкостью: корейцы выводять всф нечистоты въ эти канавки. При такихъ условіяхъ наша прогулка не объщала быть привлекательною. Однако, какъ ни велико было разочарованіе, но по мірт того. кажь мы подвигались впередъ, интересь возбуждался все бодже и болве. Улицы были довольно оживлены, народа сновало много и веф въбълыхъ костюмахъ. У пивительно. въ самомъ дълъ, почему въ Кореж существуеть такой обычай! Кореянкамъ не мало приходится работать, чтобы содержать эти костюмы въ такой почти безукоризнепной чистотъ, тъмъ болъе, что здъсь употребление мыда неизвъстно. Онъ съ раннято утра до вечера только,

Корейскій императоры.

кажется, тёмъ и занимаются, что колотять мокрое б'єлье деревян-

Скоро мы вступили въ торговую часть города. Здёсь наконецъ наше недоразумёние съ долларами было окончено: за каждый доллары мы нолучили по длинной колбасё корейских денегъ. Читатель улыбается этому выраженю, но оно вёрно: у корейцевъ нётъ другой монеты, какъ «кешъ», цёна котораго польонейки на наши деньги, а такъ какъ стоимость доллара равна двумъ рублямъ, то за каждый

долларъ мы получили по четыреста кешъ. Кешъ имбетъ посрединъ четырсугольное отверстіе, черезъ которое нанизывается на соломенную веревку; по мъръ расхода денегъ веревка укорачивается и на ней завизывается новый узелокъ, чтобы монеты не свадивались.

Мы пустнансь въ путь, взваливъ на каждое плето по такой денежной колбась, разсчитывая накупить пропасть диковиновъ. Рачеты наши однако оказались не верны; после пругихъ странъ Востока здёсь решительно не на чемъ остановиться. Въ давкахъ служать приманкой бумажные ввера, филигранное серебро, подовъчники. вышитыя наволочки, нодушки, котелки для варки риса, плевательницы и тому подобная домашняя утварь, сдёланная изъ чисто отполированной мёди. Только послёдняя, кажется, и сдёлана руками корейцевъ, все же остальное привезено изъ Китая и Японіи. Мы тщетно разыскивали хоть что-нибудь интересное, выдёлываемое дёйствительно самими корейцами. Въ одной изъ лавокъ мы наткнулись на жельзныя шкатулки съ серебряною инкрустаціей, какихъ мы еще нигат не видъли; это, наконецъ, оказалось дъйствительно чисто мъстнымъ произведениемъ, и мы съ большимъ вниманиемъ принялись разсматривать его. Работа оказалась очень хорошею, а нъкоторые рисунки серебряной инкрустаціи зам'вчалельно красивы. Ящики снабжены иногда очень хитрыми секретными замками, въ родъ нашихъ устюжскихь. Судя по страшной дороговизнъ этихъ шкатулочекъ, корейцы очень высоко цёнять свой трудь и искусство.

Вазарт или рынокт не великт и не можеть похвастать оживленностію и многолюдствомъ. На немъ продаются самые заурядные предметы: въ одномъ мѣстѣ на соломенныхъ цыновкахъ грудами лежатъ фрукты, въ другомъ—овощи, въ третьемъ—посуда; но больше всего занимаются табачною торговлею. Корейцы большіе любители покурить и курять такъ же, какъ японцы, т. е. изъ крошечныхъ трубочекъ съ дѣтскій наперстокъ величиной, и начинаютъ курить съ ранняго возраста. Почти всѣ фрукты привезены изъ Китая; они превосходнаго качества, въ особенности абрикосы и персики, и пролаются очень дешево, напримѣръ, десятокъ персиковъ можно купить за семь копеекъ. Сами корейцы не занимаются садоводствомъ, потому что слишкомъ обильные лѣтніе дожди и частые туманы не благопріятствуютъ полному дозрѣванію плодовъ.

Очень часто среди уличной толны видишь чисто одътыхъ мальчугановъ съ подносиками на головъ; подносики уставлены блюдечками риса, евинины, капусты, бутылочками съ рисовымъ виномъ и съ разными соусами. Это несется объдь изъ какого-нибудь ресторана по заказу зажиточнаго корейца. Мальчики проворно и ловко лавируютъ среди толиы, нисколько не поддерживая подносиковъ руками. Всѣ подносики совершенно одного вида, вершковъ двѣнадцатъ въ діаметрѣ, круглые и на нижней сторонѣ имѣютъ невысокую подножку съ отверстіемъ, въ которое свободно входитъ голова.

На одной изъ большихъ улицъ наше вниманіе было остановлено какимъ-то шумомъ; идущая публика епѣпила почтительно разступиться. Оказалось, что шесть корейскихъ слугъ съ громении криками несли въ креслѣ-палайкинѣ нажнаго чиновника. Костомъ этого
господина рѣзко выдѣлялся изъ всей толиы: онъ былъ сдѣланъ изъ
шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ. На головѣ у него огромная
пляпа съ хвостами изъ разпоцвѣтныхъ шариковъ на томъ мѣстѣ,
гдѣ обыкновенно бываютъ лепты. Другой такой-же сановникъ ѣхалъ
верхомъ на лошади, богато украшенной разноцвѣтными погремушками. Разряженный вельможа сидѣлъ почти неподвижно на чрезвычайно высокомъ сѣдъв, какъ на какомъ-то возвышеній, и едва новорачиваль свою гордую голову. Все сѣдло расшито серебромъ, зонотомъ и засыпано украшеніями. Самъ сѣдокъ не править и не держитъ въ рукахъ поводъевъ,—это слишкомъ унизительно для него,—
а лошадъ ведутъ подъ уздцы двое слугъ; четверо другихъ идутъ по
сторонамъ лошади и всегда готовы поддержать господина, если бы
тотъ, потерявъ вдругъ равновѣсіе, началъ валиться съ своего высокаго сѣдалица.

Самые высокіе и знатные чиновники переносятся по удидамъ въ чрезвычайно странныхъ экинажахъ какой-то смѣшанной системы: это не то тачка, не то носилки, не то кресло, вѣриѣе—пресло-носилки, поставленныя на одно колесо. Чѣмъ знатиѣе лицо, тѣмъ большее число слугъ сопровождаетъ его. Очень часто знакомъ высокаго про-исхожденія вельможи служитъ то, что спинка его кресла покрыта леопардовою шкурой, которая играетъ большую роль во всѣхъ офицальныхъ церемоніяхъ корейцевъ.

Среди уличной толиы большой интересъ представляють собою фигуры, одётыя въ траурный костюмъ изъ бѣлой пеньковой матеріи, опоясанный лентою или простою веревкою. Головы при этомъ почти совсѣмъ закрыты пляпами, очень похожими на опрокинутыя корзинки; шляпы эти доходять до плечъ и имѣють только выемку для лица. Снизу лицо закрывается деревяннымъ треугольникомъ въ видѣ вѣера, который въ рукахъ у корейца. Никто не смѣеть заговаривать съ этими печальными фигурами, да и сами онѣ говорять мало, а безмолвно съ сосредоточеннымъ видомъ бродять по улицамъ. Французскіе миссіонеры очень часто пользовались тамиственнымъ траурнымъ нарядомъ для того, чтобы путешествовать скрываясь подь

защитою его отъ нескромныхъ вопросовъ мандариновъ и заниматься безъ опаски обращениемъ народа въ христіанство.

Во всей столицѣ мы не нашли ни одного сколько-нибудь замѣ-чательнаго зданія; самыя красивыя изъ нихъ смѣшанныя корейско-китайскія и корейско-японскія, и по характеру архитектуры и по внутреннему убранству. Даже тѣ дома корейцевъ, которые носятъ громкое названіе дворцовъ, представляютъ изъ себя вообще простыя мазанки изъ глишы, поднятыя на столбахъ и крытыя соломой. Расположеніе комнатъ въ домахъ страшно безтолково; коридоровъ и дверей между ними нѣтъ, и чтобы попасть изъ одной комнаты въ другую, надо всякій разъ выходить на улицу,—отъ того-то въ корейскихъ постройкахъ такъ много наружныхъ дверей. Разныя кладовыя и людскія комнаты удалены отъ главнаго строенія, а потому, если вамъ понадобилась за чѣмъ-инбудь прислуга, то надо или терпѣливо ждать ея добровольнаго появленія, или идти самому и по-ложительно охотиться за нею.

Всѣ дома самой легкой дачной постройки, и потому невольно приходить въ голову вопросъ, какъ и чѣмъ отапливаются зданія зимою. По наружному виду никакъ нельзя догадаться объ этомъ: нѣтъ никакихъ видимыхъ приспособленій. Тутъ корейцы оказались изобрѣтателями: кхъ отопленіе что-то въ родѣ нашего амосовскаго, т.-е комнаты нагрѣваются теплымъ воздухомъ, который проходитъ изъ каминовъ, расположенныхъ подъ поломъ. Въ устройствѣ каминовъ есть еще чисто корейская выдумка — это дымовыя трубы, которыя выводятся вдали отъ строенія.

Стёны комнать внутри оклесны чёмь-то въ родё обоевъ бёлаго цвёта, поль же и потолокъ—желтою промасленною бумагой. На полу разостваны мягкія цыновки, и носётители, при входё въ горницы, обязательно снимають обувь у дверей. Убранство комнать самое простое: полное отсутствіе мебели, вмёсто которой только въ богатыхь домахь разложены по полу мягкія подушки. Иногда въ стёнё продёлывается ниша, прикрытая дверкой и замёняющая нашъ буфеть.

Главная и характерная черта корейскихъ жилищъ та, что на улицу дома не имъютъ ни оконъ, ни дверей, сообщаются же съ нею черезъ ворота; всъ окна безъ стеколъ, составляющихъ въ Кореъ предметъ великой роскоши. Въ самыхъ богатыхъ домахъ, въ подражаніе китайцамъ, разбивается на дворъ небольшой садикъ. Что касается чистоты въ жилищахъ, то ее вообще нельзя назвать безукоризненной.

О религіи корейцевъ.

Корейскій полуостровь сь незапамятных времень служиль убъжищемь для островитянь Индійскаго океана, вытёсненныхь изь своихь южныхь осёдлостей. Сь другой стороны, по этому полуострову двигались азіатскіс кочевники, стремившіеся искони изъ хододнаго сёвера въ сказочныя страны, гдё нёть зимы и гдё на деревьяхь эрбють золотые илоды. Хэльберть доказываеть, что въ историческія уже времена въ южной Кореё жили мадайцы, въ то время какъ сѣверную заселяли племена тунгузскаго и монгольскаго ироисхожденія. Кисайскіе источники описывають эти народы какъ варваровь, стоявщихъ на очень низкой ступени развитія, живщихъ въ нещерахъ, незнавшихъ ви огна, ни земледёлія, поклопявшихся небу, утренней зв'єзд'є, тигру, духамъ воздуха, воды, горъ, земли, почитавшихъ души вокойниковъ, подносившихъ имъ пищу для поддержанія ихъ загробнаго существованія.

По этимъ признакамъ спёдуетъ заключить, что племена эти исповёдали анимизмъ; по тому же обстоятельству, что они были организованы въ родовыя группы, надо полагать, что культъ ихъ выражался въ шаманствъ,—культъ родового строи. Оставшееся послъ нихъ и существующее до настоящато времени наслъдіе вполнъ подтверждаетъ это предположеніе.

Несмотря на вліяніе буддизма и конфуціанства, уже съ V стольтія нынкшней эры провозглашенныхъ послідовательно государственными візроисповіданіями Корен, простой корейскій народъ и посейчаст придерживается шаманства. Шаманизмъ проникнуть даже въ священныя книги, храмы и церемоніи офиціальныхъ религій, явившихся изъ Китая въ полномъ ихъ расцвітть. Онъ не повліянъ на нихъ настолько сильно, какъ въ Монголіи и Тибетть, гдіт глубокая философія Сакія-Муни превратилась въ грубо-языческій паманзмъ, тімъ не менте позаимствованія у шаманскихъ кампаній были включены во многіе обряды буддизма, признаны даже конфуціанствомъ и оставили явные сліды въ священныхъ картинахъ, изображеніяхъ боговь и героевь и жертвахъ имъ.

Дороги Корен усѣяны жертвенниками, истуканами и священными деревьями. Чаще всего попадаются «Сонъ-хоанъ-данъ» — аятарь

святому верховному владыкъ. Это—кучи камией, сдоженныя подъская собо». На нихъ нѣтъ обыкновенно ни истукана, ни картинъ. Бумажки, тряночки, веревочки, мѣшечки съ рисомъ, старыя шляны, истоптанные лапти висятъ вблизи на вѣтвяхъ въ большомъ количествъ, свидѣтельствуя о набожности прохожихъ. Иногда рядомъ помѣщаются крошечныя, убогія часовеньки, воздвигнутыя въ честь полезныхъ животныхъ и птицъ, уничтожающихъ вредныхъ земледѣлію насѣкомыхъ. Внутри такихъ грубо сложенныхъ изъ камней или обмазаннаго глиной хвороста часовенекъ находятся изображенія или чучела почитаемкихъ животныхъ.

На многихь перевадахь стоять также алтари подь деревьями, снабженные углубленіемь, въ которомь помінается ізображеніе человівка съ дико вытаращенными глазами, іддицаго на тигрів. Это—«Сань силіонъ»— духъ горъ, покровитель охотниковъ и искателей жень-шеня. Тигръ считается слугою и посланникомъ этого грознаго бога, которому ни въ какомъ случать не слідуеть отказывать въ жертвоприношеніяхъ. Отсюда опять безчисленное количество тряпочекъ, бумажекъ и мітшечковъ съ рисомъ, висящихъ вблизи такихъ алтарей.

Около деревень я очень часто встръчаль небольше адтари духовъ Синь-изань, которые легко отличить по изображению грознаго воина съ надписью: «Я духъ, здъсь живущій». Этихъ духовъ существуетъ, но мнъню корейцевъ, до 80,000, и каждый изъ нихъ начальствуетъ надъ полчищемъ подвластныхъ имъ низшихъ духовъ.

Въ честь Духовъ Мёстъ (то-ди-чжи-синь) и духовъ провинціи (цзонъ-синь) строять корейцы небольшія кивтушки подъ деревьями на склонахъ горъ. Часто внутри такихъ шалашей нътъ ничего и только у входа висить веревочка съ бумажками и тряпочками. Иногда тамъ находится большой камень или глиняный истуканчикъ или грубо раскрашенное изображение божества на бумагъ, древесной коръ или доскъ. У этихъ шалашей каждые три года происходятъ празднества и молеція на деньги, собранныя съ окрестныхъ жителей. Попадались мив также не разъ у въвзда въ деревни столбы въ сажень высотою съ концами, обдъланными въ виде человеческихъ головъ, раскращенныхъ красной, черной и бълой красками, иногда въ корейской широкополой шлянъ на макушкъ. Мой переводчикъ неохотно даваль мий объяснения въ вопросахъ религіознаго характера. Онь все доказываль, что такіе столбы просто «дорожные знаки»; когда я сталъ ему указывать, что «дорожные знаки» всегда ниже, снабжены наднисями и стоять, по его же собственнымъ словамъ,

только черезь 10 ли (5 версть), то онь неохотно заявиль, что это «ghost» (духъ), но какой это «ghost», сказать не ножелаль. Отказался онь тоже объяснить, что значать высокій въ 2—3 саж. жерди на краю селеній, съ воткнутыми на концахъ изображеніями итиць, украшенныхъ длиниыми, соломенными веревками.

Кром'в духовъ и боговъ, которымъ корейцы строятъ часовни и алтари подъ открытымъ небомъ, существуютъ целыя полчища домашнихъ и хозяйственныхъ боговъ. «Цзоэ-сокъ», прадедъ «Санъчжинъ-цзоэ-сокъ»—божества рождаемости, считается главою этихъ духовъ. Его фетишъ передается отъ отца къ сыну. Оба названные духа покровительствуютъ беременнымъ женщинамъ и ненавидятъ

трауръ и смерть; поэтому въ домахъ. гдё есть роженицы, вывёшивають особый знакъ. чтобы одьтые въ трауръ не входили туда. Праздникъ этого духа справляется черезъ три года съ участіемъ шамановъ. «Сонъ-чисо» — богъ домашней кровли, главный изъ многочисленныхъ домовыхъ: у каждой полки, угла, столба, балки, очага и дверей есть свои «хозяева», которые живуть въ нихъ или около нихъ. За фетишей служатъ имъ полоски бумаги или мѣщечви съ рисомъ, помъщаемые въ соотвътственныхь мѣстахъ. «Ти-чжю» богъ семьи и мъста, на которомъ стоить домъ. Фетинъ его пучокъ соломы или горшокъ съ рисомъ, накрытый плоскимь камнемь. Вблизи

Чангжи (ghost).

многихь домовь можно замѣтить сухую тыкву, полную тряпья: это—фетишъ Вольшой Медвѣдицы—«Цзо-оанъ».

Этимъ далеко не почернывается списокъ болъе важныхъ боговъ. Вишенъ приводить со словъ д-ра Лендиса названіе и опредѣленіе 36-ти духовъ съ подраздѣленіемъ ихъ на три группы.

Кромъ того вездъ постоянно блуждають соимы въчно голодныхъ, злыхъ, метительныхъ духовъ (сагенъ)—души людей бъдныхъ, умершихъ скоропостижно или замученныхъ людьми, въчно голодные и оборванные, постоянно злобно наблюдающе за живыми, старающеся повредить имъ или сорвать съ нихъ лишнюю жергву риса, платья,

водки... Шаманы (пань-су) и шаманки (му-данъ) непрерывно воюготъ съ ними и выручаютъ людей изъ всякихъ причиняемыхъ ими бѣдъ. Въ корейскомъ шаманствѣ бросается въ глаза огромное зна-

ченіе женщинъ; шаманъ второго разряда (пакъ-су-му) для болье важныхъ камланій долженъ персодъваться въ женское платье, обычай, замъченный мною и у съверныхъ спопрскихъ инородцевъ. Правда, что женщинамъ нельзи сдблаться первостепенными шама-нами (пань-су) но организація посл'єднихъ, певидимому, иноземнаго буддійскаго происхожденія, что они сами признають, утверждая, не безъ основанія, что ихъ заклинанія позаимствованы изъ буддійскихъ книгъ. Пляски, оркестръ, гаданія «пань-су» сильно напоминаютъ дамайскіе обряды. Вирочемъ они занимаются главнымъ образомъ , паманент обряды. Бирочень они занимаются главнымь образомъ ворожбой, указаніемъ счастіпвыхъ дней да выдёлкой амулетовъ, доставляющихъ имъ большіе доходы. «Пань-су» должны быть слёны отъ рожденія, они проходять изв'єстный срокъ обученія и испытанія, знакомятся съ буддизмомъ и конфуціанствомъ, выучиваются многочисленнымъ спеціальнымъ закличаніямъ и магическимъ пріемамъ. Въ Ссулв они организованы въ довольно значительное и вліятельное Въ Ссулв они организованы въ довошно значительное и вліятельное Общество, признанное правительствомъ и вносящее опредвленную подать. Въ силу этого слепые «пань-су» заняли среди корейскихъ шамановъ привидлегированное положеніе и считаются за кудесниновъ и волхвовъ, способныхъ повелевать демонами и духами. Шаманки (му-данъ) могутъ единственио умолять ихъ и задабривать жертвоприношеніями (каутъ). Несмотря на то, деятельность и вліяніе «му-данъ» во всехъ слояхъ корейскаго общества несравненно больше, чемъ шамановъ. У му-данъ тоже есть въ городахъ своя организація; въ деревняхъ оне действують въ одиночку. Имъ запрещено житъ вы деревняхъ оне действують въ одиночку. Имъ запрещено житъ внутри городской стъны въ большихъ городахъ и особенно въ столицъ, и онъ заселяютъ особые пригородные кварталы. Объяснение происхожденія ихъ чудод'яйственной силы, зат'ямъ ихъ пріемы, пляски, заклинанія, инструменты въ подробностяхъ едва отличаются отъ тъхъ же вещей у другихъ шаманистовъ Азін. По толкованію корейцевь, источникомъ ихъ волшебнаго дара служитъ вселившійся въ нихъ или навъщающій ихъ духь покровитель. «Му-данъ» живутъ одиноко, отказавщись отъ семьи и дътей, отъ друзей и общества. Бывали примъры, когда женщины изъ высшихъ сословій, повинуясь «зову» духа и неодолимой потребности, оставляли свое положеніе и становились «му-данъ».

Нѣкогда вліяніе «пань-су» й «му-данъ» было много сильнѣе и простиралось даже на королевскій дворъ; они вліяли даже на поштику. Влагодаря буддизму и конфуціанству положеніе шаманства сильно ухудиплось, котя не исчезло даже въ высшихъ кругахъ. Въ «Пунь-міо», конфуціанскомъ храмѣ Генія Войны (Коаль-уонь-цзанъ) въ Сеухѣ, у сѣверо-восточныхъ воротъ, я видѣтъ въ боковомъ алтарѣ интереспую старинную картину на шелку, изображавшую древняго шамана, опредѣляющаго при помощи гаданія благопріятное для сраженія мѣсто. Мыѣ сказалъ жрецъ, что картинѣ этой—300 лѣтъ. И въ настоящее время шаманы и шаманы не разъ совершають моленія по требованію властей во время засухи, эпидемій, наводненій и другихъ общенародныхъ бѣдствій. Шаманки тоже подносятъ жертвы домашнимъ богамъ царствующаго дома. Говорять, что «му-данъ» пользовались большимъ вліяніемъ на покойную корейскую королеву, очень враждебную свропейцамъ; при ся посредствѣ они дѣятельно вліяли на политику, противясь всякимъ реформамъ. Японцы и япо-

нофилы, какъ прогрессивная корейская партія, пользовались искони ихъ особенной ненавистью.

Во второй половин'я IV ст. послъ Р. X. пва буддійскіе монаха Шаньдао и А-дао прибыли изъ Китая въ государство Кэ-ту-ріо въ сѣверной Корев и принесли съ собою священныя кинги. Будпизмъ быль принять восторженно высшими слоями общества. Онъ принесъ съ собой грамоту, словесность, науки и дотоль неизвъстныя ремесла. Подъ покровительствомь корейскихь царей стали возникать монастыри и школы, расцебли искусства. Въ половинъ V стольтія буддизмъ уже проникнуль въ южное го-

Буща.

сударство Силла и на островъ Квельпартъ, на которомъ нынѣ нѣтъ его и гдѣ только изрѣдка попадающіяся статум Будды напоминаютъ о минувшемъ его господствѣ. Увлеченіе буддизмомъ достигло такого

наприженія, что правительство изъ опасенія, чтобы весь народь не обратился въ монаховъ, издало ограниченіе для постриженія.
Въ X стольтій буддізмь достить своего апогея и быль признань государственной религіей. Къ этой эпохь относится изобрътевіе буддійскимъ монахомъ Сіоль-цзонъ знаковъ «и-до», которые облегчили корейцамъ примънсніе китайскихъ буквъ къ корейскому языку и положили начало корейской письменности. Буддійскіе монастыри пользованись большими привиллегіями, владіли недвижимостями и капиталами. Большинство тосударственныхъ діятелей, инновниковът даже значенныхъ дольшинуъ пользованиевъ вкиши мостыми и капиталами. Вольшинство государственных двятелей, чиновниковъ, даже знаменитыхъ тогдашнихъ полководцевъ вышли изъ среды грамотныхъ и просвещенныхъ буддійскихъ монаховъ. Къ этому времени относится возникновеніе большинства красивыхъ храмовъ и громадныхъ статуй (ми-ріо-ки или сіокъ-ивъ, каменные люди), въ настоящее время разрушенныхъ и сърывающихся въ льсныхъ трущобахъ.

Хотя конфуціанство проникло въ Корею почти одновременно съ буддизмомъ (въ V столітіи), но эпоха его процвітанія настушила значительно позже. Только въ XVI столітіи, послів кровопропила значительно позже. Только въ XVI стольти, после кровопро-литной войны между китайцами и японцами, театромъ которой была несчастная Корея, японскіе полки уступили, китайскій конфуціа-низмъ одержаль въ Корев верхъ надъ будцизмомъ. Корейскій буд-дизмъ всегда стоялъ въ самыхъ тесныхъ отношеніяхъ къ японскому будцизму, своему дітищу, и въ тяжелыя минуты постоянно полу-чаль отъ него нравственную и матеріальную поддержку. После окончательнаго водворенія китайцевъ на полуостровів все японское стало считаться неблагонадежнымъ, и буддизмъ под-вергся преследованію. Конфуціанство заняло верховное положеніе. Вудійскимъ монахамъ запрешено было проживать въ стольше и ст

вергся преследованію. Конфуціанство заняло верховное положеніе. Вуддійскимъ монахамъ запрещено было проживать въ столице и въ укрепленныхъ городахъ; имъ запретили также строить и возобновлять городскіе монастыри и храмы. Эти ограниченія просуществовали до 1895 г., и въ результать буддійскіе храмы сохранились только въ недоступныхъ горныхъ дебряхъ, вдали отъ городовъ. Поддерживаемое китайцами конфуціанство после упорной борьбы съ царской властью овладело придворной и чиновничьей средой окончательно. Ижкоторые моменты тогдашней корейской исторіи совершенно наломинаютъ европейскую средневьковую борьбу церкви съ свътской властью. Цари Іонъ-сань и Коанъ-хе изъ нынё царствующей династіи, склонявшісся къ буддизму, пали жертвой междоусобій и были лишены престола и даже погребальныхъ почестей. На народныя поверія конфуціанство повліяло гораздо въ меньшей степени, чёмъ буддизмъ. Какъ религія князей, ученыхъ и чиновниковъ, конфуціанство замкну-

лось въ твеномъ кругу господствующихъ классовъ и вместе съ ними подверглось порче и приило въ упадокъ. Въ то же время преследуемый буддизмъ наружно огрубелъ, обнищалъ, омужичился, но живетъ и даже проявдяетъ признаки возрожденія. И опять возрожденіе это идетъ къ нему изъ Японіи. Въ семидесятыхъ годахъ истекшаго стольтія секта японскихъ буддистовъ Сіу внесла новый зародышъ жизни въ умирающіе буддійскіе монастыри Кореи. Несколько молодыхъ корейцевъ поступило въ духовное училище Сіу въ Кіото и впоследствіи занялось распространеніемъ новой науки въ своемъ отсчествъ. Нынъ есть у нихъ уже собственный красивый храмъ и училище въ Гензанъ, а также прекрасная школа въ Ссулъ. Въ 1892 г. японскій монахъ Акамацу-кейси собиралъ въ Японіи денежныя пожертвованія на учрежденіе въ Кореѣ многочисленныхъ духовныхъ училищъ. Впрочемъ, мнѣ думается, что возрожденіе буддизма въ Кореѣ въ значительной степени вызвано общимъ реформаціоннымъ движеніемъ, возникшимъ среди буддистовъ всего міра въ последнее время.

Въ заключеніе этого краткаго очерка религіозныхъ върованій корейцевъ считаю нужнымъ упомянуть и о христіанствъ. Вліяціе его на возврѣнія народныхъ массъ Кореи ничтожно, гочно такъ же какъ и число его послѣдователей. Однако до недавняго времени судьба христіанской церкви въ Кореъ представляла такую трагическую картину и была до того тѣсно связана съ исторіей несчастной страны, съ ея страхомъ иноземнаго напиствія и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла такія доказательства любви и преданности корейцевъ къ свободѣ совѣсти и отвлеченнымъ нитересамъ, что разсказъ о возникновеніи и развитіи христіанства въ Кореѣ является необходимымъ дополненіемъ даже нъ краткому очерку ихъ религіозныхъ возэрѣній.

Это, въроятно, —единственная на Дальнемъ Востобъ христіанская община, возникшая совершенно безъ участія европейцевъ и пока не игравшая роли въ ихъ дипломатическихъ или торговихъ разсчетахъ. Христіанство занесено было въ Корею японцами, и начало его слъдуетъ отнести къ японскимъ войнамъ 1592 г. Но съ паденіемъ японскаго вліянія на полуостровъ исчезло и христіанство, одновременно подвергшееся гоненіямъ и въ самой Японіи. Возродилось опо снова только въ XVIII стольтіи, благодаря корейскимъ ученымъ, которые для ознакомленія съ ученіемъ, извъстнымъ имъ лишь по книгамъ, выслали въ Пекинъ молодого изслъдователя Сіонъ-хунъ-и, сына корейскаго посланника въ Китаъ. Сіонъ-хунъ-и вскоръ крестился и принялъ имя Петра. Онъ сдълался ревностнымъ

миссіонеромъ и обратилъ въ христіанство многихъ выдающихся ученидхь и высшихъ саповниковъ въ Кореъ. Первый ограничительный для христіанства указъ изданъ былъ правительствомъ въ 1784 г. по поводу отказа новообращенныхъ принятъ участіе въ празднествъ въ честь усопшихъ предковъ. Песмотря на это христіанскія общины продомжали возрастать и развиваться. Въ 1790 г. обратились корейскіе христіане къ католическому епископу въ Пекиив съ просьбой принятъ подъ свое покровительство ихъ общины и утвердить ихъ самозванныхъ священниковъ и епископовъ. Въ то времи численность ихъ достигала 4,000 человъкъ. Хотя чиновники были враждебно настроены противъ христіанъ, но преслъдованій въ собственномъ смыслѣ не было. Только съ того момента, когда Востокъ заподозрилъ новое ученіе въ политическихъ стремленіяхъ, онъ обрушился на него со всей восточной неумолимостью.

Попытки европейскихъ миссіонеровъ пробраться внутрь Кореи, вопреки общему запрещенію, дали начало кровавымъ гоненіямъ. Въ 1801 г. корейскій король, оправдывая передъ китайскимъ императеромъ, своимъ сюзереномъ, поводы, побудивние его казнить миссіонера Цію, китайца, говорить, что «христіане стремятся овладъть его государствомь при помощи европейцевь и ихъ кораблей». Воз-никли массовыя избіснія, и преслъдованія почти не прекращались, напротивъ, они усилились по м'врв увеличения числа европейскихъ миссіонеровъ, тайно проникавшихъ въ предѣлы государства. Въ 1839 г., въ царствованіе парицы-регентии Кимъ, гоненія эти достигли крайняхъ предѣловъ ожесточенія. Тюрьмы были переполнены и кровь лилась ручьями. Епископъ Эмберъ, а также миссіонеры Мобанъ и Частенъ, съ опасностью жизни укрываемые върующими, добровольно отдались въ руки правительства, надъясь такимъ обра-зомъ смягчить или даже прекратить преслѣдованія. Хотя смерть ихъ ослабила гоненіе, но не прекратила его. Оно продолжалось видоть до открытія Кореи для европейцевъ, представленія же и вившательства европейскихъ державъ только ухудшали положение христіанъ. Въ 1866 г. были умерщвлены епископы Давелюи и Бернэ со всёми европейскими миссіонерами. Христіане-туземцы гибли тысичами; наказывались даже ихъ родственники-язычники до шестого покольнія включительно. Остальные разбіжались, укрываясь горахь и льсахъ. Только вынужденный въ 1875 г. Японіей договоръ прекратилъ беззаконія и жестокости, открывъ доступь къ корейскимъ берегамъ миссіонерамъ всѣхъ въроисповъданій.

Бнагодаря своему мученическому произому корейскій катоди-

цизмъ, хоти малочисленный, пустилъ глубокіе корни въ сердца части народа, такъ какъ онъ дъйствительно былъ нъкоторое времи религіей бъдныхъ и угнетенныхъ.

В. Спрошевскій.

Вемледъліе въ Кореъ.

Корейскій крестьянинь — исконный и коренной земледілець, главное его занятіе—хлібонащество, и вей остальных стороны хозяйства у него обыкновенно хромають; крупнаго скота разводится мало, часто даже меньше, чімь нужно для обработки полей: азъменкаго скота въ лучшемь случай держатся лишь свиньи, а изъдомашней птицы—куры. Заниматься скотоводствомь, впрочемь, корейцу не позволяеть уже густая населенность містности; общирных настонщь въ Корей почти вовсе нигдів не встрітиць, такь что настись крупному скоту негдів. Зато подь полями занята вся свободная земля, обработань каждый, сколько-нибудь доступный, кусочекь. При значительной густотів населенія въ Корей земли на душу приходится очень немного, пахотной земли—меніве десятины, потому приходится взять съ нея уже все, что только можно, и заботиться о самой тщательной обработків.

Въ этомъ отношении кореецъ и достигаетъ, въ дъйствителъности, большого совершенства, и если корейския поля и нельзя сравнить съ еще болъе тщательно обрабатываемыми китайскими и японскими, зато въ свою очередь и наши русскія поля не выдерживаютъ никакого сравненія съ корейскими. Въ Корей земля на полѣ обрабатывается не хуже, чѣмъ у насъ на огородѣ, къ тому же посѣвы пѣсколько разъ въ лѣто тщательно выпалываются отъ сорныхъ травъ, и потому поле имѣетъ обыкновенно такой выхоленный видъ, что дюбо-дорого на него смотрѣть! На обработку земли и уходъ за посѣвами корейцами затрачивается вдвое больше времени и труда, чѣмъ у насъ, тѣмъ болѣе, что въ значительной степени земля обрабатывается въ ручную, безъ помощи домашнихъ животныхъ. Пашется земля пли тяжелымъ корейскимъ плугомъ, въ который запрягается одинъ или два быка, или же пашутъ просто лопатою. Въ посъѣднемъ случаѣ въ пахотьбъ принимаютъ участіе три человѣка:

одинъ держить лонату и вгоняеть ее въ землю, а двое другихъ́ тянуть за веревки, привязанныя къ нижней части лопаты; такимъ образомъ получается иѣкоторое подобіе илута, и, какъ ни тяжеда такого рода работа, она часто примѣияется въ Кореѣ для разрых-ленія полей. При такомъ способѣ разработки поде вспахивается, пожалуй, даже лучше, чѣмъ неуклюжимъ, громоздкимъ плугомъ, а трудъ человѣка цѣнится въ Кореѣ едва ли не ниже работы быка.

Особенно много корейцу хлопоть съ его главнъйшимъ хлъбнымъ растеніемъ, рисомъ, который составляетъ наиболъе важную основу благосостоянія Кореи; недаромъ корейцы чтятъ больше всъхъ святыхъ своего легендарнаго управителя Ки-Цза, который будто бы первый научиль ихъ, какъ воздълывать рисъ. Для своего успъщнаго произрастанія рисъ требуетъ, чтобы поле, по крайней мъръ въ теченіе нъкотораго времени въ году, было нокрыто водою, и потому рисовыя поля устранваются обыкновенно въ низинахъ, по берегамъ ръкъ,

Посадка риса.

или же располагаются такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было искусственно наводнять водою, отведенною по каналамъ изъ ручьевъ и ръчекъ. Неръдко для такого орошенія устранваются искусственныя плотины, и вода распредёляется цёлой сётью каналовь по полямь престьять одной или нёсколькихь деревень.

Рисъ не съется прямо въ нояв, какъ это двлается съ другими хлъбными растеніями, а высфиается сперва гдь-ипбудь около дома, на небольшомъ клочкъ земли, въ видъ разсады. Когда молодыя растеньица поднимутся на 3-4 вершка отъ земли, ихъ выдергивають изъ ночвы и переносять въ корзинахъ на уже водготовленное, удобренное и распаханное поде. Тамъ, по щиколку въ водъ, корейцы и кореанки сажають рись кустиками по нѣскольку штукь вмѣстѣ, на разстояній примърно $^1/_2 - ^3/_4$ аршина одинъ отъ другого, притомъ въ шахматномъ порядкѣ, такъ что каждый кустикъ приходится въ промежуткахъ между кустиками двухъ сосъднихъ рядовъ. Впоследствін рись разрастается очень густо, и все поле, несмотря на промежутки между кустиками, кажется силошь заросвимъ. На этомъ заботы, однако, не кончаются: раза три-четыре въ лёто рисовое поле пропадывается, что въ лътній зной — далеко не легкая работа. Наконецъ, въ августв или сентябре рисъ жнутъ, и также но кольно въ водь. Молотять рисъ обыкновенными ценами, а затымь обдирають его кожуру или просто-на-просто въ большихъ деревянныхъ ступкахъ, въ которыхъ толкутъ его пестикомъ, или же на особыхъ мельинцахъ-толчеяхъ, гдб громадный нестикъ приводиття въ движение силою надения воды. Зато результать богато окупаеть вев заграченные труды; въ урожайный годъ рисъ родится самъ-50, самъ-80, такъ что въ этомъ отношени его превосходить лишь просо. которое даеть самь-100.

Кромф риса, въ Кореф разводятся различные сорта ячменя и ишеницы. Ихъ высъвають не такъ, какъ у насъ, распредъляя равномбрио по всему полю, а сбють рядами, для чего вдоль поля проводять глубокія борозды, которыя ділять его на узкія наражлельныя грядки. Очень часто поля застваются такимъ образомъ, что на одной грядкъ съется ишеница или ячмень, а на сосъдней — бобы, затъмъ, следуеть опять грядка зернового хлеба и опять бобы и т. д. Такое см'яшанное поле производить на нашъ европейскій взглядь очень странное внечативніе. Между тымь при мыстныхы климатическихы условіяхь свять хлібныя растенія такъ, какъ они сілотоя у насъ, даже невозможно, —въ этомъ на горькомъ опытъ убъдились русскіе переселенцы, основавшиеся въ Уссурійскомъ краз. Дело въ томъ, что при обилін влаги въ самое жаркое время года, въ йонв и въ іюл'є, если поле зас'єяно густо и силошь, вода на немъ застанваєтся, подгинвають кории и развиваєтся особый грибокъ на зерніе, изъза котораго получается такъ называемый «пьяный хлѣбъ». Х́яѣбъ. По Дальнему Востоку.

спеченный изъ такого зерна, непріятень на вкусь и обладаеть ядовитыми спойствами, такъ что вызываеть даже отравленіе. Между тімь благодаря «грядовому» посіву. — такъ называется способъ, практикуемый въ Корев, да и вообще на Востокі, — влага можеть легче сбітать съ поля, и вредное вліяніе літией сырости сказывается въ меньшей степени. Кроміт того, такое устройство поля позволяеть очень легко полоть его, а благодаря практикуемому смітшанному посіву возможно въ одно літо снять съ одного и того же поля два рода продуктовь: сперва созрітваєть и выжинается пшеница, посліт чего свободно могуть разростись бобы, которые созрітвають мітелиемъ, а то и двумя позже.

Въ сѣверной Корев рисъ въ значительной степени замѣняется просомъ, а въ средней и въ южной приходится встрѣчать, кромѣ полей риса и зернового хлѣба, огромныя ноля, засѣянныя хлопчатникомъ; это небольше кустики съ довольно красивыми цвѣтами, првносяще въ концѣ лѣта коробочки, набитыя сѣменами, у которыхъ имѣются пушистыя бѣлыя летучки. Летучки эти не что иное, какъ хлопчатая бумага, вата; ихъ отдѣляютъ отъ сѣмянъ, пропуская между двумя вращающимися деревянными вальками, и затѣмъ, также очень первобытнымъ способомъ, прядутъ изъ полученнаго хлопка нитки, изъ которыхъ и выдѣлываются почти всѣ матеріи, идущія въ Кореѣ на приготовленіе одеждъ.

Есть и еще нѣсколько растеній въ Кореѣ, неизвѣстныхъ у насъ; таковы многочисленные виды бобовыхъ, разводимые частью, какъ мы уже говорили, на кормъ лошадямъ и рогатому скоту зимою, а частью идущіе въ пишу въ вареномъ видѣ или въ видѣ «сои» — особой ѣдкой приправы, постоянно подаваемой къ рису и приготовляемой квашеньемъ бобовъ. Кромѣ того, въ южной Кореѣ разводится японская крапива, похожая на обыкновенную, но не жгучая; изъ нея добываютъ волокна, идущія на приготовленіе матерій. Походитъ на крапиву также кунжуть, изъ сѣмянъ котораго выжимаютъ масло, широко распространенное въ Кореѣ.

Нерѣдко приходится встрѣчать очень своеобразныя плантаціи, густо засаженныя довольно высокими кустами съ крупными листьями; это бумажное дерево, которое идетъ на приготовленіе превосходной корейской бумаги. Съ кустовъ его лѣтомъ сдирается кора, подъкоторой находятся толстый слой луба. Эта кора связывается въпучки и отправляется на бумажныя фабрики; тамъ ее очищаютъ, размачиваютъ, варятъ въ большихъ чанахъ и приготовляютъ изънея тѣстообразную массу, которая черпается простымъ ковшомъ и

вышивается на особыя решета; затёмъ, высохнувъ подъ прессомъ, она принимаетъ форму листа бумаги.

Корейская бумага дёлается различной телицины, но всегда непроилеенная—и, тёмъ не менъс, она отличается замѣчательной крфпостью и прочностью: въ случав надобности изъ листа бумаги можно скрутить достаточно крѣпкую веревку. Бумага въ Кореѣ играетъ гораздо болѣе важную роль въ домашнемъ обиходѣ, чѣмъ у насъ: его не только окленваются иоль, стѣны и потолокъ всѣхъ домокъ, начивая съ императорскаго дворца и до послѣдней хижины, она не только замѣнаетъ стекла въ окнахъ, но изъ нея дѣлаются и вѣера, ширмочки, фонари, свѣтильни дли свѣчей, а изъ промасленной бумаги—зонтики, дождевыя шляны, колиаки на обыкновенныя шляны, очень удобные плащи отъ дождя и, наконецъ, даже легкіе и прочные сундуки. Меньше всего бумага въ Кореѣ употребляется для той цѣли, которая у насъ оказывается почти исключительного, именно для письма. Въ виду такого многоразличнаго примѣненія бумаги, плантацій бумажнаго дерева и бумажныя фабрики довольно многочисленны въ Кореѣ, особенно въ южной.

Въ средней Корев приходится встръчать также очень своеобразныя плантаціи, похожія на парники, только вмёсто стеммянных рамъ видны цыновки, затъняющія гряды, на которыхъ растеть какое-то необыкновенное растеніе: это плантаціи такъ называемаго «жень-шеня», знаменитаго лекарственнаго растенія восточной Азіи. Растеніе это встръчается и въ дикомъ состояціи въ дремучихъ, торныхъ лѣсахъ сѣверной Корен и Маньчкуріи, хотя и составляєть тамъ большую рѣдкость и водится только въ самыхъ дикихъ и глухихъ мѣстахъ, куда трудно пробраться человѣку. Корень дикаго жень-шеня цѣнится дороже, чѣмъ на вѣсъ золота: большой корень стоитъ нѣсколько сотъ и даже больше тысячи рублей, и потому за дикимъ жень-шенемъ производится правильная окота: по всѣмъ лѣсамъ Маньчжуріи и нашего Южно-Уссурійскато края бродять искатели жень-шеня, китайцы и корейцы, дѣлающіе изъ отыскиванія корня свое спеціальное занятіе. Причина такой славы и дороговизны жень-шеня—это сложившіяся о немъ легенды, какъ о самомъ чудодъйственномъ и замѣчательномъ средствѣ, которое служить не только лекарствомь едва ли не отъ всѣхъ самыхъ ужасныхъ болѣзней, но и можетъ даже продлить совсѣмъ уже угасающую жизнь. Эта увѣренность въ цѣлебныхъ свойствахъ жень-шеня глубо укоренилась среди населенія Китая и Корей и заставляеть платить за корня растенія баснословныя суммы. Между тѣмъ европейскіе врачи, изслѣдовавшіе научнымъ путемъ дѣйствіе жень-шеня, совсѣмъ не под-

тверждають такой установившейся репутаціи его и, хотя и признають, что жень-шень обладаєть нікоторыми цівлебными свойствами, но такими, какими обладають и многія другія растенія, и даже еще въ меньшей степени.

Нервдко встрвчаются въ Корев также обинрныя плантація табаку, причемъ обыкновенно между кустами табаку сажають рвпу или рвдьку. Табакъ находить себв общирный сбыть въ Корев, такъ какъ почти все населеніе поголовно курить; но разводятся лишь довольно низкіе сорта его. Продается онъ или прямо пучками высушенныхъ листьевъ, или же меако нарвзанный.

На корейских отородахь разводится преимущественно редька, красный перецъ, номидоры, баклажаны, отурцы, безвкусныя пресныя дыни, употреблиющися въ пищу почти сырыми, тыквы, лукъ и чеснокъ. Иногда разводится также клещевина, орешки которой и прямо употребляются въ пищу, и служать для выжиманія кастороваго масла, которое идетъ на приправу кушаній: однажды намъ подали къ рису теплые отурцы на касторовомъ маслё! Картофель почти вовсе не проникъ въ Корею и разводится развѣ въ окрестностяхъ большихъ портовыхъ городовъ столицы.

Часто въ корейскомъ огородъ растетъ п нъсколько фруктовыхъ деревьевъ, превращающихъ его до нъкоторой степени во фруктовый садъ; настоящихъ илодовыхъ садовъ, однако, почти не приходится встръчать. Самымъ любимымъ илодовымъ деревомъ на югъ Кореи является особое дерево, посящее названіе «каки»; оно дастъ въ концъ лъта красные плоды, величиною съ яблоко, очень сочные и вкусные. Въ съверной и средней Корев разводятся груши, яблоки, абрикосы, сливы и вишни, но саъдуетъ замътить, что всъ плоды и ягоды, произростающіе въ Кореъ, совсьмъ не выдерживають никакого сравненія съ нашими евронейскими: яблоки и груши жестки и деревянисты, другіе плоды также безвкусны, водянисты и совсъмъ лишены характернаго для нихъ аромата. По всей въроятности, тому причиною сырое и облачное лъто. Даже европейскіе сорта, перевезенные въ Корею, быстро выраждаются и дають такіе же безвкусные плоды.

Нѣкоторымъ подспорьемъ въ корейскомъ хозяйствъ является пчедоводство; корейцы охотно разводять пчелъ въ деревянныхъ цилиндрическихъ колодахъ съ коническими соломенными крышами. Сахара въ Кореѣ совеѣмъ почти не знають, но медъ замѣняетъ его вполнѣ у богатыхъ корейцевъ и не составляетъ рѣдкости за ихъ трапезой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Корен разводятся также и шелковичные черви, дающіе недурной шелкъ желтоватаго цвѣта. Состоятельный кореецъ любитъ пощеголять бѣлымъ шелковымъ халатомъ, а для кореянки шелковое илатье является также предметомъ страстнымъ желаній.

Такимъ образомъ корейское хозяйство, несмотря на слабое развите скотоводства, довольно разнообразно и сложно, и хотя не вездѣ, конечно, и не всёми разводятся всё тё культурныя растенія, о которыхъ мы говорили, но все же корейскому крестьянину хлонотъ съ различными ето плантаціями много, тѣмъ болѣе, что вся почти обработка ведется въ ручную, и если кореець и пользуется какимилибо орудіями, то лишь очень первобытными. Съ ранней весны и до поздней осени работаетъ кореець, не покладая рукъ, и въ работѣ на поляхъ и на плантаціяхъ принимаютъ участіе и всѣ члены его, въ большниствѣ случаевъ многочисленнаго, семейства. Кто побота че, тотъ нанимаетъ себѣ, конечно, въ подмогу и рабочихъ изъ болѣе бѣдныхъ безземельныхъ крестьянъ или изъ бывшихъ рабовъ.

П. Ю. Шмидть.

Японія.

Японія занимаєть собой рядь острововь, лежащихь между 24 и 51° съверной шпроты. Общая поверхность ихъ равняется 382,415 кв. километрамъ.

Вереговая линія японскихъ острововь изрізана массой извилинь, образующихь прекрасныя гавани, бывшія уже съ давнихъ поръ извістными рыбакамъ и прибрежнымъ торговцамъ. Пароходы и большія суда начали ихъ посіщать только за посліднія 20 літъ. Развитіе торговли каменнымъ углемъ и другими минералами несомивнно должно выдвинуть многія изъ нихъ, но и число тіхъ, которыя уже находятся въ постоянномъ подьзованіи, какъ комперческіе порта для містной торговли, весьма значительно. Нітоторыя изъ нихъ уже хорошо знакомы европейцамъ, и когда вся страна откроется для иностранной торговли, то боліве, чімъ вітроятно, что суда всего коммерческаго міра найдуть въ нихъ себі убіжище. Согласно исчисленіямъ японцевъ, они обладають боліве чімь 56 большими гаванями, изъ которыхъ наиболіве пав'єстна Нагасаки, слава о которой прогреміла но всему світу. Поверхность острововъ преимущественно гориста, причемъ многія горы вужканическаго происхожденія. Большинство изъ горъ и холмовъ представляють собой вулканы, еще недавно дъйствовавшіе. Такъ, изверженіе Асамаямы было въ 1870 году и онъ до сихъ норъ еще носить слёды своей дъятельности. Среди горъ Японій насчитывается болъе чъмъ 7,5, превышающихъ своею высотою 3,000 футъ.

Фудзи-Яма извъстна, кажется, во всемъ подлунномъ міръ. Японія безъ Фудзи-Ямы была бы то же, что Неаполь безъ Везувія. Нѣтъ ни

Гора Фудзи-Яма.

одного издёлія національнаго искусства, будь то скульптура или живопись, гдё бы не встречалось изображенія этой «несравненной горы», какъ называють ее туземцы. Конпческая вершина Фузди-Ямы чрезвычайно рёзко выдёляется среди горныхь отвётвленій, идущихь по направленію къ морю и отдёляющихся отъ главной цёни, растянувшейся вдоль всей группы янонскихь острововь. Невозможно составить себё яснаго представленія о дёйствительной высотё этого дёйствующаго вулкана, пока не поднимещься на вершину одной изъ горь окружающаго ее хребта. Со стороны моря послёдній ка-

жется оканчивающимся непосредственно у самой береговой черты и оттуда постепенно повышается миль на 20 и болбе по направленію къ центру острововъ. Среди безчисленныхъ горныхъ проходовъ, въ предълахъ 60-ти- мильнаго радіуса, склоны, панболѣе близкіе, покрыты снѣгомъ и ярко сіяють на горизонтъ ежегодно въ продолженіе десяти мѣсапевъ. При нервыхъ лучахъ просыпающагося солица они покрываются мистическимъ розоватымъ блескомъ и даотна они покрываются инстический розоватым одеском и да-ють очаровательное зринще судам, приближающимся къ бере-гамь Японіи. Сравнительно недавно еще Фудзи-Яма была въ дийствій и до сихь поръ покрытые пепломъ склоны ея напоминають посф-тителямъ Везувій. Вст принсгающія къ ней окрестности свидьтельствують о той опустощительной дѣятельности, которую проявиль вулкань при своемь послѣднемь изверженіи. Зеленѣющіе пригорки еще донынѣ покоются подъ топклить слоемь пепла, а большое озеро Вива явилось, по преданію, слѣдствісмъ пониженія почвы въ одну ночь на протяженіи 200 миль. Озеро это получило свое названіе ночь на протиженіи 200 миль. Озеро это получило своє названіє оть причудливаго сходства въ наружныхъ очертаніяхъ съ музыкальнымъ пиструментомъ того же имени, напоминающимъ собой гитару. Озеро это самоє большоє въ Японія (около 53 японскихъ или 130 англійскихъ миль въ окружности) и расположено около древняго города Отпу. Несомивню, что если бы какой-либо здой геній нарушилъ покой Фудзи-Ямы, то она во гитев своемъ обратила бы окрестности столицы на разстояніи 80 миль вокругь въ общирную пустыню, а сопки, прилегающія къ этому вулкаву и пока мирно спящія, тоже пробудились бы и показали бы своє стращное мотушество. могущество.

Землетрясенія чаще случаются на югѣ Японій.
Въ вулканическомъ кольпѣ, заключающемъ въ себѣ Фудзи-Яму, расположенъ также рядъ сѣрныхъ источниковъ, которыми природа щедро одарила провинцію Хаконэ, лежащую въ сѣверной части горъ. Одинъ изъ нихъ расположенъ въ кратерѣ нынѣ потухшаго вулкана, и сіяющіе склоны «Несравненной горы» отражаются въ его стрем-

и сіяющіє склоны «Несравненной горы» отражаются въ его стремнинахь, когда онъ поконтся, никімъ неволнуемый, окруженный цільшмъ травянымъ лісомъ на высоті 2,350 футь надъ уровнемъ моря. Кромів источниковъ Хондо особенное вниманіе обращають на себя минеральные ключи Обама и Унзена, лежащіє близъ Нагасаки на острові Шикоку. Вообще Японія изобилуєть цілебными ключами. Вода ихъ містами прозрачная, містами молочная, содержить въ себі, главнымъ образомъ, растворы соединеній сіры, желіза и щелочей. Сіры здісь такъ много, что она доставляєтся въ столицу

и въ Іокогаму, откуда большія количества ея находять сбыть въ другія страны.

Живописныя ущелья, расположившіяся у роскошнаго подножія фудзи-Ямы, дають начало безчисленному множеству ручейковъ и річекъ, которые всё направляются по зеленіющимъ русламъ. Малоно-малу ніткоторые изъ нихъ обращаются въ бурные и никімъ неукротимые потоки, что бываеть преимущественно въ періодъ таянія сивга и пьда на вершинахъ горъ. Водиныя стремнины эти, соединяясь вивств, образують рвки, и потребны не малыя ухищренія механики, чтобы создать илотину, способную каждое лёто и осень усибшно противустоять ихъ энергичному натиску. До самаго по-сабдняго времени было положительно немыслимо сохранить нетронутымъ какое-либо стросніе въ продолженіе смегодныхъ наводненій и вев способы, принятые для ограничения стремительности бурныхъ нотоковъ, были до забавнаго неудовлетворительны. Постройка шлюзовъ, какъ пекусство, была издавна хорошо знакома японцамъ, но расходы, связанные съ сооружениемъ каменныхъ устоевъ и солидныхъ плотинъ, удерживали землевладъльцевъ отъ подобныхъ предпріятій, пока это не стало необходимымъ въ связи съ постройкой желбаныхъ дорогъ. Вообще, следуетъ заметить, что режи Японіп не столько замічательны по своей длині, сколько по своей буринвости л'Етомъ; зимой оне почти все высыхають. Онгава и Тенъ-Ріу-Гава (ръка небеснаго дракона) въ ширину имвють около полумили, но въ дъйствительности бывають напознены водой только во время разлива, не болбе 3—4 дней подъ-рядъ. Тенъ-Ріу имбеть въ длицу 130 миль, Онгава простирается на 70 миль, а Фужигава, ръка, замъчательная по чрезмърной быстротъ своего теченія, — 83 мили.

Какъ было уже упомянуто выше, Японія лежить между 24 и 51° сѣверной широты, вслѣдствіе чего здѣсь наблюдаются широжіе предѣлы измѣненія температурь и климата. Острова Японіи обязаны этимъ присутствію Куро-Шиво, тенлому океанскому теченію, омывающему ихъ берега и оказывающему на нихъ такое же благодатное вліяніе, какое оказываєть Гольфетремъ на острова Великобританіи. Благодаря ему, жители тихоокеанской жемчужины пользуются тѣми чудными дарами природы, о которыхъ такъ ясно свидѣтельствуютъ взорамъ путешественниковъ зеленѣющіе склоны восточныхъ береговъ Японіи. Но за предѣлами теплаго теченія, японскіе острова непытывають то же суровыя зимы, которыми отличается Маньчжурія и Сѣверная Корея, хотя эти страны, по своему географическому положенію, находятся на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Сѣверная часть Ниппона (Хондо) и весь островъ Іезо

исиытывають сийгь и морозы только на параллеляхь Сивернаго Китая, такъ что подданные микадо, живуще въ сфверныхъ частяхъ его владецій, принуждены бороться сь такими невзгодами, сь какими можетъ поспорить лишь Ліангтонгь. Вообще, почему-то принято обыкновенно созглать Японію за страну, расположенную правне неудобно въ климатическомъ отношении, причемъ утверждаютъ, что въ однъхъ частяхъ ея лътняя жара бываетъ прямо невыносима, а въ другихъ приходится испытывать черезчуръ суровую зиму. На самомъ дълъ, лъто здъсь немногимъ жарче, чъмъ хотя бы въ Англін, и зима не тяжелье. Подобно Велинобританіи, наибольція жары бывають здёсь въ августё мёсяцё и достигають почти одинаковой интенсивности. Времена года распредфлены здёсь правильно, благодаря чему жители имфють возможность заранфе заготовить себф одежду но сезону, чего, напримъръ, англичане на своей родинъ едблать не могуть. Естественно, что при такой длинной пфии острововъ, здъсъ должно наблюдаться большое разнообразіе среднихъ тем-пературъ и вышесказанныя замъчанія относятся главнымъ образомъ къ центральнымъ округамъ; на островахъ Ліу-Кіу и Боинсьихъ царствуеть почти непрерывное лъто, а на отдалениъйшихъ пустыцныхь островахь Курильской гряды господствуеть климать арктическаго пояса. Во внутреннихъ провинціяхъ сибтъ идеть не чаще, чёмъ въ Лондонъ. Здёсь наблюдаются два дождливыхъ времени года: въ концъ зимы и въ концъ лъта, причемъ послъднее отличастся сильными вътрами, часто достигающими степени урагана. Муссоны встръчаются на крайнемъ югъ, но здъсь они не обладають той правильностью, какъ на берегахъ Китая. Южные вётры бывають въ предолжение сфиаго года въ центральной части и на бере-гамъ Тихаго океана, благодаря чему Япония окличается обилиемъ яркихъ солнечныхъ дней, во время которыхъ при солнечномъ восходъ и при наступленіи ночи дують легкіе бризы, ділая особенно пріятною жизнь тъхъ, кто привыкъ къ изивнчивымъ лъту и зимъ въ съверныхь ширетахь. За исключеніемь цензбѣялнаго дождливаго періода п ивсколькихъ сырыхъ и жаркихъ дней «dô-gô» — двв недбли въ августв мъсяць - солице почти не скрывается съ апръл но новорь. Даже въ октябръ погода стоить теплая и солнечная, хотя ночи уже становятся холодными. Около середины марта цвътники оживають и фруктовыя деревья покрываются цвётами. Съ этого времени страна Восходящаго Солнца обращается въ страну Солнечнаго Сілнія. Съ апраля но октябрь жители ходять въ латнихъ костюмамъ.

Д. Сербскій.

флора и фауна Японіи.

Благодаря ея положению въ умъренномъ поясъ, гдъ флора и фауна близко подходять къ флорв и фаунв средней и нижней Европы, мы легко можемъ представить себ'в жителей имперіи микадо находящимися въ условіяхъ, подобныхъ тёмъ, въ которыхъ мы привыкди видеть нашихъ соотечественниковъ въ южной полосъ Россіи и Средней Азіи. Изміненія температуры здісь тоже почти тії же самыя. Следствіемъ является то, что въ Японіи мы встрічаемъ лошалей и воловъ, коровъ и свиней, собакъ и кошекъ, коздовъ, барсуковъ и зисиць. Кром'в того, на север'в водятся медерди и дикіе кабаны. а въ горахъ центральныхъ и южныхъ провинцій ръзвится и прыгають обезьяны-животныя совершенно незнакомыя въ наши дни лвсамъ средней и южной Европы. Съ другой стороны, встрвчающися здась овцы водятся на островахъ Японіи только какъ исключеніе, но не принадлежать къ числу ся туземныхъ животныхъ; напротивъ того, даже будучи привезены сюда, онв быстро погибають: жирная трава, какъ и молодые побеги бамбука, которыми оне любять иитаться, быстро ихъ убивають. Містныя лошади малы ростомь, но обладають выдающейся силой и выносливостью, а по своимъ нравамъ приближаются къ мустангамъ. Выки и коровы по всей имперіи пріурочены, хотя и въ ограниченномъ количествъ, къ нуждамъ земледёлія; мясо ихъ стало употребляться въ пищу только за нослёднія 15-20 лътъ. Свиньи также до этого времени считались нечистыми и со стороны хозяевъ гостиниць было чрезвычайно смёлымъ нововыеденіемъ объявленіе о приготовляемой ими «бутанабэ», т. е. рубленой свининъ. Козы встръчаются сравнительно часто; но кого можно видъть въ безчисленномъ количествъ-это собакъ и кониекъ, Онъ попадаются ръшительно на каждомъ шагу. Туземныя собаки раздъляются на двъ породы, столь непохожія одна на другую, что представителей ихъ считають здёсь за совершенно различныхъ животныхъ. Маленькая, граціозная японская собачка, въ огромпомъ количествъ отсюда вывозимая, хорошо знакома: Европъ подъ именамъ «дамской собачки». Въ Японіи она носить названіе «chîn» и даже не считается за собаку. Последнее наименование присвоено исключительно «îna», представляющимь собой паріевъ собачьсй породы, готовыхъ облаять каждаге прохожаго и добывающихъ грабежомь свое скудное пропитание. По своей вибшности онв напоминаютъ прирученныхъ волковъ.

Кошки въ Японіи преимущественно рыжія и безхвостыя, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ часто встрѣчаться здѣсь и съ нашими длиннохвостыми друзьями.

Среди диких животных, населяющих вионскіе острова, первое мѣсто принадлежить дани. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти звѣри до такой степени ручные, что совершенно свободно разгудивають въ окрестностяхъ храмовъ и по деревенскимъ удицамъ, будучи охраняемы отъ нападеній этидой буддійскаго культа. Но такое вокровительство распространлется дишь на мѣстности, считаемыя священными; что же касается до горъ, то здѣсь на даней совершенно свободно охотятся, а мясо ихъ употребляется въ инщу. Лисица также ведеть покойную жизнь, благодаря тому, что если ее и не бояття, то во всякомъ случав почитають, какъ воплощеніе Инари, божества, покровительствующаго земледѣлію. Храмы, посвященные этому божеству, разбросаны по всей странѣ, населеніе которой съ умиленіемъ ему преклоняется.

Нельзя не упомянуть еще о барсукахъ, которые также сильно распространены въ Японін: ни одна изъ водщебныхъ сказокъ японской народной саги не обходится безъ барсука и лисицы. На этихъ животныхъ, равно какъ и на кошекъ, японцы смотрять съ суевърнымъ страхомъ, приппсывая имъ способность принимать человъческій образъ для того, чтобы легче морочить людей. Подобно возшебницамъ сказокъ западной Европы, оборотни бываютъ добрыми и злыми. Чтобы заслужить ихъ расположение, надо сделаться ихъ союзникомъ, но горе тому, кто носмжеть оскоронть ихъ. Тогда не только обидчикъ, но вся семья его не избъгнеть мести животныхъ. На островъ Щикоку, одномъ изъ большихъ японскихъ острововъ, болже всего распространено почитаніе барсуковъ. Иногда даже можно встрѣтить изящно выръзанныя изъ слоновой кости изображенія шутокъ, устрочиныхъ барсуками. Напримъръ, барсукъ, лежа въ засадъ въ пустынномъ м'вств, въ сумерки подстерстветь запоздалыхъ путешественниковъ. Какъ только кто-либо покажется, барсукъ, набравъ въ себя воздуху, надуваеть свой животь и начинаеть н'яжно барабанить по немъ сжатой ланой, производи при этомъ до того необыкновенные ввуки, что прохожий невольно останавливается, прислушивается и, нажонецъ, сворачиваетъ съ дороги, чтобы узнать причину поразившаго его явленія; по мёрів его приближенія звуки удаляются, постененно стихая и такимъ образомъ несчастный идетъ къ своей погносли.

Переходя къ нернатому царству, мы должны прежде всего уномянуть е журавлё и цапле въ многочисленныхъ видахъ. Журавлей и цаплей можно смёло считать царями японскихъ птицъ. Teypy (Grus leucaneus) преимущественно встръчается на вершинахъ деревьевь, растущихъ на валахъ, окружающихъ старинные замки. и въ паркахъ, придегающихъ къ императорскимъ дворцамъ, причемъ въ посябднихъ ихъ даже разводятъ искусственно. Влестящіе и облосивжные съ черными хвостами и крыльями и маленькими, едва замфинами пятнышками на головф, они вызывають повсюду восторгь своимъ появленісмъ, а потому неудивительно, что художники Востока любять изображать эту полиую граціи втицу во всевозможныхъ положенияхъ-летающею ли вокругъ вътвей черной сосны или же отдыхающею во всемъ своемъ пыниномъ великолбини среди гротовъ и озеръ старинныхъ садовъ. Достигая роста болве 5 футь, теуру близко подходить по своимь разм'врамъ къ страусу и является крупнейшимъ представителемъ пернатаго царства Японіи. Сравинтельно мало разнятся съ нимъ но величинъ тирозали-бълан и голубая цанли. Къ этой же категоріи принадлежать меньшія по своимъ разм'врамъ б\(\frac{1}{2}\)лоси\(\frac{1}{2}\)лини цании рисовыхъ полей, зам'вчательныя производимымъ ими шумомъ, а также выпь, или благородиая цанля (го-и-саги).

Японія вообще замічательна по богатому разнообразію своего пернатаго царства. Здібсь встрічаєтся до 325 раздичных пітичых породь, изъ которых только около 180 извістны сосіднему Китаю и не боліє 100 нашему отечеству. Изъ посліднихь мы можемь указать на гуся, который встрічаєтся въ восьми разновидностяхь, затімь на дикихь утокь, четыре породы нырковь, многочисленныхь бекасовь, куропатокь, перецеловь, воронь, сорожь, соколовь, курушекь, дятловь, дроздовь, жаворонковь, соловьевь, дасточекь и, наконець, совь.

Изъ перелетныхъ итицъ большинство ничъмъ не отличается отъ встръчающихся въ Европъ и только иъкоторыя имъютъ свои характерныя особенности. Сюда, между прочимъ, можно отнести сороку, сильно отличающуюся отъ своихъ европейскихъ сородичей, главнымъ образомъ, по длинъ и ширинъ спинныхъ перьевъ, которыя имъютъ такіе размѣры, что придаютъ ея полету совершенно неожиданную быстроту. Среди итицъ, обладаніемъ которыхъ мы не можемъ похвастаться, Японія имъетъ еще особую породу утокъ. Замѣчательно красиво оперенныя, онъ поселиются въ уединенныхъ

водахъ и при томъ непрембино отдъльными нарами. Домащий птицы разводятся въ Японіи весьма старательно, особенно куры, которыхъ здѣсъ можно встрітить нѣсколько породъ: черным испанскія, доржингскія, илимутскія, кохинхинскія и другія. Такъ какъ японцы, подобно испанцамъ, большіє пюбители пѣтушиныхъ боевъ, то культивировка бойцовыхъ иѣтуховъ здѣсъ сильно развита. Послѣдніе годы особенной любовью начинаетъ пользоваться «итица съ семью дицами», какъ японцы называють индѣйскаго иѣтуха.

Изъ пресмыкающихся въ Японіи мало замѣчательныхь: зато среди голыхъ гадовъ (земноводныхъ) замѣчательна колоссальная саламандра (Sieboldia maxima), водящаяся въ горныхъ рѣчкахъ и озерахъ.

При такомъ огромномъ побережьи, какимъ обладаетъ Японія, рыболовство, очевидно, должно явиться главнымъ занятіемь для большинства ел жителей. Явленіе это наблюдается и на самомъ дъль, тъмъ болье, что воды, омывающія Японію, буквально кинпатъ рыбою, а слёдовательно какъ трудъ, такъ и каниталъ, затраченные на рыболовство, вполив окупаются. Кандая рыба, хороно знакомая нашимъ поварамъ, непремънно найдется на рынкахъ Гокогамы в Нагасаки, и кром'в того, здёсь всегда можно увидать сорта, для насъ пока еще совершенно неизвъстные, по которые по всей въролтности въ педалекомъ будущемъ сдълаются любимъйнимъ доподненіемъ къ нашему столу. Последнее, главнымъ образомъ, должно быть отнесено къ акулб и киту (хотя и не рыбѣ въ зоологическомъ смыслъ этого слова), очень часто учотребляемымъ въ шищу японцами. Приготовленныя туземными поварами, эти животныя становятся не только събдобнымъ, по даже закомымъ блюдомъ, хотя бы и для изысканнаго вкуса свропейскихь гастрономовъ, особенно если потребитель не быль зарание ознакомлень съ происхождениемъ поданнаго сму мяса. Точно такъ же одинмъ изъ любимъйшихъ блюдъ японскаго объда является макрель, не подьзующаяся, особенно въ сыромъ видь, большой популярностью на нашей родинь. На южимхъ рынкахъ часто встрвчается дельфинъ (также китообразное млекопитающее, сходящее на рынкъ за рыбу), и ръшительно повсемъстно каракатица (головоногій моллюскъ). Устрицы не особенно любимы въ этой странъ, хотя ихъ добывается и очень много. Всъ выше перечисленныя баюда національнаго меню были введены въ употребленіе далеко не изъ необходимости, такъ какъ японскія воды изобилують пососиной, треской, камбалой, налтусомъ, селедками, толованью, лещами, мерланами, корюшкой, налимами, сазанами и многими другими, изъ поторыхъ можно составить вкусное и разнообразное меню.

На сввере острова Ісзо рыбы такое изобиліе, что ее отправляють массами въ Китай, где она идеть на удобреніе полей. Для этой цели главнымъ образомъ пользуются селедкой, котя часто унотребляють также и лосось, а иногда даже форель, вследствіе ихъ невысокой стоимости. Одинаковымъ распространеніемъ съ форелью иользуются сардинки, которыя въ Японіи такъ дешевы, что наше выраженіе «дешевле пареной рёны» здёсь можеть быть замёнено выраженіемъ «дешевле сардиночной головки»:

Кром'в рыбъ, моря Японін наполнены омарами, крабами, устрицами, креветками и шрямсами, которые, равно какъ и рѣчные раки, вст употребляются въ пищу. По встмъ берегамъ собираются слизняки, сущатся, рѣжутся и массами отправляются въ Китай. Въ глубинъ морской ловятъ знаменитыхъ стеклянныхъ губокъ (Hysloпета Sieboldii). Словомъ, ни одинъ представитель животнаго царства не остается здѣсь безъ пользы для своего царя—человѣка.

Нъть такого времени года, когда холмы и долины Японіи оказались бы совершенно лишенными покрывающей ихъ ведени. такъ много встръчается здёсь разнаго рода представителей растительнаго царства. На каждомъ шагу глазъ путника встръчаетъ зе-ленъющую «матсу» (Pinus silvestris); вет горные откосы сплошь покрыты красной сосной, разбросанной въ виде кустарника на юге и поднимающей свою вершилу высоко къ небу на съверъ; то тамъ. то здёсь мелькаеть лиственница, сильно распространенное и наиболёе цфиное строевое дерево, во множествъ идущее на мачты дегкихъ и изящныхъ японскихъ джонокъ; Cryptomeria japonica окаймляетъ горныя дороги и роскошно растеть повсем'встно на Хондо, рядомь съ кейакидеревомъ, похожимъ на красное и дающимъ высокоценимый матеріаль, прекрасно поддающійся полировкь. Его вездь употребляють на отдълку колониъ, а въ видъ досокъ оно идетъ на изготовление «тохо-но-ма», жилыхь домовъ. На югѣ во множествѣ произрастаеть драгоцвиное камфорное дерево, находящее обильное примвнение въ японскихъ столярныхъ мастерскихъ. Среди деревьевъ, замъчательныхь по своей высоть, по своимь достоинствамь и главнымь обрасомъ, какъ строительный матеріалъ, особенно ценится тутовое дерево, безъ котораго Японія не могла бы заниматься выдёлкой шелка. Сюда же относятся восковое дерево, растущее на югѣ, и гигантскія камелін, изъ свиянъ которыхъ добывается въ большомъ количествъ особое масло. Затъмъ останавливаютъ на себъ внимание вленъ, покрытый літомъ ярко-зедеными, блестящими дистьями, а осенью дінающійся броизово-краснымь, каменный дубь, чудно пахнущая магнолія и, наконець, чайное дерево. Центромь разведенія посл'єдняго является округь, расположенный по сос'єдству съ Фузіамой. Хотя японскій чай не отличается особеннымь достоинствомь своего листа, тёмь не менёе культивировка его представляеть собою предметь, возбуждающій къ себъ въ Японіи наибольшій интересъ. Употребляется м'єствый чай преимущественно внутри страны. Спрось на него въ Европ'є весьма незначителень; посл'єднее можеть быть объяснено примитивностью приготовленія чайнаго листа, вся обработка котораго часто заключается лишь въ одной сушк'є на соднців. И'єть ничего мудренаго, если, будучи тщательно приготовлень для сбыта на иностранныхь рынкахь, онь обнаружить весьма хорошія качества.

Чудныя пальмы, лавровыя деревья и другіе общіе наши побимцы, во множествів здівсь встрівчающієся, заканчивають собой дивную картину японскихь лівсовъ. Говоря о деревьяхь Японіи, нельзя не упомянуть о дивныхь віковыхь кедрахъ, окаймляющихъ Токайдо—древнюю горную дорогу, соединяющую столицу микадо съ Кіото и Осака. Деревья эти тянутся на всемь ея протяженій, за исключеніемь только встрівчающихся на пути городовъ и селеній.

Фруктовыя деревья Японін растуть въ довольно большомь чистъ весьма разнообразныхъ сортовъ, но количество приносимыхъ ими плодовъ, за исключеніемъ мелкихъ апельсиновъ, извъстныхъ здъсъ подъ именемъ мекановъ и напоминающихъ собой мандарины, едва можетъ быть названо достаточнымъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ здъсъ особенно распространены груши, по наружному виду похожія на большос коричнево-бурос яблеко, сливы, персики и абрикосы. Яблоки растутъ на съверъ, но это какъ по вкусу, такъ и по наружности, скоръе только дички, ничъмъ не напоминающіе чудные плоды нашей Россіи. Вообще фрукты Японіи не имъютъ ни въжности, ви вкуса, хотя во всемъ другомъ природа была особенно щедра къ этой странъ.

Каштанъ, орѣшникъ и фиговая пальма растутъ въ Японіи повсемѣстно. На югѣ растутъ бананы и саговыя пальмы, но климатъ здѣсь не настолько мягокъ, чтобы дать имъ возможность принести хорошіс илоды. Часто встрѣчается гранатное дерево, плоды котораго очень дороги. За послѣднія 15 лѣтъ по сосѣдству съ Кофу, въ средней части Ниппона, сталъ разводиться по иностранной системѣ виноградъ, чудныя лозы котораго, вывезенныя изъ Калиформіи, принялись отлично. До этого времени виноградъ лишъ украшалъ своей вьющейся зеленью фронтоны деревенскихъ домовъ, теперь же изъ него стали выдёльнать очень недурное красное вино, быстро вавоевавшее себѣ заслуженную извъссность по всей странѣ.

Японское садоводство представляеть собой искусство, которое съ давнихъ поръ привлекаеть себъ подражателей во всёхъ концахъ свъта. Особенность его состоить въ той оригинальности, которая встръчается какъ въ садахъ скромныхъ домиковъ, такъ и въ чудныхь наркахь роскошныхь императорскихь дворцовь. Пруды, искусственныя скалы, обрывы, ручьи, маленькіе затриливые мостики и малоросныя деревья, искусно постриженныя въ видѣ птицъ, рыбъ, звърсй, настолько хорошо извъстны, что не нуждаются здъсь въ болве подробномъ описаніи. Янонскіе цвіты, вопреки существующему почему-то мивнію, помимо своей красоты, обладають чуднымь запахомъ. Стоитъ только вспомнить дивныя розы, орхидеи, магноліи, фіалки, лиліи. Тъжь не менье, однако, царицей японскихъ цвътовъ следуеть признать дветокъ, совершенно лишенный всякаго запаха, а именно родную сестру нашей астры -- хризантему. Популярность ея настолько велика въ Японіи, что она была избрана для государственнаго герба, знаменуя собой въ то же время эмблему солнца. Искусство м'ястнаго садоводства направлено, главнымъ образомъ, на культивировку этого скромнаго цв'ятка, и достигаемые результаты поравительны. Трудолюбивымь садоводомь удается получить на одномъ кусть до ивскольких десяткова совершенно различных цвытовъ хризантемы. Во время праздинка, посвященнаго ей исключительно, можно увидьть цалые живые цвъточные ковры; цвъты такъ искусно посвяны, что своими сочетаніями образують художественныя картины. Глазамъ зрителя представляются то бытовыя сцены, то цейзажъ, то бой японених гладіаторовъ—видник напряженные мускулы дица и рукъ, капли крови, вызывающія позы... Врядь ди европейскимъ садоводамь удавалось когда-либо достигнуть такой художественной красоты своихъ клумбъ, какую можно часто наблюдать у ихъ собратьевъ въ отдаленной Японіи. Одну изъ достопримъчательностей японской столицы составляеть Дангоцакская выставка цвътовъ хризантемь, куда выдающіеся садоводы ежегодно доставляють свои лучшіе кусты этого излюбденнаго растенія, причемъ посылаемые кусты такъ культивированы, что каждый представляетъ собой ка-кое-либо событе. Такъ, одинъ годъ глазамъ посътителей представлялись цёлыя сцены изъ китайской войны.

Переходя отъ описанія садоводства къ огородинчеству, необходимо сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Японіи народонаселеніе иногда по необходимости всдеть вегетаріанскій образъ жизни. Пропеходить это оттого, что многія селенія, лежащія внутри страны,

расположены слишкомъ далеко отъ береговъ моря, чтобы жители ихъ имън возможность покупать по дешевой цвив рыбу, имъ доставляемую, а мясная пища для нихь также является слишкомь лорогой. Въ такихъ мъстахъ большая часть населенія питается рисомъ или просомъ вмъстъ съ «данконъ»—гигантской бълой ръпой, произведеніемъ м'єстной почвы, а также различными овещами. Теплый климать Японіи способствуєть произрастанію многихь събдобныхь овощей и злаковь, для насъ совершенно неизвъстныхъ. Напримъръ. на югь острова Кіу-Сіу обильно растеть ясись (Satsumo-imô), находящійся, какъ показываеть само названіе, въ большомъ употребденія въ провинціи Сатцума. Другое съёдобное произведеніе тропиковъ-это баддижавъ или демьянка, ярко пурпурный грушевидный илодъ, который въ вареномъ видь даетъ вкусное прибавдение къ другимъ овощамъ. Томаты (цомидоры) и свекла растутъ въ тепломъ климать юга съ быстротой сорной травы; дыни, огурцы и тыквы попадаются вездё въ изобилы. Огороды Іокагамы, Кобэ и Нагасаки спеціально устранваются такимъ образомъ, чтобы удовлетворять требованіямь пнострандевь, и на нихь можно найти тв овощи, которые мы привыкли встръчать за объденнымъ столомь Европы и Америки. Многіе изъ нихъ съ незапамятныхъ временъ росли въ Японіи, какъ, напримъръ, бобы, горохъ, брюква, морковъ, шинатъ, калуста, лукъ, салать, ръпа и ръдька; другіе же были привезены сюда, какъ, напримъръ, картофель, о которомъ 25 лътъ тому назадъ здъсь никто и не слыхиваль. Первоначально было привезено, какъ ръдкость, нъсколько картофелинскъ изъ Батавіи, и съ той поры культивировка его стала быстро развиваться.

Хоропіая знакомая нашихъ огородовъ—рвиа—въ данное время ничьмъ не отличается отъ своей европейской родственницы, но, какъ разсказывають преданія (которымъ, впрочемъ, не всегда можно върпть), она достигаетъ громадныхъ размѣровъ, отъ 18 до 30 дюймовъ въ длину. Вообще евощи Японіи обладаютъ большимъ разнообразіемъ и замѣчательны по своимъ хорошимъ качествамъ. Помимо описанныхъ растеній, идущихъ къ столу японцевъ, стѣдуетъ упоминуть еще объ особомъ сортѣ папортника, молодые ростки котораго варятся и солятся. Точно такъ же употребляются въ пищу многія разновидности грпбовъ.

Выше было указано, что въ нъсоторых превинціяхъ рисъ составляеть почти единственную пишу населеній. Являясь всоъдствіе этого главнымъ продуктомъ жатвъ Явоній, рисъ неприкосновенно удерживаеть за собой положеніе важнъйщаго изъ злаковъ этой страны: въ его разведеніи заинтересовано болье 5 милліоновъ народонасепо дальнему Востоку. ленія. Вогатъйшія влантаціи его встрічаются въ провинціямъ Токайдо и Саніодо (на Ниппонів), хотя вообще трудно сказать утвердительно, какая изъ провинцій превосходить другія въ производствів зерна, столь необходимаго для страны. Считая Японію за страну, удовлетворяющую свои потребности въ хлібої, необходимо помнить, что посліднее во многомъ зависить отъ рисоваго урожая, который ежегодно доставляеть отъ 5 до 10 четвериковъ на человіка, принимая во вниманіе все народонаселеніе. Въ неурожайные годы на помощь населенію пдуть, насколько возможно, государственные амбары.

Хотя рисъ и составдяеть главный продукть потребленія ⁸/₆ населенія имперіи микадо, тёмъ не менѣе, кромѣ него, здѣсь въ значительныхъ количествахъ сѣятся для домашняго употребленія пиценица и ячмень, причемъ ячменный хлѣбъ, главнымъ образомъ, печется на крайнемъ сѣверѣ страны. Просо часто замѣияетъ собой рисъ, особенно въ прежнія времена у крестьянъ, для которыхъ первый, благодаря высокимъ на него налогамъ, былъ недоступенъ, несмотря даже на то, что они сами его обрабатывали.

Среди другихъ злаковъ, обрабатывающихся въ Японіи, слѣдуетъ упомянуть о маисѣ, который часто встрѣчается въ южныхъ провищихъ, затѣмъ объ овсѣ и горохѣ, которые сѣются для корма скота. Равнымъ образомъ, нельзя обойти молчанісмъ коноплю и хлопокъ, растущіе въ большихъ количествахъ, благодаря чему землевладѣльцы во многихъ мѣстахъ имѣютъ возможность запасаться матеріаломъ для своей одежды, которую имъ приготовляютъ домашніе ткачи и портные.

Д. Сербскій.

Сельскій видъ въ Японіи.

Первое, что васъ здёсь норажаетъ, — это культура земли. Довольно долго мы пробирались по узенькимъ и люднымъ, но чистенькимъ, мощенымъ и тщательно политымъ водою улицамъ города съ его миніатюрными домиками; затёмъ, дома становятся все рёже, и, наконецъ, мы на дороге въ Моги. Между горами тянется глубокая и длиная лощина; дорога, все поднимаясъ, идетъ по полугоре, а

внизъ и вверхъ отъ нея, куда ни взглянешь, террасами идуть безчисленныя грядки рисовых полей: и какт заботливо онт возделаны, какъ тщательно онъ засъяны, политы. Здось, видимо, сдъляно все, чтобъ но процалъ ни единый кусочекъ земли; казалось бы, камни должны только мешать; здесь они ношли на то, чтобы каждую грядку облидевать снаружи каменною стенкой; безъ этого вышедежащая грядка сползла бы или обсыпалась на нижнюю. Казалось бы, что горные ручьи, гдв горы настолько высоки, должны бы разрупать и размывать: здъсь они не только покорены и направлены на неля, но изъ не хватаетъ, —приходится имъ помогать, и вотъ какъ это дълается: представьте, что кусочекъ ноля лежитъ немного выше, чёмъ ручеекъ можетъ послать сму воды изъ своего уровня: тогда устраивается маленькая запруда, изъ которой вода съ извъстной силой падаетъ внизъ, и вотъ въ этомъ-то мъсть ставять колесо, въ родъ мельничнаго, но меньше, а на немъ стоитъ человъкъ, опершись руками на 2 бамбуковыхъ шеста, и ходить по колесу, безконечно взбираясь кверху; расчеть здъсь, очевидно, въ томъ, что онъ своею тяжестью работаеть противь паденія воды, побіждаеть это паденіе. и колесо своими крыльями толкаеть воду въ желоба, пока это нужно. Вотъ какъ здёсь работаютъ и какъ умёютъ работать! Дорога и мосты въ образцовомъ порядкъ; придорожные домики-уютные, чистенькіе. непремвино съ хорошенькимъ садикомъ; маленькія деревца - причудливо изогнутыя и подстриженныя; множество цветовь, красивыхъ и приихъ. Встрвчаеть вьючныхъ быковъ и пошадей: всф они выходены, съ длинной гривой, длинной чолкой, убраны лентами, на шев колокольчики, а на ногахъ башмаки. Въ самомъ двле, у лошадей и у быковъ здёсь башмаки, аккуратно сделанные изъ прочной рисовой соломы, прилаженные къ копыту, подвязанные точно сандалін; такъ сохраняють животнымь коныта на каменистыхъ здёнинхъ дорогахъ (здёсь очень мало скота, ибо мало мёста для пастбищь; лошадей держать только подъ вьюки).

И саман природа здѣсь предестна. Ландшафты одинь другого живописнѣе. Обернешься назадъ на перевалъ дороги—внизу Нагасаки, спиѣетъ заливъ, на немъ суда и мачты, и паруса, а дальюе горы, лѣса и зелень. За переваломъ дорога постепенно понижается, она также идетъ лощиной; ввизу течетъ руческъ и принимаетъ въ себи десятки другихъ справа и слѣва изъ всѣхъ пощинокъ; въ долинѣ внизу повсюду поля риса, повсюду проложены трубы и желоба изъбамбука, а по сторонамъ возвышаются горы, сплошь заросщія пышною зеленью; то вся гора поросла мелкимъ кустарникомъ, то стоятъ цѣлыя рощи бамбука съ его золотыми стеблими и свѣтлою яркою зеленью;

то среди этой ижжной зелени бамбука, среди его перистыхъ и легидуъ листьевъ, вдругь выдвинется изъ лощины цёлая группа сосень съ пуъ темными вершинами; но здёсь не только рись, бамбукъ и сосна: разнообразіе древесныхъ породъ здісь удивительное; въ благопатномъ зибшнемъ климатъ, гдъ зимою 5° тепла и ръдбо-ръдко по ночамъ бывають ничтожные заморозки, -- здёсь все растеть, все развивается: здёсь нёть только пальмъ, или, дучше сказать, онё есть, но только онъ требують ухода и не ведики. Разнообразіе формь и оттънковъ зелени здёсь чрезвычайное, и самый прихотливый взглядь найдеть здівсь достаточно эффектовь, но, кромік того, здітсь чувствуещь себя гораздо уютнъе, чъмъ въ Кенди и Сингацуръ, напримъръ; общій тонъ обстановки здёсь какъ-то мягче, сдержаннёе; нётъ рёзкаго, кричащаго, подчеркнутаго, а кром'в того, среди деревь и овощей здёсь все же много овоего, знакомаго, родного: здёсь видишь грядку огурцовь, бобы, картофель, кукурузу, даже тыкву — нашь украинскій «гарбузъ«-и поневолъ встръчаень съ радостью этихъ старыхъ мидыхъ сердцу знакомыхъ.

А. Т. Снарскій.

Деревенская жизнь Японіи.

До сихъ поръ еще Японія—страна крестьянства и мелкой кустарной промышленности.

Погруженный въ заботы о своихъ разнообразныхъ растеніяхъ, японскій земледълець круглый годь, какъ жукъ, копается въ землъ своего небольшого участка. У него нѣтъ, какъ у русскаго, тѣхъ длиниыхъ періодовъ относительнаго отдыха, нѣтъ и страдной поры жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ нашего крестьянства. На его поляхъ есть всегда дѣло, и если онъ имѣетъ короткія передышки, то это скорѣе среди лѣта, когда всѣ растительныя силы имѣнія пущены въ ходъ и когда сама природа работаетъ за земледѣльца. Обстановка и бытъ здѣшияго крестьянина опредѣляются его земледѣльческими занятіями. За исключеніемъ 2—3 городовъ, надъ которыми только въ послѣднее десятилѣтіе стали воздыматься трубы устранваемыхъ по американскому типу фабрикъ, остальные города Японіи—большія деревни, и описаніе хорошаго деревенскаго дома не будетъ ничѣмъ отличаться

Деревия близъ моря.

оть описанія дома городского; столицу Японій теперь съ гораздо большимъ правомъ, чёмъ нёкогда Москву, можно назвать больщою деревней. Съ другой стороны, несмотря на то, что почти всё постройки въ Японій деревянныя, деревни японскія въ гораздо большей степени, чёмъ наши, напомінаютъ города. Малое комичество содержимаго крестьянствомъ скота, въ связи съ прирожденною чистоплотностью японскаго народа, являются причиной, что деревни ихъ производятъ впечатлёніе самыхъ чистыхъ дачныхъ мёстъ Европы.

Здёсь нёть и помину о невылазной грязи, смёшанной съ соломой и пометомъ конюшень, составляющей необходимую принадлежность русской степной деревни. Здёсь не видно обыкновенно ни
хлёвовъ, ни бёгающихъ по улицамъ животныхъ. Лишенные садиковъ
въ нашемъ смысле слова, снабженные балкончиками дома выходятъ,
выстроившись въ рядъ, на узкую, безукоризненно чистую, прекрасно
шоссированную или выложенную плитами улицу, составляющую продолженіе такого же ровнаго и гладкаго, безукоризненно чистаго, но
узенькаго, точно для велосипедистовъ назначеннаго, иногда усаженнаго эффектными старыми деревьями—соснами и криптомеріями—
шоссе. Шоссе эти, равно какъ и улицы деревень, не предназначены
для ёзды на животныхъ, роль которыхъ исполнять и исполняетъ
человёкъ.

Дома японскихъ деревень деревянные. Тамъ и сямъ среди нихъ возвышается каменная постройка съ окнами, закрытыми ставнями, по устройству напоминающими дверцы нашихъ несгораемыхъ шкаповъ. Это—несгораемые склады, гдъ населеніе хранитъ свое драгоцънное имущество на случай пожаровъ, отъ которыхъ Японія страдаеть не менъе, если еще даже не болъе, чъмъ наше великороссійское крестьянство, какъ извъстно, теперь также старающееся строитъ несгораемые склады.

Постройка японская большею частью двухъэтажная; рёже у болёе бёднаго крестьянскаго населенія одноэтажная. Она не им'веть ни фундамента, ни стінь. Это остовь дома, бесідка съ задвижными бумажными стінами, но не домь въ нашемь смыслів слова.

Бъдное населеніе имъетъ соломенныя крыпи съ крутыми скатами своеобразной формы. Но обыкновенно крыпа, какъ и въ Китаъ, дълается изъ изящной бълой и сърой фарфоровой череницы. На гребнъ крыши, если она соломенная, для украшенія, а на съверъ, новидимому, и съ болье практическою цълью, садятся растенія, обыкновенно присы или золотистыя лилін, что придаетъ жилищамъ очень оригинальный видъ. Крыша далеко выдается надъ домомъ, предохраняя отъ дождя небольшую верандочку, которой обнесенъ домъ. Короткія сван подпирають поль, не дозволяя ему прикасаться къ земяв. Чтобы войти въ домъ, надо подвяться на одну или двъ ступеньки, у которыхъ обыкновенно и оставляють обувь. Небольшая, подпираемая колоннами, иногда менбе фута шириною, веранда отдъдяеть отъ края нола раздвижныя ствны дома, состоящія изъбольшихъ ръшетчатыхъ рамъ, затянутыхъ полупрозрачною навощеною бумагой. Эти рамы вставлены въ цазы, по которыдъ онб могутъ двигалься, какъ задвижныя ставии, и образують стбику телько на ночь, когда ими задвигаются отъ воровъ или отъ нескромнихъ взглядовъ прохожихъ: на ночь ихъ задвигаютъ еще двумя рядами идотныхъ ставень. Настоящую досчатую ствиу японскій домь имбеть сь одной или много съ двухъ сторонъ, и въ дучинхъ случаяхъ-больния зданія бывають перегорожены на 2 или 4 части внутрешними ствиками. Обыкновенно въ потолкъ и полу имъются назы, въ которыхъ двигаются такія же бумажныя или картонныя рамы, позволяющія перегородить внутреннее жилище на 2-4 или болве комнать. Онв всегда прямоугольны и около 2 метровъ длины и 3 ширины. Полы такихъ комнать устланы циновками, вкладывающимися на подобе подушекъ дивановъ нашихъ конно-желъзныхъ дорогъ. Эти циновки и служатъ ддя сидбнія, такъ какъ мебеди въ японскихъ домахъ нётъ; въ дучшемъ сдучав ее замвияють идоскія, какъ блины, подушки.

Потому-то ивть большаго неприличія, какь войти вь японскій домь вь обуви, это все равно, что у нась залівть сь сапогами на дивань. Діти ходять вь чулкахь или босикомь, наблюдая, чтобы ноги были въ чистоті; взрослые оставляють свою обувь при входії у порога, которымь поднимается надь землею поль комнаты япжняго этажа. Благодаря такимь свойствамь стінь, вь японскомь домії ність подраздівленія комнать, какь у нась, на спальни, гостиныя ит. п., или, візрніве сказать, вставивь перегородки, такія комнаты можно создать или уничтожить въ нісколько мінуть.

Въ каждомъ домѣ можно однако рѣзко отличить внутренніе, выхорящіе въ садъ, аппартаменты съ верандою, играющіе роль парадной комнаты, въ городахъ—лавки, въ деревняхъ—мѣстопребываніе семьи. Въ нихъ ведуть небольшія сѣни. Часть этой передней половины дома отгораживается подъ кухню. Эта кухня японскаго дома не похожа на нашу. Зтѣсь нѣтъ плитъ,—эта кухня песть яниць усовершенствованный домашній очагь полудикихъ жителей сѣвера—айновъ. Это большой квадратный ящикъ, наполненцый пескомъ и золой, въ которомъ разводять огонь и надъ которымъ въ потолкѣ виситъ крюкъ; на него вѣшаютъ котям, чайники и другіе сосуды для варки кушаній или ставять ихъ на треножники надъ огнемъ.

Потому не всякій японскій домъ имѣетъ трубу для выхода дыма, и это иослёднее обстоятельство, особенно зимою, присоединяясь къ колоду, сырости и неудобству, происходящему отъ отсутствія мебели, дѣлаетъ въ это время года японское помѣщеніе далеко не пріятнымъ жилищемъ для европейца.

Остальныя комнаты не имфють печей. Зимою и осенью въ нихъ свирфиствуетъ холодный вфтеръ, и только небольшія жаровни, ставимыя въ комнатахъ, и ручныя горфлен, носимыя въ карманахъ, предохраняютъ конечности отъ окоченфия. Эти японскія ручныя горфлен начинаютъ распространяться и у насъ. Это небольшія жестяныя коробочки, содержащія тафющіє кусочки дерева, безъ дыма, очень медленно, но разливая пріятную согрфвающую руки теплоту. Онф въ зимнее время съ усифхомъ замфияютъ наши рукавицы. Стфны комнать часто украшаются какемоно.

Какемоно—это длинная узкая полоса бумаги пли матеріи; въшаемая на стъну; на бумагъ нарисована картина или написано изреченіе китайскаго философа или стихъ японскаго поэта. Послъдніе
отличаются лаконизмомъ. Эти стихи не похожи на стихи нашихъ
поэтовъ, пускающихся въ подробности описанія чувства или приреды. Въ противоноложность живописи поэзія японцевъ старается
дать только сюжетъ, который развить или выполнить предоставляется
читателю. «Луна, темное голубое небо, стая журавлей, тянущихся
къ югу»—вотъ примъръ стиха такого поэта. Читателю дается тема
поэтической осенней ночи, детали которой воспроизводитъ онъ самъ
въ своемъ воображеніи. Артистически написанные іероглифами стихи
какемоно не менъе, чъмъ хорошая картина, могутъ служить для
украшенія комнать.

Такой типъ безъ различія имѣютъ всѣ дома. Только величина и тонкость отдѣлки отличаютъ жилище богатаго отъ дома бѣднаго, городское отъ сельскаго. Обыкновенно дома разсчитаны на семейство 4—5 персонъ и стоимость дома не превосходитъ здѣсь 75—500 р.

Японскія комнаты не отличаются ни удобствомъ, ни комфортомъ, въ нихъ нѣтъ мебели; здѣсь «не дѣлаютъ въ своихъ комнатахъ улицъ», кавъ зовутъ японцы европейское убранство домовъ. Единственное содержимое компатъ—низенькій ящичекъ—миніатюра домашияго очага, въ которомъ тяѣетъ уголь для раскуриванія табаку, и пепельница — отрѣзокъ нетолстаго бамбуковаго стебля, въ одной изъ стѣнъ устраивается ниша, въ которую ставятъ вазы съ букстами, а за ними стѣна обыкновенно украшена какемоно. Въ другой половинѣ стѣны - ящичекъ, въ которомъ хранятся постельныя принадлежности. Эти послѣдиіп вытаскиваются лишь на ночь и состоятъ

изъ небольшого свертывающагося матраца, ночного халата и деревянной подушки. Большой фонарь и божница, стоящая въ углу, дополняють убранство комнаты. Верхній этажъ расположень подобнымъ же образомъ, по опъ ниже.

Женщина обыкновенно присутствуеть за столомъ, не принимая участія въ трапезъ. Она кладетъ кушанья на блюда, съ которыхъ ъстъ гость; а украшать изящно подаваемыя блюда— пълая сложная наука, дълающая изъ накрытаго стола японской трапезы изящное для глазъ зрѣлище. Проф. Феска говоритъ, что столъ японскаго крестьянина даже и не всегда состоитъ изъ риса. Обыкновенно, это—смъсъ изъ одной части риса и 2 частей разваренныхъ пшеничныхъ, ячменныхъ и просяпыхъ зеренъ. По во всякомъ случат или рисъ, или эта смъсъ составляєтъ собственно пищу,— все остальное есть собственно приправа или закуска:

Надо ян говорить, что для вды, какъ и въ Китав, служатъ палочки?

А. Красновъ.

Кладбища и храмы.

Японія, со своими вѣчно зеленѣющими полями, напоминаетъ каждую минуту неувядаемую, роскошную юность; здѣсь не видно ни ржавчины, ни развалинъ, им плѣсени, ни мертвенности, все выглядить какъ-то особенно молодо; отоясюду вѣсть ободряющею свѣжестью жизни. Даже кладбища, эти города мертвыхъ, тонутъ, во всякое время года, въ цвѣтахъ и прелестной, пышной зелени. Восхитительно живописное мѣстоположеніе дѣлаетъ эти печальныя виѣстилища уже отжившихъ поколѣній настолько привлекательными, что живущее молодое поколѣніе причисляеть ихъ къ дучшимъ, любимѣйшимъ мѣстамъ прогулокъ. Даже старики посѣщають съ удовольствіемъ эти восхитительные некрополи и съ тихой улыбкой побуются своими семейными гробницами, осѣненными пышною зеленью, и высматриваютъ среди нихъ уютное мѣстечко для приближающагося вѣчнаго отдохновенія отъ житейскихъ тревогъ и треволненій.

Каждое семейство имъетъ въ городъ мертвыхъ опредъленный участокъ, окруженный, смотря по средствамъ, болъе или менъе изящ-

ною оградою. Люди менфе зажиточные ограждають свои семейныя гробницы испроницаемой чащей выощихся, вфино зеленфющихъ, растеній. Природа дфительно помогаеть имъ въ ихъ скромныхъ желаніяхъ и, нужно прибавить, помогаеть съ полнымъ совершенствомъ: эти живыя вфино-юныя ограды несравненно предестнфе самыхъ дорогихъ, изящныхъ оградъ, сдбланныхъ человфческими руками. Каждый прахъ имфеть на этомъ полф всеобщаго отдохновенія свой надтробный камень, вытфеанный въ видф небольшого (не болфе полутора фута высоты) паралеллопипеда съ полукруглой или пирамидальной вершиной. Вфиовыя деревья съ роскошной листвой склоняются надъ этими простыми памятниками и вифстф съ ними, кажется, внимательно и строго смотрять из шумъ и суету жилища живыхъ, напоминающаго растревоженный муравейникъ.

На ряду съ кладбищами заслуживаютъ особенное вниманіе японскіе храмы; окруженные священными, въковыми рощами, они поражають взорь своею грандіозностью, смущають сердце какою-то таинственною торжественностью. Вы подымаетесь къ нимъ по гитаетскимъ, неръдко въ триста ступеней, каменнымъ въстницамъ, вытъсаннымъ въ песчаниковой горъ; съ объихъ сторовъ громоздятся потрескавшілся, почернъвшія отъ солица и воздуха стъны, силошь покрытыя пышнымъ ковромъ ползучихъ растеній. Выше, надъ головой, шумять своими мохнатыми вершинами величественные пихты, сосны, кедры и дубы. Щедрая природа создала здъсь дивныя, фантастическія группы роскошной зелени, среди которой ръзко выдълются гигантскія многовъковыя деревья, въ нъсколько саженъ въ обхватъ; древніе, мшистые стволы ихъ почти совершенно обросли, словно бородой, цъпкими ползучими растеніями, усѣянными, точно бисеромъ, разноцвѣтными мелкими цвѣточниками...

Съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ открываются персдъ нашими глазами все новыя и новыя величественныя картины природы, одна восхитительные другой. Еще нысколько фантастическихъ поворотовъ, и передъ нами появляется роскошная священная аллея, украшенная цылымъ рядомъ каменныхъ воротъ или тори *), постепенно уменьшающихся размыровъ, что придаетъ перспективъ пеобыкновенный эффектъ и красоту. Въ священной аллет все преисполнено глубокой таинственности; мертвая, подавляющая тишина невольно возбуждаетъ въ сердцы чувство страннаго, непонятнаго опасенія;

[&]quot;) Тори дізаются изъ двухъ каменныхъ стодбовь, немного наклоненныхъ одинъ къ другому и связанныхъ піскольками горизонтальными, каменными же, перекладинами, причемъ верхиня перекладина дізаєтся нізсколько толще и обіт ся оконсчиости слегка загнуты кверху.

вокругъ---ни одного живого существа, точно все замерло въ этомъ священномъ мъстъ сношеній человъка съ божественнымъ Буддой...

Священная аллея обсажена обыкновенно самыми древними, дуилистыми деревьями, возбуждающими въ японцахъ чувство тлубокаго, безграничнаго уваженія. Япощы увърсны, что старыя деревья имъютъ, подобно людямъ, душу, которая дается имъ высшимъ божествомъ за ихъ многовъковую старость...

Но воть и храмъ, совершенно скрывшійся въ пышной зелени гигантскихъ деревьевъ; сквозь роскопную листву едва бълъется широкая, мраморная лъстница, ведущая къ алтарю Будды... Входите во храмъ смъло, васъ никто не остановитъ: массивныя двери его открыты настень, точно приглашаютъ войти. Осматривайте все въ мельчайшихъ подробностяхъ—никто не потревожитъ вашу любознательность. Одно условіе: соблюдайте возможную тишину, ведите себя прилично, сдержанно и съ должнымъ благоговъніемъ. Надо помнить. что японцы слишкомъ религіозны, чтобы допустить въ своемъ храмѣ какой-либо безнорядокъ; оки требуютъ къ своему божеству отъ постороннихъ посѣтителей того же почтенія и уваженія, какое питаютъ къ нему сами.

Въ капища, въ которыхъ возседаютъ божественныя изображенія, вамъ не поцасть: они закрыты решетчатыми воротами. Вамъ позводяютъ только издали любоваться гигантекими, каменными, вызолоченными богами. Вообще, будцизмъ въ Японіи имфетъ прочную, религіозную подкладку, между тёмъ какъ въ Кнтаб къ нему относятся слишкомъ небрежно, аппатично и формально. Прежде чёмъ войти въ святилище, каждый японецъ обязанъ вымыть лицо и руки освященной водой, наполияющей каменный резервуаръ, помѣщающійся передъ входомъ въ храмъ. Обувь оставляется передъ пёстницей, и богомольцы всходять на нее въ однихъ носкахъ, преклоняясь на каждой ступени. Съ набожностью распростираются они ницъ передъ божественными изображеніями, тихо бормочатъ молитвы и просятъ боговъ о покровительствъ и заступничествъ. Помолившисъ, богомольцы бросаютъ на алтаръ, сквозъ решетку, разныя приношенія; свъжую зелень, мелкія монеты, рисъ и т. п...

Японцы чрезвычайно религіозны. Каждое японское семейство непремізньо имбеть свой домашній, миніатюрный алтарь, поміщающійся обыкновенно въ самомь отдаленномь углу дома. Здёсь совершается домашнее богослуженіе, безъ всякаго вмішательства духовника. Въ глубокомъ уединеніи, вдали отъ уличнаго и домашняго шума, усердно взываеть къ богамъ отець или мать семейства и просить божественнаго покровительства своему семейному очагу.

Вольшинство японцевь не любить шумныхь, общественныхь богослуженій, при которыхь, по ихь справедливому мибнію, мысль отвлекается громомь барабановь и гонговь и сосредоточивается больше на порядьё богослуженія, чёмь на религіозныхь размышленіяхь. Вообще искреннее, религіозное чувство японцевь заслуживаеть полнаго уваженія. Народь, сознающій всю прелесть уединенной молитвы, должень им'єть доброс, мягкое сердце, чистую и спокойную сов'єсть. Наедин'є со своими богами, японцы искренн'єе пров'єряють свои д'єла и поступки, чаще оглядываются на прошлое, св'єть смотрять въ даль будущаго...

А. Я. Максимовъ.

Японцы.

Сегодня утромъ мы проснупись въ Гокогамъ. Большая бухта съ незапертымъ горами горизоптомъ. Горы тамъ, гдъ-то далеко, и выше ихъ всъхъ вумканъ Фузи-яма, рельефный и неподвижный въ своемъ бъломъ одъяніи на фонъ голубого неба.

Городъ весь въ долинъ, и передовыя зданія закрывають остальныя. Уже толиятся лодки, катера вокругъ нашего парохода. Мы переъзжаємъ на эти три дня въ городъ.

Такъ какъ въ Іокогамѣ таможня, то, приставъ къ берегу, ведутъ и насъ и несутъ наши чемоданы въ красивое острокопечное зданіе таможни.

Очень въждиво, конфузясь, маленькій ростомъ японецъ, въ европейскомъ платьѣ, задаетъ намъ нѣсколько вопросовъ п. не осматривая чемодановъ, пропускаетъ насъ. Довольны мы, довольны наши дженерикши, доволенъ п самъ японецъ-чиновникъ.

Мы вдемъ по краснвой набережной встрвчая много экипажей въ такихъ же, какъ въ Шанхав, запряжкахъ, только, вмъсто китайцевъ, кучера здвсь японцы. А вотъ и наша гостиница—свътлосврое двухъ-этажное легкое здаціс, съ зелеными жалюзи.

Японская прислуга дёловито, привётливо и быстро береть наши вещи, на ходу сообщаеть цёны номеровь, и воть мы во второмь этажё, въ красивой комфортабельной комнать съ каминомь, по два доллара въ сутки. По новому стилю, декабрь самое бурное время въ Тихомъ океанъ, но пока въ большой Іокогамской бухтъ, защищенной къ тому же в брекваторомъ, тихо и спокойно. Нашъ громадный нароходъ неподвижно выситъ въ небо свои мачты и трубы. Также неподвижно стоитъ множество другихъ пароходовъ, наполняющихъ бухту. Тутъ англійскіе, американскіе пароходы, а больше японскіе—военные в торговые. Нарушаютъ покой бухты только лодки, да катера, безпрерывно снующіе отъ пароходовъ къ пристани.

Ясное утро отражается въ голубой глади залива, отражается въ ней городъ, горы, все еще зеленыя, несмотря на декабрь; только тамъ, дальше, на самомъ горизонтъ, въ опаловомъ туманъ нъжно вырисовывается гигантскій устченный конусъ вулкана, весь поврытый молочнымъ снёгомъ.

Выстро промчались три дня, проведенныхъ въ Іокагамѣ и Токіо, и оцять симу на палубѣ, разбираясь въ сложныхъ впечатлѣніяхъ.

Я видѣяъ Японію, страну хризантемъ, страну черепаховыхъ издѣяій, статуэтокъ изъ слоновой кости, вазъ клуазоне, цвѣтныхъ фотографій, страну игрушечныхъ деревянныхъ домиковъ.

Я бадиль по ихъ желбаной дорогь, такой же игрушечной (уакоколейной, дешевой), съ которой, однако, они дълають прекрасныя дъла.

Изъ окна вагона я видѣль ихъ поля съ игрушечными участками, съ поразительной обработкой этихъ участковъ. Ни одной четверги земли, за исключеніемъ откосовъ скалъ, не осталось невоздѣланной. И на всемъ протяженіи, куда ни кинешь взглядъ, вездѣ изъ-за густой зелени апельсиновыхъ и лимонныхъ дерсвьевъ, изъ-за пальмъ кокстливо выглядываютъ маленькіе двухъэтажные, съ крышами причудливой китайской архитектуры, демики. Хотя вблизи иллюзія пропадаетъ: вслѣдствіе постоянныхъ землетрясеній, домики выстроены очень легко, чутъ не изъ анельсиновыхъ ящиковъ, но издали это красиво.

И надо отдать справедливость японцамь, они не хуже французовъ умбють бить на эффектъ. Посмотрите на ихъ раскращенныя фотографіи, которыя сиимають они въ моменть цевтенія персиковаго дерева,—самый воздухъ кажется розовымъ. Или всё эти краспвыя, эффектныя бездълушки: разные въера, черепаховыя и слоновыя вещи, шелковым матеріп и шитье по шелку. Электрическое освъщеніе, прекрасно шоссированныя дороги, прекрасный коммерческій и военный порть, множество фабричныхъ трубъ, торчащихъ на горизонть.

Въ сравнении съ безнадежно замотаннымъ опекой своего правительства, всей старины корейцемъ; въ сравнении съ хотя и жизне-

способнымъ, но пока въ такихъ же тискахъ, китайцемъ, японецъвырвавшаяся на свободу сила, поражающая васъ своею стремительностью, энергіей, размахомъ.

Но въ то же время въ немъ что-то, если не отталкивающее, то во испкомъ случат съ тъмъ надо свыкнуться, сжиться. Худая, изможденная, темно-желтая фигурка, открытый ротъ, торчащіе зубы, кожа лица, какъ будто ее стягивають на затылокъ, отчего выше поднимаются утлы глазъ и сильнте торчать скулы плоскаго лица, — все вмъстъ дъдающее это лицо поразительно похожимъ на велико-лъпный экземиляръ орангутанга, который я видълъ въ зоологическомъ саду въ Токіо: такой же маленькій лобъ, весь въ складкахъ, и движущаяся, изъ жесткихъ густыхъ волосъ, растительность на головъ.

Въ сравнени съ иконописной смутлой фигурой корейца, въ сравнени съ богатыми и разнообразными красивыми типами китайцевъ, японецъ жалкій поскребокъ, выродокъ по тълу между своими братьями, что-то въ то же время холодное, если не злобное, въ этомъ некрасивомъ лицъ, что-то тамиственное и даже страшное. Хочешь въритъ, когда говорятъ:

— Войтесь японца, не в'врьте его низкимъ поклонамъ, улыбкъ, сюсюканью съ захватываньемъ воздуха, съ потираніемъ рукъ; такъ же улыбаясь, онъ всадить вамъ кинжалъ и будетъ сюсюкать и улыбаться.

И невольно я вспоминаю опять всё другіе неблагопріятные отзывы объ японцахъ: японецъ скрытенъ, холоденъ, фальшивъ, разсчетливъ.

И такъ трудно мнѣ, мелькомъ видѣвшему эту страну, провѣрить эти «говорятъ».

Вотъ толца, въ своемъ одбяніи, дъйствительно, странная толца, торопливая, судорожная. Лицо какого-нибудь старика холодное, въ складкахъ, съ непріятнымъ выраженіемъ, хорошо запечатлъвается, но продолжайте всматриваться—и рядомъ съ такимъ лицомъ вы увидите удовлетворенное спокойное лицо рабочаго человъка.

Этоть дженерикша, который такь усердно везъменя и теперь вытираеть поть съ своего лица, — иять, черезъ силу десять лёть, и самый сильный изълюдей этого ремесла умираеть отъ чахотки, — вълицѣ этого человѣка нѣть злобы, кусочками своей жизни онъ заплатиль за сегодняшній свой тяжелый кусокъ хлѣба, и лицо его дышить спокойствіемъ и благородствомъ сознательно обреченнаго.

Воть изъ тедеграфиаго окошечка смотрить на васъ маленькая козявка — япоискій чиновникь, и педантично считаєть слова моей

телеграммы, внимательно нѣсколько разъ перечитываетъ каждое слово, исправляетъ, записываетъ вашъ адресъ на случай телеграммъ, и здѣшній, и тотъ, куда вы ѣдете. Я благодарю его, говорю, что въ этомъ нѣтъ надобности, онъ настаиваетъ, говоритъ: на вслкій случай. И, благодаря только этому, я усиѣваю получить одну запоздавшую, но очень важную для меня телеграмму. Дюбезность, за которую я даже не усиѣлъ поблагодарить разсыльнаго, такъ какъ телеграмму получилъ уже на нароходѣ.

Я вспоминаю любезную администрацію зоологическаго сада, куда попали мы въ неурочное время, и достаточно было заявить, что мы туристы, какъ одинъ изъ распорядителей сада самъ повель насъ. И при этомъ туристы—русскіе, туристы той націи, къ которой японцы не могутъ нитать добрыхъ чувствъ.

Воть еще факть. Въ книжномъ японскомъ магазивъ меня заинтересовали англійскія изданія на оригикальной японской бумагѣ съ прекрасными японскими рисунками. Я пожелаль узнать стоимость ихъ, гдѣ они издаются, можно ли издавать и русскія произведенія такимъ образомъ. Объясненія мнѣ давала одна изъ хризантемъ,—по внъшнему, по крайней мѣрѣ, облику своему. На прекрасномъ англійскомъ языкѣ эта маленькая козявка-хризантема въ своемъ національномъ костюмѣ и прическѣ, водя миніатюрнымъ пальчикомъ по кногѣ, давала мнѣ такіе толковые и обстоятельные отвѣты, какихъ въ русскомъ книжномъ магазинѣ я не получиль бы.

Дѣвушка въ книжной лавкъ говорить, и чъмъ больне я ее слушаю, чъмъ больше всматриваюсь въ нее, тъмъ сильнъе дѣйствуютъ на меня ея полная достоинства манера, ея увлечене возможностью задуманнаго мною изданія, именно въ Японіи: говоритъ въ ней только ея патріотическое чувство, и какъ всякое альтруистическое чувство, высшее во всякомъ случать, чъмъ личнос, оно еще болье облагораживаетъ дъвушку и далеко не даетъ впечатлѣнія хризантемы.

Я видёлъ молодыхъ японокъ и въ европейскомъ костюмъ, скромныхъ, интеллигентныхъ, въ обществъ такихъ же молодыхъ людей, такихъ же, какъ наши студенты, студентки.

Я быль, наконець, на заводахь и въ мастерскихъ желёзныхъ дорогь и уже, какъ спеціалисть, могь убёдиться въ поразительной настойчивости и самобытной тадантливости японскихъ техниковъ, мастеровыхъ. Какъ раціонально приспособились они ко всему своему желёзнодорожному дёлу, на какую коммерческую ногу поставлян его. Безъ обиды для всёхъ нашихъ техниковъ-инженеровъ, съ чистой совёстью скажу, что, въ сравненій съ японскими техниками,

мы плохо обученные техники и притомъ безъ всякой самобытной иницативы. И не техники даже, а до сихъ поръ еще все тѣ же трусливые и забитые ученики, которые все свое спасеніе видять въ томъ, чтобы ни на шагъ не отступать отъ всякаго хлама рутины, осложняющаго и удорожающаго простое коммерческое дѣло.

Въ этомъ частномъ делъ особенно виденъ и прогрессъ японцевъ, и геніальная нерутинность ихъ, и хотя я завидую имъ отъ всей души въ этомъ, но и признаю ихъ полное превосходство надъ нами, утъщаясь при этомъ тъмъ, что хотъ этимъ не хочу походить на тъхъ изъ нашихъ, съ противнымъ апломбомъ невъжества высокомърно третирующихъ тъхъ, до которыхъ имъ очень далеко.

Мы уже снимаемся съ якоря, лодки, катера и провожающіе уже тамь, внизу, мы, нассажиры, сбившись у борта, смотримъ туда, внизъ. Нашъ гигантъ, среди цѣлаго ряда такихъ же гигантовъ, медленно новорачивается и пробирается къ выходу.

Мы уже идемъ полнымъ ходомъ. Вси даль дазурнаго моря покрыта бёлыми нарусами; это лодки рыбаковъ. Голые, они довятъ свою рыбу, тамъ на берегу у каждаго изъ нихъ посёлна полоска рису, и всё несложныя потребности жизни удовлетворены этимъ. Всю жизнь будутъ они такъ работать, а когда они умрутъ, ихъ сожгутъ въ этой странъ папорамъ туманныхъ горъ, синяго безмятежнаго моря, дремлющихъ на немъ бёлыхъ парусовъ. Нёгой, грезой, лаской дыпитъ все здёсь и беретъ окончательно верхъ доброе чувство, и отъ всего сердца шлемъ этимъ людямъ труда, этимъ чуднымъ берегамъ свое нослёднее прости.

Н. Гаринъ.

Наружность японцевь и одежда.

Не думайте, читатель, что японсцъ хоть сколько-нибудь похожь на китайца, котораго не ръдкость встрётить въ Петербургѣ въ своемь національномъ костюмъ. Японцы ничего общаго съ этой націей не нижютъ — ни по языку, ни по типу лица, ни по костюму, ни по нравамъ и обычалмъ.

Въ общемъ лица ихъ въ сравненіи съ нашимъ красивымъ и благороднымъ тиномъ кавказскаго племени, конечно, очень некра-

сивы, но они все-таки не лишены ивкоторой пріятности, вы особенности благодаря своей подвижности, выразительности и умному взгляду.

Волосы у вебхъ японцевъ безъ неключенія чернаго цвъта и зачесываются въ очень замысловатую и оригинальную прическу. Съ оченъ недавняго времени они стали бросать эту прическу и носить волосы коротко остриженными, какъ европейцы, хотя во внутрениія провинціи эта цивилизація еще не провикла. Японки же почти веб продолжають чесаться по-прежнему. Прическа ихъ завимаеть чрезвычайно много времени, а потому онъ болье какъ два или гри раза въ недълю и не чешутся. Это чрезвычайно нечистоплотно, твить болье, что ради прически приходится мазать волосы густой и жирной помадой. Чтобы за ночь не смять головы, японцамъ пришлось изобръсти совершенно особенную оригинальную подушку: она дъластся изъ дерева и по формъ напоминаетъ стереоскопъ. Сверху эта подушка обивается чемъ-нибудь мягкимъ и во время сна подкладывается подъ шею. Голова, такимъ образомъ, остается на въсу, и драгоцънная прическа не портится. Я думаю, надо съ дътства привывать, чтобы спокойно спать на такой деревяшкѣ.

Костюмъ японцевъ не менте оригипаленъ и интересенъ, чтиъ прическа. Это просто халать, перевязанный поясомъ. Что можеть быть неуклюжбе такого наряда, а между тёмъ на японцахь онъ нисколько не режеть глазь; на женщинахь же даже кажется граціознымь. Халаты эти японцы называють кимоно или керимонь, смотря но нарвчію. Они дълаются изъ прямыхъ кусковъ матерін, которая ріжется поперекъ и совсімъ не выкранвается. Халатъ имізетъ только больше отвороты и чрезвычайно широкіе рукана, которые шьются слёдующимъ образомъ: беруть два аршина матеріи, складывають ее на-двое и сшивають, выходить такимъ образомъ аршинный рукавъ. Сверху этотъ рукавъ на четвертъ принивается къ илечу халата, такъ что подъ мышкой образуется проръха; снизу же рукавъ съ оббихъ сторонъ зашивають на половину, отчего нижняя его часть представляеть собою мёшокь и замёняеть японцамь кармань; вь немъ онп носять все, что нужно держать подъ рукой, и между прочимъ всегда хранятъ пучокъ тоненькихъ бумажекъ, употребляемыхь вивсто носовыхь платковь. Если нужно что-нибудь достать изъ такого кармана или положить что-нибудь, то японець убираеть руку въ рукавъ и затъмъ уже опускаеть ее на дно, гдъ лежитъ всякая всячина. Воротъ халата большею частію шьется изь другой матеріи и другого цвёта. Костюмъ женщины разнится отъ мужского По Дальнему Востоку.

только поясомы: у мужчинъ шедковый шнурокъ, а у нихъ широкая (въ полъ-гринина) и длинная разноцвътная лента; она завязывается сзади громаднымъ пушистымъ бантомъ. Такой женскій поясъ называется по-японски—оби. Матерія, изъ которой шьются халаты, только шелкъ или бумага. Въ Японіи шелковичный червь кормилецъ очепь многихъ; масса народа занимается разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и собираніемъ съ нихъ коконовъ. Хлопчатой бумаги разводится очень много.

До знакомства съ европейцами японцы не имъли ни малъйшаго понятія о паровыхъ и какихъ бы то ни было машинахъ. Всв матеріи ткались вручную и почти такимъ же способомъ, какъ наши бабы ткутъ новину. А между тъмъ посмотрите, что это за матеріи!— Прочность ихъ несравнима съ нашими машинными, да и по красотъ онъ нисколько не уступаютъ имъ. Только за послъднее время, и то въ очень ограниченномъ количествъ, японцы стали заводить фабрики съ паровыми машинами. Вообще европейская пивилизація съ каждымъ годомъ все болье и болье измъняетъ нравы, обычан и костюмъ явонцевъ: пестрота последняго среди высшаго круга постепенно исчезаетъ, котя все-таки женщины еще любятъ щеголять разноцвътными плелковыми халатами.

Чёмь богаче и знатийе японка, тёмъ хадать дёлается длинийе: онъ цёлыми волнами спускается на поль; но этого мало: въ особенно парадныхъ случаяхъ знатным дамы надёвають на себя не одинь, а, смотря по состоянію, до челырнадцати халатовъ разнаго цвёта, причемъ они надёваются такъ, чтобы отвороты всёхъ халатовъ были видиы, — они лежать на груди совершенно правильными рядами одинъ на другомъ. Голову молодыя японки укращаютъ разноцейтными наколками, искусственными цвётами и всевозможныхъ формъ булавками.

Шелкъ посять почти всв; только самые бёдные не новволяють себв этой роскоши и носять бумажныя матеріи, но это нисколько не портить ихъ вида, такъ какъ ихъ бумажные халаты всегда безукоризнение чисты. Мытье ихъ производится замъчательно оригинальнымъ способомъ: прежде чёмъ начать стирать, халатъ распарывають на прямые куски, потомъ стирають эти куски и мокрыми натягиваютъ на доски для просушки. Затъмъ, когда доски обсохли, куски снова наскоро сметываются—и халатъ опять готовъ.

Навонецъ, и самая обувь японцевъ не имбетъ ничего общаго съ нашей: вибето чулка или носка на ногу надъвается рукавица. Вы улыбаетесь, но это такъ: чулокъ имбетъ совершенно форму рукавицы, т. е. большой палецъ отдёленъ, и это дълается по следующей

причинѣ: виѣсто сапогъ или башмаковъ всѣ носятъ только деревянную подошву съ подбитыми подъ носокъ и пятку баклажками; чтобы такая обувь крѣпко держалась на ногѣ, къ подошвѣ, съ носка, прикрѣплена веревочка—отъ носка она пальца на два, а потомъ идетъ на два копца, которые прибиты съ объихъ сторонъ пятки. Чтобы надѣтъ такой сапогъ, японецъ просовываетъ ногу между двумя задними веревочками, а переднюю, коротенькую, пропускаетъ между большимъ и вторымъ пальцами. Такимъ образомъ подошва отлично держится на ногѣ, хотя во время ходъбы постоянно шленаетъ по пяткѣ. Подбойки подъ подошвой дѣлаются довольно высокія, такъ что грязъ не можетъ запачкать чулка. Кромѣ такого рода бащмаковъ объдный классъ народа носитъ еще на босую ногу одну соломенную подошву.

Въ лѣтнее время всѣ японцы ходять большею частью съ неноврытой головой. Защитой отъ дождя и солнца городскимъ жителямъ служитъ бумажный промасленный, съ бамбуковымъ остовомъ, зонтикъ. Крестьянамъ, конечно, невозможно работать въ полѣ съ зонтикомъ, а потому мужики носятъ огромныя, плетеныя изъ бамбука, шляпы; фасонъ ихъ очень похожъ на нашу перевернутую дномъ кверху хлѣбную чашку; бабы же повязываютъ голову кускомъ бумажной крашенины, совершенно такъ же, какъ и наши крестъянки, когда онѣ концы платка завязываютъ на затылкѣ. Зимой всѣ бевъ исключенія повязываютъ голову кусками шельовой или бумажной матеріи.

Таковъ общій видъ одежды японцевъ. Во виутреннихъ провинціяхь онь сохраняется пока въ чистоть; но въ столиць и приморскихъ городахъ, открытыхъ для всёхъ европейцевъ, благодаря постоянному сношению съ последними, очень часто можно встретить компчную смёсь нашего костюма съ національнымъ японскимъ. Ничего не можеть быть смёшнёе, какъ фигура японца, одётаго въ кимоно и съ цилиндромъ на головъ, въ особенности когда этотъ лионець важно идеть по улиць, окидывая всёхъ остальныхъ смертныхъ гордымъ взглядомъ и небрежно помахивая тросточкой. ВстрЪчаются иногда и съ ногъ до головы одътые въ европейское платъеэто чиновники въ высшихъ чинахъ. Жалко смотреть на такого лпонца, до того онъ смешонь; ему, бедному, самому видимо неловко въ своемъ непривычномъ костюмь: онъ кажется только что вышедшимъ изъ толкучаго рынка, гдё онъ скорбе навёсилъ на себя, чёмъ одълся въ совершенно несоотвътствующее его росту и фигуръ старое мятое платье. Въ рукахъ у него дешевый европейскій зонтикъ, а на головъ кое-какъ надътая шляпа. Ноги обуты иногда въ ново-

модныя ботинки, но непремённо со стоптанными каблуками, потому что японцы выбирають себт саноги посвободите, чтобы не затежала непривычная къ нашей обуви нога. Къ этому, чтобы дополнить картину, прибавьте торчащій изь-подъ брюкь, свісившійся на ботинку, носокъ. Но не следуеть, впрочемъ, думать, что все безъ исключенія японцы такъ дурно носять нашь костюмь; тв немногіе, которые побывали въ Европ'в и пріобр'яли привычку къ европейскому илатью, одъваются элегантно и носять великольное накрахмаленное бълье. Теперь, въ настоящую минуту, всё безъ исключенія государственные чиновники обязаны носить европейское шлатье. Сановники одъваются въ мундиры, шитые золотомъ, въ родъ наинуъ придворныхъ. Самъ императоръ, наконецъ, подавая примъръ своимъ подданнымъ, перемънилъ свой національный пышный нарядъ на фракъ, шитый волотомъ. Нужно сказать, что всё эти костюмы чрезвычайно не въ лицу японцамъ; они гораздо лучше казались въ своихъ родныхъ одеждахъ.

Но не пустое подражаніе европейцамъ заставило правительство перемінить костюмъ своего народа. Здієє совершается теперь то же, что происходило у насъ при Петрії Великомъ. Одежда очень часто, помимо насъ самихъ, производить рішительное вдіяніе на нравы и обычан. Японскій же императоръ рішилъ перемінить свою старую цивилизацію на европейскую, и потому переміна одежды была необходима. Всему неслужащему въ правительственныхъ учрежденіяхъ люду предоставлена на этотъ счеть подная свобода, и мирные граждане сами слишкомъ торопятся сбросить съ себя удобные и широкіе халаты.

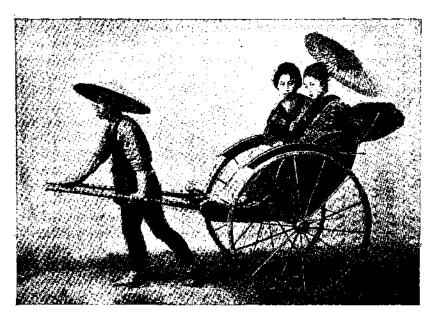
И. П. Азбелевъ.

По Японіи.

На третій день послѣ выхода изъ Владивостока часовъ въ 9 вечера «Харбинъ» пришель въ Нагасаки. Остановившись при входѣ въ бухту, пароходъ далъ свистокъ. Минутъ черезъ десятъ къ намъ подъѣзжаетъ японскій катеръ съ чинами полиціи и врачемъ. Тихо, деликатно японскіе чиновники провѣрили документы, осмотрѣли пас-

сажировъ, и черезъ полчаса нашъ пароходъ вошелъ въ бухту. Пассажиры могли събхать на берегъ.

Моментально нашъ пароходъ былъ окруженъ японскими лодочниками. Лодки ихъ, называемыя эдѣсь «сампанами», — узки и длинны. Въ серединъ устроена будочка для нассажировъ. На «сампанахъ» пассажиры перевозятся съ парохода на берегъ. Если у васъесть багажъ, то лодочникъ везеть на таможенную пристанъ. Чи-

Японскій извощика (джепорикша).

новники таможенные въжливы, не проявляють и тъни начальства. По наружному виду багажа они сразу опредъляють, что вы — не купець, не везете товаровъ. Васъ просто спрашивають, нъть ли у васъ предметовъ, подлежащихъ пошлинъ, а иногда просятъ открытъ чемоданъ или корзину. Но если вы отнесетесь свысока, станете спорить, то они продълаютъ формальности. Ни просьба, ни подачка тутъ не у мъста. Все у васъ перероютъ.

Нагасаки, это—важная морская станція на Востокъ. Обширная бухта, совершенно закрытая отъ вътровъ, служить дучшею стоянкой для судовъ, какъ воммерческихъ, такъ и военныхъ всъхъ націй. Наша тихо-океанская эскадра сюда уходила на зимовку. Въ бухтъ

образцовый порядокъ. Надзоръ прекрасный, что весьма необходимо при такой массъ судовъ, какая заходить сюда. Каждому роду судовъ отведено особое мъсто. Всякое нарушение установленнаго порядка немедленно устраняется. Въ нагасакской бухтъ всъ суда, изавающія на Востокъ, запасаются углемъ, пръсною водой, а также пользуются доками, лучшими по устройству въ гаваняхъ Дальняго Востока.

Городъ Нагасаки съ населенісмъ въ 70 тысячъ расположенъ террасами вокругъ бухты и утопаетъ въ зелени. Чистота на улицахъ, масса хорошихъ европейскихъ построекъ, водопроводъ, электрическое освъщеніе, телефоны, большое уличное движеніе, — все это производить пріятное впечатлъніе на пріъзжаго.

Способъ передвиженія по улицамъ и даже въ ближайшія окрестности города, это—дженерикша. Особый классь подей заміняеть въ Японіи лошадь. Человікь здісь везеть на себі человіка вь легкой колясочкі. Для перевозки тяжсстей служить тоже человікь, впряженный въ простую теліжку. Лошадей выйздныхъ вовсе ніть, иногда же встрічаются простыя рабочія лошади, впряженныя въ дроги или навыоченныя. Цоводь у такой лошади привязанъ коротко къ подпругі на животі, такъ что лошади идеть, опустивъсовстить низко голову. На копытахъ лошади надіты соломенныя или кожаныя туфли. Дозволенный аллюрь для лошади по улицамъ—исключительно шагъ. Привязанная же низко голова мізнаеть пошади неожиданно броситься, побіжать и т. п.,—а это очень важно при той толчей и томъ движеніи, какое существуеть въ Нагасакахъ на улицахъ.

Въ Нагасакахъ имъются мужское и женское училища средняго разряда и нъсколько школь низшихъ. Иностранцы при миссіяхъ тоже имъютъ свои школы. Католическая миссія основала здѣсь два учебныхъ заведенія: женскій пансіонъ при монастыръ и общеобразовательное училище для мальчиковъ. Но стремленіе къ привлеченію въ лоно католицизма воспитанниковъ подорвало репутацію этихъ заведеній.

Въ Нагасавахъ издается газета на англійскомъ языкъ «Nagasaki Express», имъются театры, клубы и т. п. Промышленный музей довольно приличенъ. Храмовъ буддійскихъ въ Нагасакахъ интересныхъ нътъ, а изъ шинтоискихъ болѣе интересный храмъ Осува съ роскошнымъ наркомъ. Передъ храмомъ стоитъ броизовая статуя коня, а при подъемѣ къ храму — колоссальныя ворота изъ бронзы. Въ этомъ наркъ поражаютъ своею грандіозностью камеліи. Ко всякаго рода растительности, къ садамъ, паркамъ у японцевъ боль-

шая любовь. Частных садовь при домахь нёть, но заго въ саможь крохотномь дворикѣ можно найти два — три деревца. Туть же обязательно устроень или маленькій бассейнь, или изъ камней какіе - нибудь утосы, гроты и т. п. Но заго общественные сады, это — общее достояніе. Туть нёть ни оградь, ни запирающихся вороть. Здёсь не езимается входная плата и не дёлится публика на чистую и нечистую.

Въ пяти минутахъ взды по желвзной дорогъ отъ Нагасакъ есть мъстечко Мичино. Въ прекрасной долинъ среди рисовыхъ полей и огородовъ устроенъ утолокъ для отдыха. Тутъ есть и озерко, норосшее лотосомъ. Здъсь выстроены два японскихъ ресторана. Тутъ и небольшой акваріумъ. Вода у ручья перехвачена и искусно превращена въ каскадъ. Другой бассейнъ, побольше, изображаетъ воды, омывающія Японію. Главнъйшіе японскіе острова воспроизведены здъсь со своими горами, долинами, бухтами и городами. Вы видите проведенныя жельзныя дороги съ цълыми повздами, тунелями и проч. Словомъ, на какихъ-нибудь 20-ти квадр. саженяхъ рельефно представлена вся Японія. Этотъ уголокъ—любимое мъсто прогулокъ для горожанъ.

Подобно Нагасакамъ существуетъ другой такой же портъ въ Восточной Японіи, это Іокогама. Іокогама грандіозиве Нагасакъ. Въ ней жителей насчитываютъ до 170,000. Европейское вліяніе здѣсь болѣе общирно. Іокогама служитъ военнымъ портомъ Токіо, который находится отъ нея въ 45-ти минутахъ ѣзды по желѣзвой дорогѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это — самый общирный изъ открытыхъ для европейцевъ портовъ. На рейдѣ величественной бухты красуются флотиліи всего міра. Масса европейскихъ зданій, торговыхъ домовъ, банковъ, цѣлыя улицы европейскихъ магазиновъ, отели, рестораны, — все это какъ-то оттѣсняетъ туземцевъ. И Іокогама кажется какимъ-то интернаціональныйъ пунктомъ. Улицы здѣсь пощире нагасакскихъ. Тутъ уже встрѣчаются экипажи и красивыя лошади, хотя и дженерикши дѣйствуютъ въ полной силѣ. Городъ вполнѣ благоустроенъ: водопроводъ, электричество, мостовыя, парки, сады, роскошная набережная. Здѣсь главная метеорологическая обсерваторія, соединенная телеграфною проволокой съ морскими станціями земного шара. Между Нагасаками и Іокогамой лежитъ въ Средиземномъ морѣ Японіи еще портъ Кобе. Эти три порта главнымъ образомъ посѣщаются европейцами. Побывавъ только въ этихъ портахъ, нельзя получить вѣрнаго представленія о настоящей Японіи. Здѣсь какой-то всемірный винегретъ.

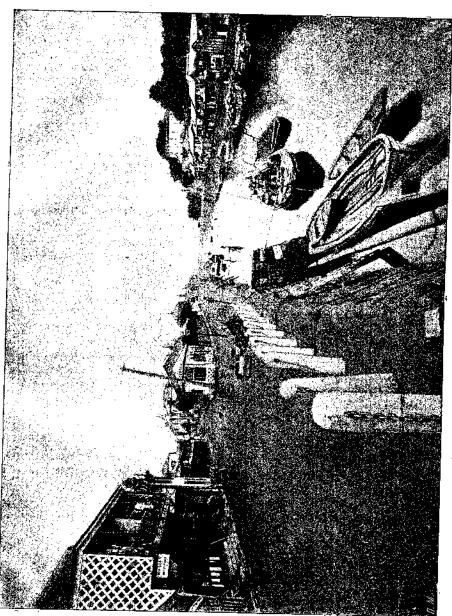
Хотите видъть Японію, поъзжайте внутрь страны. Часъ Тады

по желёзной дороге отъ любого порта—и передъ вами совершенно другой міръ. Интересно слёдующее явленіе. Въ этихъ трехъ портахъ свободно вращаются денежные знаки европейцевъ. Помимо банковъ существуетъ масса мёняль, и обмёнъ денежныхъ знаковъ не представляеть никакихъ затрудненій. Въ гостиницахъ, магазинахъ — всюду берутъ деньги, не разбирая, японскія ли онъ, или другой національности. Но удалитесь не только за черту порта, но даже на вокзалъ желёзнодорожный—и ужъ баста! Билетъ на вокзалъ покупается только па японскія деньги.

даже на вокзаль желбэнодорожный—и ужь баста! Видеть на вокзаль покупается только па японскія депьги.

Отъ Нагасаки до Іокогамы существуеть прекрасный водный путь. Острова Кіу-сіу и Сикоко отдъляются отъ главнаго острова Японіи Ниппона, или Гондо, японскімь Средиземнымъ моремъ. Пароходь изъ Нагасаки поднимается въ сѣверу вдоль о. Кіу-сіу до Симоносекскаго пролива и здѣсь вступаетъ въ знаменитое Внутреннее море. Весь путь до Тихаго океана проходитъ среди чудной панорамы. Все море усѣяно живопискѣйпими въ мірѣ островами, поверхность которыхъ гориста и покрыта лѣсами. Берегъ Ниппона, это—непрерывная по всему пути цѣпь холмовъ самыхъ причудливыхъ очертаній. Склоны ихъ загануты ярио-зеленымъ покровомъ и придаютъ всему очаровательный видъ. Пароходы у японцевъ прекрасны. Помѣщенія для пассажировъ не уступаютъ европейскимъ. Кухвя—англійская, прислуга—японская, но говорящая по-англійски. Взды отъ Нагасакъ до Іокогамы на пароходѣ четверо сутокъ. Единственная продолжительная остановка, это—въ Кобе, на сутки. Вообще путь этотъ можетъ доставитъ массу пріятныхъ впечатиѣній, огромное наслажденіе красотами и роскошью японской природы, но и только. Хотите ознакомиться съ внутреннею жизнью страны, поъзжайте взъ Нагасакъ по желѣзной дорогѣ черезь весь о. Кіусіу, отъ Нагасакъ до г. Моджи, лежащаго у пролива противъ г. Симоносеки, можно пробхать по желѣзной дорогѣ въ десять часовъ. Изъ Моджи пассажировъ перевозить пароходь въ Симоносеки (бзды 15 минутъ). Отсюда начинается главная правительственная желѣзная дорога, носящая названіе Токаідо бпе, имѣющая конечный пункть въ г. Токіо. Отъ этой главной линіи идуть въ сторону вѣтеп, соединяющія большинство внутреннихъ городовь, а отъ Токіо рельсовый путь идеть къ сѣверу. Отъ Симоносеки до Токіо ѣзды 36 часовь, а всего отъ Нагасаки — двое сутокъ, т. е. въ два раза скоръе, чѣмъ на пароходѣ. скорве, чёмъ на пароходъ.

Отправляясь по желёзной дорогь изъ Нагасакъ, можно взять билеть до Токіо, который имъеть силу въ теченіе десяти сутокъ. Линія проходить по населеннъйшей мъстности. Станціи очень часты,

и каждая станція—населенный пункть, городокь или деревня. Такъ, напр., отъ Кобе до Токіо на разстоянін 570 версть — 85 станцій. Удобство сообщенія, скорость и дешевизна перебзда вызывають сильное передвиженіе поселянь. На каждой станціи одни сходять, другіе садятся. Вагоны не пустують. Вокзалы переполнены публикой. Побзда стоять на станціяхь по одной—двѣ минуты. Остановки въ 10 минуть — рѣдкость. На главныхъ станціяхъ публику за двѣ минуты до отхода поѣзда выпускають изъ вокзала на платформу. Когда я попаль впервые на вокзаль въ Нагасакахь, то ужас-

Когда я попаль впервые на вокзаль въ Нагасакахь, то ужаснуден той массъ публики, которая была здъсь. Какъ тутъ добиться билета въ кассъ? Какъ добиться мъста въ вагонъ, когда за двъ минуты до отхода поъзда только позволяють садиться? А если къ этому прибавить сдачу багажа, ночное время, незнаніе мъстнаго изыка и проч., то было надъ чъмъ призадуматься и растеряться. На дълъ же оказалось, что такой страхъ можетъ испытывать

На дідів же оказалось, что такой страхь можеть испытывать только прійзжій. Не хотите здієє сами исполнить все необходимое, дайте первому попавшемуся носильщику (въ формів, съ нумеромъ) деньги, и онъ купить билеть, сдасть багажь и проводить въ вагонь. Дайте ему 10 сенъ (10 коп.), и онъ будсть искренне благодарень. Если вы можете назвать станцію, куда ідете, и объяснить хотя бы пальцами, какого класса нуженъ вамъ билеть, — этого совершенно достаточно, чтобы вы сами дично взяли безъ всякаго промедленія билеть, сдали багажъ и попали именно въ тоть поївздь, какой вамъ нужень.

За всё свои переёзды я ни разу не видёль ни на большихъ вокзалахь, ни на маленькихь станціяхь никакой суеты, шума, брани, споровъ. Сотни, тысячи людей спокойно брали билеты, усиввали во-время сдать багажь, занимали безъ спора въ вагонё свое мёсто. Случалось, что въ вагонё дёлалось просторнёе и кое-кто, особенно ночью, укладывался спать. На какой-пибудь станціи входять пассажиры. Если спящій занимаєть лишнее мёсто, къ нему подходять, тронуть пальцемъ, и онъ сейчась же поднимаєтся и освобождаєть мёсто. Такое сознаніе своихъ правъ и обязанностей у японца меня просто поражало. И такое сознаніе я встрёчаль не только среди высшихъ классовъ. Въ вагопахъ третьяго класса тоть же порядокъ, то же отсутствіе нарушеній, споровъ и т. п. Каждому им'єста м'єсто, никто не валяется на поду, не торчить за неим'єніемъ м'єста въ проход'є или на площадк'є вагона. Начиная съ по'єздной прислуги до старшаго агента дороги, вс'є считають себя существующими для публики, а не наобороть, и стараются возможно точное и внимательн'єе выполнить и удовлетворить требованія публики.

Желѣзныя дороги въ Японін—узкоколейныя. Вагоны—въ родѣ коночныхъ, но только длинные. Вагоны содержатся чисто, большею частью освъщаются электричествомъ. Мѣста для публики расположены вдоль, иногда поперекъ вагона. Встрѣчаются вагоны, въ которыхъ каждое мъсто отдълено ручкой отъ сосъдняго, такъ что тутъ не сядещь сразу на два мъста. Въ нъкоторыхъ поъздахъ (ехргезя) имъются спальные вагоны и столовые. Но японцы мало пользуются этими удобствами. Большею частью въ вагонахъ перваго класса и въ спальныхъ вздять европейцы. Японцы—народъ береждивый, да и къ тому же большинство совершаеть короткіе пере-взды. Редко кто едеть съ конца въ конецъ линіи. На станціяхь и вокзалахъ (кроме крупиыхъ городовъ—Кобе, Кіото, Токіо, Іокогама) нътъ буфетовъ, взамънъ ихъ на каждой станціи появляется масса разносчиковъ съ лакомствами, чаемъ, напитками и съ цъ-лыми японскими объдами. Все это стоитъ дешево и приспособлено къ дорожному въ вагонъ употребленію. За три сена вы получаете совершенно новый глиняный чайникъ съ завареннымъ чаемъ и такую же чашечку. Когда чай выпить, чайникь выбрасывается за окно. На мое удивленіе такою дешевизной, мнѣ сдѣлали такой разсчетъ: чайникъ и чашка стоятъ $1^1/_2$ сена, кипятокъ и чай — $1/_2$ сена, слъдовательно, продавецъ (обыкновенно мальчикъ) зарабатываетъ одинъ сенъ. Принимая во вниманіе большое движеніе, легко заработать въ сутки 10-15 сенъ, что считается здёсь очень хорошимъ заработкомъ даже и не для малолътка. Въ особой деревянной коробочкъ сложенъ цълый объдъ для японца, и все это стоитъ 12-15 сенъ. Ивъ нашитковъ въ большомъ употреблении пиво.

Однажды я попаль на повадь express съ вагономъ – столовой. Часовъ въ 11 утра мы отправились завтракать. Кухня англійская. Вифштексы, ростбифы въ меню преобладають. Дороже 12-ти коп. за порцію нѣтъ. Но порціи оказались такъ малы, что пришлось заказывать по двѣ — три сразу. Когда же я потребоваль курпцу цѣликомъ, то прислуга изумилась и не рѣшалась выполнить такое невѣроятное требованіе. Для провѣрки дѣйствительности такого заказа явился буфетчикъ, и даже выбѣжаль изъ кухни самъ поваръ. Никакъ опи не могли себѣ представить, чтобы можно было требовать цѣлую курицу. Позвали изъ вагона переводчика, который подтвердилъ, что я прошу подать цѣлую курицу вареную и заплачу за нее, сколько потребуютъ. Развели руками японцы, покачали головой и принесли мнѣ разрѣзанную холодную курицу, далеко не цѣлую, и взяли за нее какъ за шесть порцій. Кромѣ того хлѣбъ къ порціямъ не подается, такъ какъ многіе ѣдять безъ хлѣба. Же-

дающему же подають домтикъ крупичатаго хлѣба съ 1/4 фунта, который стоить 4 кои. Этихъ ломтиковъ хлѣба тоже пришлось, къ ужасу японцевъ, подавать по нѣскольку разъ. Среди насъ былъ русскій офицеръ, который то-и-дѣло требовалъ «рап» (хлѣбъ). Наконецъ, лакею надоѣло, и офицеру торжественно поставили на столъ тарелку, наполненную хлѣбомъ. Нашъ завтравъ произвелъ сенсацію. Всѣ удивдялись нашему обжорству. Позавтракавши, мы ушли по своимъ мѣстамъ; къ 6-ти часамъ вечера снова сошлись въ столовую, чтобы пообѣдать. Но тутъ намъ объявили, что мы за завтракомъ съѣли весь запасъ, какой былъ заготовленъ для поѣзда. Кромѣ англійскаго супа (проще сказатъ, какая-то мутная бурда) и варенаго риса, ничего не осталось. При этомъ японцы удивлялись, неужели мы хотимъ еще ѣстъ.

Желёзнодорожная линія Tokaido тянется вдоль южнаго берега о. Ниниона въ два пути, выстроена прекрасно, мосты небольшіе, такъ какъ рѣки узки, подъемовъ большихъ нѣтъ, но за-то масса тунелей. У каждаго вагона имѣется аккумуляторъ, и днемъ при проходѣ туннеля вагонъ освъщается.

Японія (кром'є сѣверной окраины, которой я не видѣль) представляеть страну въ общемъ гористую и холмистую. Холмы, горы, вулканы покрыты густыми лѣсами. Масса горныхъ озеръ, водопадовъ, горныхъ рѣчекъ и каскадовъ, живописныя долины и ущелья. Берега изрѣзаны причудливыми заливами и изобилуютъ хорошими бухтами. Прекрасный морской климатъ, разнообразіе и богатство лѣсныхъ породъ, идущихъ на постройку домовъ и судовъ, тучная почва, обиліе воды, богатство морей, изобилующихъ рыбой, молюсками, водорослями и морскою капустой, обиліе полевныхъ ископаемыхъ,—все это дѣлаетъ страну прелестнѣйшимъ уголкомъ земного шара. Японецъ любитъ свою страну до безумія; надо думать, что большинству здѣсь живется весело.

Японцевъ называють «макаками» за ихъ подражаніе, за перениманіе ими всего европейскаго. Но развѣ можно осуждать человѣка за то, что онъ поняль преимущества цивилизаціи. Перенимая у европейцевъ все лучшее, все пригодное для своей страны, японцы успѣли въ теченіе какихъ-нибудь 30-ти лѣтъ превратиться въ просвѣщенную націю. Присматриваясь къ европейцамъ, японцы нашли для себя образецъ, которому рѣшили слѣдовать при устройствѣ своей страны,—въ англійской націи. Подобно англичанину японецъ упоренъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, хладнокровенъ, обладаетъ твердымъ сознаніемъ своего достоинства. Попробуйте съ японцемъ, будь то простолюдинъ, обращаться высокомѣрно или начните кричать на него, бранить. Онъ васъ тотчасъ остановить и съ достоинствомъ заявить, что «японедъ—не китаецъ».

Промышленность Японіи сильно развита. Ручное производство и кустарная система еще до сихъ поръ держатся, котя фабричное производство начинаетъ все болѣе и болѣе расширяться. Извѣстныя всему міру фарфоровыя, лакированныя изъ дерева и металлическія издѣдія, щелковыя ткани и вышивки,— все это производится до сихъ поръ главнымъ образомъ ручнымъ способомъ на безчисленныхъ фабрикахъ, а частью и кустарями. Вышиваніемъ по шелку заняты не женщины, а мужчины. Заводы желѣзодѣлательные, литейные, стеклянные, пивоваренные, писчебумажныя, прядильныя и другія фабрики все болѣе и болѣе захватываютъ районъ, центромъ котораго въ настоящее время служитъ городъ Осака.

Городъ Осака расположенъ при усть р. Іодогавы, вытекающей изъ озера Бива, лежащаго къ съверо-востоку отъ Осаки на высотъ 350 фут. Длиной это озеро 55 верстъ при ширинъ 18 верстъ. Каналами и ръками, вытекающими изъ него, озеро соединяется съ осакской бухтой. Существуетъ преданіе, что во время землетрясенія, бывшаго за три въка до Р. Х., образовалось озеро Бива и гора Фуджа, высотою 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Предестный уголокъ представляетъ изъ себя озеро со своими окрестностями. Масса замковъ, старинныхъ храмовъ. На берегу этого озера расположенъ гор. Оцзу, куда туристы вздятъ, чтобы полюбоваться красотами природы. Недалеко отъ Оцзу, въ одномъ узкомъ перехватъ озера, перекинутъ мостъ. Мостъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей, соединенныхъ небольшимъ островкомъ. Длина объихъ частей моста версты полторы.

Ръчка Іодогава, не доходя до Осаки, разбивается на два рукава. Пространство, занимаемое городомъ, ровное, низменное, изръзано по всъмъ направленіямъ каналами. Выходы изъ этихъ каналовъ проведены во дворы обывателей, такъ что можно у себя во дворъ състь въ ледку и отправиться въ городъ куда угодно по канадамъ, какъ по улицъ. Каналы облицованы камнемъ и имъютъ набережныя. Движеніе по каналамъ немногимъ меньше, чъмъ по улицамъ. Барки, лодки, небольше пароходы, катера безпрестанно снуютъ по всъмъ направленіямъ.

Осака, -- японская Венеція, -- городъ древній.

Осака отстоить оть Кіото часа на полтора взды по желвзной дорогв. Жителей насчитывается около 500 тысячь. Оживленіе, какъ въ ульт. На нъкоторыхъ улицахъ такое движеніе, что рикшамъ не разръщается вздить. Самая главная, самая оживленная улица, осо-

бенно красивая при ночкомъ освещении, тянется вдоль набережной канала Дотомбери. Помимо роскошныхъ богатыхъ храмовъ, буддійскихъ й шинтонскихъ, въ Осакъ достоинъ вниманія коммерческій музей, гдъ выставлены всё произведенія японской промышленности. Существующій здѣсь обширный монетный дворъ занимаетъ громадный участокъ, окруженный каналами, садами. Постройки европейскія, изящной архитектуры, солидны. Доступъ публикъ свободный въ отдѣленіе для чеканки монеты. Черезъ стеклинную стѣну видна вся процедура чеканки. Нагрѣтый штыкъ серебра поступаетъ въ

Іенъ. Японская серебриная монета.

етановъ, откуда выходить уже полосою надлежащей ширины и толщины при длинъ съ аршинъ. Затъмъ полоса поступаетъ въ другой становъ, гдъ выбиваются изъ нея кружки, которые поступаютъ въ слъдующій аппаратъ, отеуда уже выходятъ отчеканенной монетой. Далъе идетъ счетъ, вявъщиваніе монеты и укупорка ея въ мъшки. Во время нащего осмотра чеканилась исключительно серебряная монета.

Въ окрестностяхъ Осаки много кирпичныхъ и хлопчатобумажныхъ заводовъ. Въ

городкъ Сакан, верстахъ въ восьми отъ Осаки, большое производство ножей, рисовой водки-саки и пудры.

Часъ двадцать минутъ взды по желвзной дорогв отъ г. Осаки—и передъ вами древняя столица Японіи—Кіото. Это, такъ-сказать, Москва Японіи, если считать г. Токіо Петербургомъ. Консерватизмъ, дореформенныя традиціи въ Кіото еще не перевелись. Здѣсь высшее духовенство хотя и потеряло свою прежнюю силу, но все еще пытается вліять на населеніе. Однако все болѣс и болѣе развивающееся въ Японіи просвѣщеніе является сильнымъ противодѣйствіемъ стремленіямъ духовенства. Обрядность все менѣе и менѣе уважается, и авторитетность жрецовъ чаще и чаще подвергается критикѣ; многочисленные храмы, завладѣвшіе раньше дучшими и богатѣйшими жѣстами, все болѣе и болѣе теряютъ въ глазахъ народа значеніе таинственной святыни и понемногу превращаются въ намятники почтенной старины.

Цѣлыя толпы народа можно видѣть ежедневно въ храмахъ, въ священныхъ рощахъ. Мужчины, женщины, дѣти ходятъ, осматриваютъ былое величіе. Это вовсе не богомольцы, не пилигримы. Это—гуляющая публика, наслаждающаяся природой среди роскошныхъ парковъ. Масса чайныхъ домиковъ, налатокъ съ продажей пряностей

и напитковъ, бездълушекъ и дакомствъ превратили храмы и рощи въ мъста для прогулскъ и отдохновенія.

Даже священный колоколь при храмѣ Піонъ-инъ, звонъ котораго слышенъ всему городу и ранѣе повергалъ вѣрующихъ въ модитвенное настроеніе, нынѣ потерялъ свое священное значеніе. Каждый, кто заплатитъ одну копейку, имѣетъ право раскачать таранъ (у колоколовъ языка нѣтъ, а снаружи устроенъ подвѣшенный таранъ) и ударить въ колоколъ одинъ разъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ звонъ перестаетъ быть призывомъ къ молитъв и къ благочестію. Хотя и теперь бонзы появляются въ нышной одеждѣ и съ помпой, но публика смотритъ на выходы этого рода какъ на уличную процессію, которыя такъ распространены въ городахъ Японіи.

Не такъ давно Кіото былъ главной резиденціей духовной главы государства — микадо, который быль недоступень лицезрънію обыкновеннаго смертнаго. Правитель страны отождествлялся съ высшимъ божествомъ, хотя и быль въ сущности безсиленъ. Микадо царствоваль, но не управляль. Земной богь, верховная власть въ странв. не имълъ своей воли и быль орудіемь духовенства и сіогуновъ, управлявшихъ фактически государствомъ. Резиденція этихъ правителей была въ г. Токіо.

Тридцать слишкомъ лётъ тому назадъ эта система рухнула. Посяв многихъ кровопролитій микадо, безгласный, безвольный, превращенъ вънастоящаго правителя, сіогу-

Японскій пмператорь.

ны пали, и г. Токіо сділался столицей имперіи. Микадо оставиль свою царственную темницу въ Кіото и поселился въ императорскомъ дворці въ Токіо. Въ настоящее время въ Кіото считается до 600 тыс. населенія. Городъ занимаетъ общирное пространство. вымощенъ. Освіщеніе — газовое и электрическое. Дома громадные.

каменные. Электрическій трамвай, водопроводь. Масса учебныхь заведеній, музей изищныхь искусствь, университеть. Роскошные отели, театры, нагазины и масса фабрикъ фарфоровыхъ, металлическихъ издѣлій, вышивокъ по шелку и другихъ. Иностранныя миссіи со своими перквами, а нынче строится и православная церковь.

Кольцомъ охватывають городь роскошныя рощи съ массой храмовь, пагодь, монастырей. Громадное пространство занимають прежнее дворпы микадо и его видиы. Изъ болбе замбиательныхъ святынь назову храмъ богинъ милосердія Куанонъ, называемой «Санъ-ку-сянгенъ» т.-е. 3333. Это—длинная галлерея, въ которой террасами установлено 3333 статуи богини Куалонъ. Каждая статуя имъетъ шесть головъ и тысячу рукъ. Ни одна изъ этихъ статуй не имъетъ другой себъ подобной. Это эмблема, насколько общирно и разнообразно можетъ быть милосеріс. Главный монастырь Кинка-кужи, резиденція главы духовенства Нини Хоогванжи, громадная деревянная статуя будды—Дайбуну и пятиэтажная пагода «Ясака Джинжа» тоже достойны вниманія.

Иностранцевъ въ Кіото сравнительно съ портовыми городами мало. А потому, если иностранецъ очутится на улицъ иъшкомъ, то его начинаетъ окружать сначала толпа дътей, къ дътямъ присоединяются взросдые, и толна все растетъ и растетъ, ни на минуту не умолкая и пристально разсматривая чужеземпа. Никакихъ оскорбленій, толчковъ или чего-либо враждебнаго толпа, впрочемъ, не проявляетъ. Вы видите на дицахъ лишь любопытство. Иногда появляется въжливый полисменъ, дълаетъ вамъ подъ козырекъ и проситъ толпу разойтись.

П. Надинъ.

To Kio.

Токіо — главный центрь умственной и подитической жизни Японіи.

Въ ряду японскихъ портовъ, открытыхъ для иностранцевъ и иностранной торговли, столица Японіи занимаетъ безспорно особое положеніе, что невольно бросается въ глаза уже съ перваго взгляда.

Токіо — наиболье японскій городь изъ вськь, какія я до сего

времени видёль. Европейское вліяніе совсёмь незамётно вь этомъ огромномъ центрё, насчитывающемъ у себя свыше полутора милліоновь жителей и превосходящемъ своей территоріей Лондонь, Москву, Нью Горкъ и всё прочіе главные города міра, кром'є разв'є Пеклна. Европейцы ютятся здёсь всего лишь въ двухъ-грехъ кварталахъ. Здёсь пом'єщается н'ёсколько отелей, дома и зданія дипломатическихъ агентовъ и дома, принадлежащіе небольшой колоніи европейскихъ коммерсантовъ.

За исключеніемъ незначительнаго количества построемъ европейской архитектуры, принадлежащихъ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ страны: университету, русской православной миссіи, и др., нътъ ни одного европейскаго зданія на всемъ необъятномъ пространствъ, занимаемомъ японской столицей.

Построенный уже нёсколько вёковъ тому назадь и будучи уже давно однимъ изъ главныхъ центровъ страны, Токіо и понынё со-хранилъ свою первоначальную физіономію, мало измёнившись за послёдніе годы реформъ и преобразованій.

Онъ состоить изъ трехъ частей, изъ которыхъ каждая отличается ръзкими и характерными особенностями.

Центръ города занимаетъ дворецъ императора. Онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, среди густого и общирнаго парка, окруженнаго обсаженной едями высокой гранитной стѣной, почти вертикально спускающейся книзу. Все это мѣсто отдѣляется отъ прочаго города широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, и общирными площадями, окружающими стѣны, которыя напоминаютъ кремлевскія стѣны въ Москвѣ. Во дворецъ ведутъ нѣсколько высокихъ гранитныхъ и чугунныхъ мостовъ, но проникнуть туда постороннимъ лицамъ нельзя: тяжелыя, массивным двери охраниются часовыми.

На площади, окружающей дворъ императора, находятся зданія министерствъ; здъсь же номъщаются нъкоторыя иностранныя посольства и строятся уже дома европейской архитектуры. Дальше начинается уже собственно городъ, тъснымъ кольцомъ окружающій всю эту площадь и императорскій дворъ. Здъсь видны только почерившіс, покосившіеся миніатюрные домики японской постройки, крошечные садики, узенькія улицы и запутанные переулки.

Торговая часть Токіо тянется дальше къ востоку. Тутъ ужъ и улицы шире, и дома красивће. Есть даже постройки съ изящной японской рёзьбой, раскрашенныя и покрытыя глазурью разныхъ цвётовъ и оттёнковъ.

Когда подъбажаешь къ Токіо съ юга (изъ Іокогамы) по желбаной по дальнему Востоку. дорогъ, то послъ непродолжительныхъ блужданій изъ переулка въ переулокъ, съ моста на мость, попадешь скоро въ главную улицу этой части города, называемую «Джинза».

Кто не быль здёсь, тому трудно представить себё, что такое Джинза,—этоть Невскій японской столицы.

На десятки версть тянется прямая, какъ стръда, широкая улица, — одна изъ самыхъ широкихъ въ Токіо, — окаймленная по бокамъ двумя стройными рядами зеленыхъ дерсвьевъ, образующихъ вмъстъ съ рядами густо примыкающихъ другъ къ другу деревянныхъ двухъэтажныхъ домовъ гигантскія аллеи на всемъ протяженіи, пока видитъ глазъ. Тротуары и вся улица заняты толпами пъшеходовъ, придающихъ необыкновенно оживленный и праздничный видъ всей улицъ.

Всё зданія заняты лавками. Разноцвётныя ходщевыя вывёски, драпирующія обё стороны улицы на всемъ ся протяженіи, сдужать очень красивымъ наряднымъ уборомъ для «Джинзы», и, пока не присмотринься къ нимъ, кажется, будто весь городъ расцвёченъ десятками тысячъ флаговъ.

По срединъ улицы проложены рельсы комно-желъвной дороги, но и самые вагоны разукрашены яркими красками и пе портять всей этой пестрой и яркой картины.

На всемъ своемъ протяженіи «Джинза», какъ и прочія улицы Токіо, пересъкается каналами. Ихъ здѣсь такъ много, что Токіо давно уже заслужилъ названіе японской Венеціи. Плоскодонные сампаны и джонки, въ изобиліи снующіе по городу по узкимъ каналамъ, нересъкаютъ оживленную улицу и придаютъ ей своеобразный видъ. Что особенно отличаетъ Токіо отъ всѣхъ прочихъ японскихъ городовъ, такъ это массы солдатъ и военныхъ, снующихъ по улицамъ.

Почти каждыя пять минуть слышится гдё-нибудь звукъ подковой трубы. Вооруженные ординарцы вёчно гарцують на лошади, отряды молодыхь солдать и новобранцевь въ бёлыхь лётнихъ костюмахь и въ плоскихъ, нёмецкой формы, военныхъ фуражкахъ съ врасными или желтыми околышками такъ и мелькаютъ передъ глазами.

Въ европейской военной формъ японцы далеко не выглядять такими мельими, сухонарыми и тщедушными, какими они кажутся въ своихъ киримонахъ. Въ концъ «Джинзы», — върнъе, въ концъ всего этого моря вывъсокъ, лавокъ, людей и деревьевъ, — протянулся базаръ и различные рынки.

Я видёль японскіе рынки въ Нагасаки, Іокогамё и Кобе, но ничто не сравнится съ токіоскими рынками. Лавокъ, дотковъ, продавщицъ, продавцовъ здёсь такъ много (ихъ считаютъ десятками тысячъ), что становится просто непонятнымъ, гдё берутся нокупатели для всей этой массы продуктовъ и товаровъ, переполняющихъ давки и лотки сверху донизу. А, между тёмъ, здёсь торгуютъ не только въ лавкахъ, но не упускаютъ ни одного свободнаго мёста, гдё бы можно было торговать. Даже по краямъ тротуаровъ (какъ и на «Джинзё») вплотную сидятъ продавцы съ лотками менкихъ галантерейныхъ товаровъ, и приходится проходить буквально цёдым версты между шпалерами этихъ уличныхъ продавцовъ.

Особенно любопытны базары. Рыбный базарь—одинь изъ самыхь большихь и оживленныхь. Это какой-то океанъ лавокъ, лотковъ и ларей, среди которыхъ неустанно снуютъ огромныя масси народа. Когда съ наступленіемъ вечера вся «Джинза», рынки и давки освёщаются разноцвётными бумажными японскими фонариками, то вся эта часть города принимаетъ сказочный видъ. Ничего подобнаго нельзя встрётить, конечно, ни въ одномъ европейскомъ городъ. Улицы точно залиты моремъ пестрыхъ огней, придающихъ фантастическій оттёнокъ городу, стройнымъ рядамъ лавокъ и домовъ, деревьямъ и этимъ толиамъ малорослыхъ людей.

За последнія двадцать пять лёть Японія сдёлала большіе успёхи въ развитіи мануфактурной промышленности, и въ Осака, напримёрь, насчитывается уже более сорока фабрикь, снабженныхъ повейшими европейскими машинами и механическими приспособленіями. Интересы туземной промышленности принимаются очень близко къ сордцу правительствомь, которое не щадить усилій и издержень для ея развитія. Въ Осака устроенъ даже правительствомь роскошный музей, въ которомь выставляются всй лучшія и новайція европейскія (англійскія) произведенія, машины, аппараты и пр., которымь рекомендуется подражать.

Д. Шрейдерь.

Религія японцевь.

Древняя коренная религія японцевъ называется шинто. Черезъньсью высовь послі Рождества Христова вторгся въ Японію буддизмъ; обі религіи перемішались, и въ цілости не осталась ни та, ни другая. Теперь очень трудно разобраться, что боліве преобладаеть: буддизмъ или шинтоизмъ, — потому что одни храмы по наружности и по внутреннему устройству скоріве буддійскіе, а другіе сохраняють скоріве физіономію храмовь древней религіи.

По религіи шинто японцы поклоняются своимъ предкамъ п боготворятъ микадо и негендарныхъ героевъ. Богопочитаніе выдающихся силь природы развито въ высшей степени. Эта религія не допускаетъ ни идоловъ, ни образовъ. Ихъ святыни только зеркало и чохей, т. е. висящіе на бамбуковой палкъ священные лоскуты бълой бумаги съ надписями. Въ этой религіи нътъ никакихъ нравственныхъ законовъ, а всъ люди должны подражать своимъ божественнымъ предкамъ и чистотой жизни доказывать свое происхоженей отъ нихъ.

Всякая благодарность богамъ, променіе, раскаяніе и восхваленіе приносятся въ молитвахъ. Во время молитвы руки обыкновенно силадываются вмёстё, молящійся становится на колёни и голову опускаетъ на грудь. Молитва произносится мысленно, причемъ не шевелятъ губами. Въ храмъ обыкновенно не входятъ, а становятся передъ нимъ и дергаютъ за шнурокъ, привязанный къ бубенчику, называемому по-японски гонтъ. Этимъ звонкомъ молящійся обращаеть на себя вниманіе бога. Прежде чёмъ начать молиться, всякій долженъ вымыть руки и выполоскать ротъ священной водой. Водавсегда находится въ каменныхъ сосудахъ около храма.

Вотъ коротенькая модитва изъ множества другихъ. Я привожу ее, какъ очень характерную:

«О. Господи! обитающій на самыхь высокихь небесахь, ты еси божество по существу и по разуму, ты склонень прощать за вины, избавь насъ отъ непристойностей и очисти отъ нечистотъ. Боги! подставьте ваше ухо и выслушайте наши просьбы».

Жертвы богамъ приносятся въ бълыхъ одеждахъ и съ большою торжественностью. Жертвоприношения состоять изъ фруктовъ, овощей,

смотря по времени года, рыбы и дичи. Ночью эти приношенія убираются и становятся собственностью священнослужителей, которые въ религіи шинто называются каннуши, т. е. храмохранители.

Виблія релитіи шинто называется кожики, она полна разсказовь о двяніяхь боговь, но въ ней ивть никакихь наставленій и правиль, какъ вести свою жизнь. Когда появился въ Японіи посль процикновенія буддизма пропов'єдникь, по имени Мотоори, желавцій возстановить религію шинто въ чистоть, то онь говориль, что только для китайцевь необходимо писать наставленіе въ жизни, потому что они народь падшій; японцы же пропсходять оть боговь, и имъ ивть нужды въ этомь: подражай только своимъ предкамъ. Долгъ хорошаго японца состоить въ полномь повиновеніи микадо, не спращивая себя, дурны или хороши поступки и распоряженія его.

Буддійскіе храмы изобидують идолами, и вь честь каждало изъ нихъ ежегодно даются торжественныя празднества. Эти празднества уже мало имбють общаго съ догматами оббихъ религій, смб-шеніе которыхъ сбило съ толку японцевъ, и они главное свое вниманіе обратили на внішнее исполненіе обрадовь и церемоній, а не на суть нравственнаго ученія.

Празднества состоять изъ шумной процессіи въ той части города, которая устраиваеть его. Не проходить положительно недѣли, чтобы въ какомъ-нибудь углу города не слышался звукъ японскаго била или тамъ-тама и крики, которые предупреждають о приближеніи такой процессіи. По всему пути, гдѣ должна пройти перемонія, всѣ дома украшены разноцвѣтными матеріями, дѣти одѣлись въ свои самыя лучшія пестрыя кимопо, вымазали лица мукой и съ нстерпѣніемъ ждуть появленія процессіи, которая приближается медленно, проходя одну за другой тріумфальныя арки, поставленныя на ея пути.

Но вотъ шествіе показалось: впереди всего на длинныхъ шестахъ несутъ флаги и щиты съ изреченіями изъ священнаго писапія; затёмъ идетъ толна рыболововъ въ особыхъ костюмахъ, они
играютъ на семсинахъ, бьютъ неистово въ тамъ-тамъ, производя
вообще адскій шумъ; далёе идутъ два начальника процессіи, они
вооружены желтвными палками съ кольцами на концѣ и бьютъ
ими о землю, а иногда и зѣвакъ, мѣшающихъ свободному проходу
процессіи. Наконецъ, показывается громадная колесница, запряженная
четырьмя быками и множествомъ добровольныхъ участниковъ изъ
черни. Вся эта колесница пышно украшена всевозможными морскими растеніями, среди которыхъ торчатъ бритыя головы бонзъ;
они положительно орутъ разныя изреченія и молитвы. Надъ ихъ

головами возвышается громадная фигура самого Нептуна-Джебитсу: это колоссальный идоль съ размалеванной рожей. За идоломъ слъдуетъ маленькій передвижной театръ, гдѣ играютъ дѣти. Вторая колесница везетъ бога вѣтровъ, за ней слѣдуетъ еще театръ и т. д., и т. д.,—и безъ конца почти тянется эта церемонія. Каждый богъ везетъ съ собой жаровню и кушанья.

Не меньшій интересь представляють собою и храмовые праздники. Буквально невозможно достаточно вёрно передать то впечатиёніе, которое охватываеть вась, и описать все то, что тамъ происходить. Это не что-нибудь религіозное, а колоссальное народное гуляніе. Многотысячная пестрал толпа съ ранняго утра тянется по улицамъ къ тому храму, гдѣ праздникъ. Не думайте, что молитва и вёра движеть этою массою; пѣтъ, она идеть веселиться—и такъ, чтобы забыть обо всемъ остальномъ мірѣ.

На обширномъ пространствъ вокругъ храма колоссальная ярмарка: здѣсь раскинуты палатки, столы и лотки съ лакомствами, игрушками, бездѣлушками и нарядами; тамъ и тутъ разбросаны балаганчики съ фокусниками, акробатами, лотереей и прохладительными напитками,—словомъ, кто бывалъ въ Пстербургъ на балаганахъ на Марсовомъ полъ, тотъ можетъ себъ представить кое-что похожее; только въ Японіи все это гораздо шире, многолюднѣе, и забавляется здѣсь съ гораздо большимъ увлеченіемъ и безпечностью.

Рядомъ съ фасадомъ храма выстроены огромные бараки, и вънихъ помъщены гигантскихъ размъровъ идолы; очевидно, эти грубыл безобразныя фигуры не могутъ располагать къ молитвъ, а представляютъ собою только диковинное зрълище. Но представьте мое удивленіе, когда одинъ изъ этихъ колоссовъ началъ вдругъ раздвигать ноги, пузо его раскрылось — и тамъ оказался цълый балетъ, оржестръ музыки и хоръ.

На храмовомъ гуляніи выстраивается для черни очень много временныхъ театровъ, напоминающихъ наши балаганы. Содержаніе пьесъ преимущественно историческое; играютъ въ древнихъ костюмахъ, и потому даже для насъ, европейцевъ, эти театры представляютъ большой интересъ.

Среди такого веселья японцы все-таки не забывають иногда и помолиться богу. Воть посмотрите, напримёрь, какъ цёдая группа расфранченныхь, напудренныхь и накрашенныхь мусуме (японскія: дёвушки) съ веселыми лицами направдяется къ храму. Передъ самымъ входомъ лица ихъ вдругъ дёлаются серьезными, он'в опускаются на колёни, складывають руки, опускають головы и произносять «Наму амида Бутсу!», т. е. «Спаси насъ великій Будда!»

Номоливинсь, онт отходять отъ храма и снова принимаются [за веселье.

Самый большой праздника дается въ честь бога риса, Инари-Сама. Это имя принадлежить мноическому лицу, которому исторія принисываеть честь открытія какъ самаго риса, такъ и способа его воздѣлыванія. Инари-Сама изображается змѣей, стерстущей рисъ. Такъ какъ рисъ самый необходимый продуктъ Японіи, т. е. то же, что у насъ хлѣбъ, то празднества, даваемыя въ честь этого бога, необыкновенно торжественны. Почти всякая семья, имѣющая хотъ клочекъ рисоваго поля, непремѣнно выстранваетъ въ честь этого бога хорошенькій миніатюрный храмъ; а въ извѣсткый день второго въ году мѣсяца пируетъ, шумитъ и веселится въ честь этого бога вся Японія.

И. П. Азбелевь.

Буддійскія похороны.

Зимою 1891 года, мит представился случай близко видъть буддійскія похороны. У одного японскаго доктора, профессора містной медицинской школы, умерь тесть, Я. вмёстё съ А. А. Сига и нашимъ консудомъ Г. А. Де-Водданомъ, отправилась въ домъ покойника. Старикь умерь трп дня тому назадь. По обычаю, тёло посит смерти обмывается и оставляется лежать 48 часовъ; затъмъ, послѣ предварительной панихиды на дому, его кладуть въ деревлиный ящикъ въ сидачемъ положении и отправляють въ трупо-сожигательную печь, находящуюся за городомъ. По сожжении, пепсаъ помещають въ фарфоровую посуду, которую ставять загемь въ чистенькій деревянный ящикь, имбющій форму маленькаго домика. Этотъ-то ящикъ и относять на кладбище. Когда я пришла въ домъ, где лежаль прахы покойника, то нашла уже все готовымы кы покоронамъ. Зала была уставлена искусственными деревцами съ цевтами, прекрасно сдёланными: особенно хороши были камедім и цветы догоса, смотрёвшіе совсёмь живыми. На почетномь м'єст'є комнаты, на стояй, покрытомъ златотканной парчей и установленномъ цвътами, стоялъ ащикъ съ останками; предъ нимъ курились благовонія. Буддійскій священникь читаль модитвы. Хозяинь быль

одъть въ европейскій черный костюмь; дочь покойника, вдова и сестра его — въ японскіе сърые шелковые кимоно, изъ-подъ которыхъ вндийлись облые креновые; на головъ у каждой — плоская креновая наколка, приколотая шпилькой (въ Японіи трауриммъ цвътомъ служить облый). Лица у всъхъ были серьсзиыя, но не заплаканныя. При нашемъ появленія, хожсва очень въжливо раскланялись съ нами и нопросиди войти. Я опустилась на колфии въ углу комнаты. Ко мий сейчась же подошла хозяйка съ чашечкой зеленаго чая и угощеніями, состоявшими изъ трекъ пряниковъ, бълыхъ и розовыхъ, очень красивыхъ на видъ; такія же угощенія были положены и предъ остальными посётителями, которые потомъ ири уходё завертывали пряники въ лежавшую туть же бумагу и уносиди ихъ домой. Всъ приходящие опускадись на подъ и раскланивались съ хозяевами, касаясь лбами пола; хозяйка такимъ же образомь раскланивалась со всеми. Затемь, каждый изъ гостей подходиль къ останкамъ покойника, отвёнивалъ низкій поклонь, оставался нёкоторое время въ такомъ иоложеніи, шепча молитву, потомъ зажигалъ свъчу и отходиль въ сторону, уступая мъсто другому. Вынось тёла послёдоваль въ такомъ порядкё: сперва вынесли вей цвъты, потомъ укръпили фундаменть домика, содержавшаго сосудь съ неплемъ, на этотъ фундаментъ уставили и увязали самый сосудь съ пепломъ, на который надёли парчевый чехолъ, и, наконецъ, закрыли все сверху домикомъ, точно футияромъ.

Въ домикъ этомъ—4 полукруглыхъ окна, затяпутыхъ внутри зеленымъ шелковымъ фуляромъ; внутреннія же стѣны его покрыты золотистой парчей, въ тонъ съ деревомъ. Когда выносили гробъ, женщины на порогѣ простились съ нимъ, причемъ вдова покойнаго горько заплакала; по лицу ея обильно текли слезы, но она не издала ни одного звука. Передъ воротами дома священники опятъ прочитали молитвы, и процессія двинулась къ храму. Впереди несли нѣчто въ родѣ хоругвей: на длинныхъ шестахъ были прикрѣплены бѣлыя шелковыя полосы, длиною въ саженъ, шириною около трехъ четвертей аршина, съ священными будійскими надписями. Такихъ хоругвей было, важется, восемь. Затѣмъ 40 человѣкъ, шедшихъ попарно, несли цвѣты. За цвѣтами шли священники; ихъ было 9 человѣкъ: 8 шли попарно, а одинъ, старшій, непосредственно предшествовалъ гробу. Гробъ несли кули (японскіе чернорабочіе). Одинъ кули держалъ надъ нимъ длинный шестъ, къ которому были прикрѣплены вѣтки лотоса и множество бѣлыхъ полотакитъ большихъ и малыхъ, съ буддійскими изрѣченіями. Тотчась за гробомъ шель зять покойнаго докторъ №, весь въ черномъ, съ цилиндромъ на

голонь, а за нимъ его знакомые и всь воспитанники Нагасакской медицинской школы, гдъ докторъ N. состоитъ преподавателемъ. Ни одной туземной женщины не участвовало въ процессіи; онъ пріъхали въ храмъ посль. Передъ воротами храма священники снова читали молитвы, сопровождавшіяся ударами въ гонги. Эта литія дала время установить цвтты. Храмъ представлялъ длинную залу, середину которой занимало возвышеніе для алтаря. Колонны были всь обтянуты красной матеріей; балдахинъ надъ алтаремъ—тоже красный. Самый алтарь деревянный, рѣзной, золоченый. Изъ цвѣтовъ сдѣлали цѣлую аллею во всю длину прохода; противъ алтаря поставили на высокихъ подмосткахъ урну съ прахомъ покойника, а передъ ней курильницу съ благовоніями. Между гробомъ и алтаремъ размѣстились четырехугольникомъ священники, числомъ 22. Всѣ они стояли, главный же сѣлъ лицомъ къ покойнику и спиной къ алтарю. У всѣхъ (опять-таки за исключеніемъ главнаго) головы были обнажены. Одѣты они въ иѣсколько роскошныхъ шелковыхъ одеждъ, вѣроятно, по причинѣ холоднаго времени. Верхняя риза—парчевая, или же атласная, вышитая цвѣтами. Главный священникъ былъ въ парчевой красной ризѣ, шигой золотомъ; изъ той же парчевой или же атласная, вышитая цвътами. Главный священникъ быль въ парчевой красной ризъ, шитой золотомъ; изъ той же парчевой ткани быль сдълань у него высокій, своеобразный головной уборь. Ни одинъ костюмъ не походилъ на другой. Всъ священническія одежды были самыхъ веселыхъ, свътлыхъ тоновъ и оттънковъ, и вообще весь храмъ имълъ странно-радостный видъ. По ученю буддистовъ, смерть, какъ освобожденіе человъка отъ земныхъ страданій, какъ одинъ изъ этановъ къ достиженію человъческимъ духомъ блаженства нирваны; должна считаться радостнымъ явленіемъ, а вовсе не несчастьемъ.

Родственники и знакомые покойника разм'єстились такъ, что по правую сторону усёлись мужчины, а по л'ввую—женщины. Церковная служба продолжалась около часа и состояла изъ однообразнаго п'ёнія и какихъ-то словъ, произносимыхъ въ носъ нарасп'євъ. По окончаніи службы, одинъ изъ нрисутствующихъ всталъ и произнесь надгробную рёчь, которую читалъ по бумаг'ь, навернутой на палку и по м'єр'є чтенія развертывавшейся. Зат'ємъ четыре священника поочередно благословили покойника. Каждый изъ нихъ подходилъ къ курильницъ, натиралъ ладони куревомъ, торжественной походкой приближался къ гробу и граціознымъ движеніемъ руки, въ которой находился закрытый в'єръ, описывалъ надъ гробомъ два круга; зат'ємъ такой же разм'єренной походкой возвращался назадь и, обратясь лицомъ къ гробу, читалъ молитвы. Главный священникъ произнесъ слово, сидя на своемъ м'єстъ, и, кончивъ

товорить, всталь, подошель къ курильнице въ сопровождени двухъ мальчиковъ съ обритыми головами (это — будуще священники) и совершиль благословение не въеромъ, а длинной кистью изъ бълыхъ конскихъ волось. Теперь перковный обрядъ кончился, и началось прощание родныхъ и знакомыхъ. Сначала подошелъ зять покойника съ своимъ малолютнимъ сыномъ; оба насынали благовоннаго порошку въ курильницу и отвъсили нъсколько земныхъ поклоновъ; затъмъ ту же церемонію продълали всё присутствующіе, за исключеніемъ женщинъ. Изъ храма гробъ понесли уже безъ всякой помпы на кладбище, которое помъщается тутъ же, на склонт высокаго хомма за храмомъ. Гробъ провожали зять и внукъ покойнаго и только одинъ священникъ. Урну съ останками опустили въ яму, положили сверху камни, засыпали землей, поверхъ которой поставили деревянный домикъ съ цвътами, фонарями, съ чашечками рису и рисовой водки для души умершаго; затъмъ здёсь-же помъстили деревянную колонну съ надписью; она должна стоять, пока не изготовять настоящаго каменнаго памятника.

Сожжение умершихъ, о которомъ и упоминала выше, введено въ Японіи около 700 года нашей эры вмѣстѣ съ буддизмомъ; хоти оно и получило шпрокое распространеніе, но не вытѣснило собою древнъйшаго туземнаго обычая погребенія труновъ въ землѣ.

Прежде какъ трупы, такъ и пепелъ отъ нихъ, хоронились на городскихъ кладбищахъ, находящихся въ Японіи въ ближайшемъ сосёдствё съ нюдскими жилищами; но при нынёшнемъ правительстве изданъ былъ законъ, позволяющій хоронить на такихъ кладбищахъ только пепелъ отъ сожженныхъ телъ, для труповъ же отведены особыя кладбища, вдали отъ жилыхъ мёстъ.

А. А. Черевкова.

Японія прежде и теперь.

Какихъ-нибудь тридцать, тридцать пять лѣтъ тому назадъ Японія, связанная по рукамъ и ногамъ отжившими законами, стародавними обычаями, нелѣпыми предразсудками и суевѣріями, дѣйствительно коспъла въ темнотѣ и невѣжествъ.

Она была тогда совершенно отръзана отъ всего остального

міра. Немногіе люди изъ другихъ странъ попадали сюда, да п тъ, большей частью, не по своей воль. Это были тлавнымъ образомъморяки, потериввийе кораблекрушение у береговъ Японіи. Но и имъдолгое время оставаться здёсь не приходилось, такъ какъ по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ поселяться въ Японіи чужеземцальбыло строго воспрещено. Подобно нынъшнимъ китайцамъ и корейцамъ, они не допускали никого внутрь своей страны, и она была для всъхъ иноземцевъ совершенно недоступной.

Что касается самихъ японцевъ, то они никуда и никогда не могли уъзжать со своихъ острововъ подъ страхомъ жестокаго нажазанія. А чтобы ихъ какъ-нпбудь случайно не занесло въ сосъднія страны, они даже не имъли нрава, по законамъ своей страны, строить большихъ судовъ, годныхъ для дальняго плаванія.

Сотни и тысячи лѣтъ жили они на своихъ веселыхъ и живописныхъ островахъ, какъ въ общирной тюрьмѣ, совсѣмъ особенною, замкнутою жизнью. Пуще всего оберегали они себя отъ того, чтоби пикто не пропикъ къ нимъ. Какъ яда, какъ стращной болѣзни избѣгали они всего чужого, иноземнаго. Они свято вѣрили стариеному преданію, предвѣщавшему гибель ихъ родины въ тотъ день, когда иноземцамъ будетъ открытъ свободный доступъ въ нее.

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ жизнь все измѣняла по своему, и европейцы (англичане, французы, американцы, русскіе), бдагодаря своимъ быстроходнымъ паровымъ судамъ, подбирались всеближе и ближе къ ихъ уединеннымъ островамъ, — японцы долгое премя даже не подозрѣвали этого. Они не знали никакого другого языка, кромѣ своего, японскаго, почти не догадывались о существованіи другихъ странъ и народовъ, не знали ничего о томъ, какъ другіе люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ, что изъ себя представляютъ, къ чему стремятся, чѣмъ живутъ и дышатъ, что имъ дала наука и знаніе.

Впрочемъ, они даже не желали и боялись знать все это, такъ какъ старинные предразсудки и въками освященные обычаи считали такую любознательность святотатствомъ.

Къ тому же японцы были очень горды всёмъ тёмъ, что они знали, что было у нихъ своего, чему ихъ научили старыя китайскія книги *). Они были страшно самолюбивы, ставили себя выше всёхъ подей и считали не только невозможнымъ, но даже преступнымъчемъ-нибудь позаимствоваться или чему-нибудь научиться у другихъ.

^{*)} Языкомъ образованнаго класса въ Японіи до недавняго времени быль китайскії языкъ.

Имъ однако вовсе не хорошо жилось и не привольно, и здравый смыслъ подсказываль имъ, что не мъщаетъ кое-чему научиться и у другихъ; но этому мъщали предразсудки и устарълые обычаи.

Хуже всего жилось тогда въ Японіи простому народу, который, какъ и везді, быль здісь самымъ многочисленнымъ. Впрочемъ, не одно только простонародье переживало тогда тяжелыя времсна. Положеніе самого верховнаго владыки японцевъ было немногимъ лучше. Пожалуй, по сравненію со всёми подвластными ему подданными — рабами, онъ былъ наиболіє несчастный человіть своей земли. Обладая самою огромною властью, какая только можетъ принадлежать на землі человіть, будучи самымъ могущественнымъ лицомъ въ государстві, онъ, въ то же время, боліте всёхъ былъ связанъ предразсудками и меніте всёхъ своихъ подданныхъ могъ располагать своей свободой.

Государственное и общественное устройство Японіи было тогда таково:

Выше всёхь въ государстве быль императорь или «микадо», какъ его называли японцы. По религіознымь убежденіямь японцевь, онь не только помазанникь Бога, но и его земной потомокь, земной Богь, —праправнукь, по прямой линіи, верховнаго японскаго божества, богини солнца Теншіо-дай-джинь. Небо было его отцомь, земля —матерью, солнце и мёсяць —друзьями. Народь относился къ нему съ величайшимь благоговеніемь, какъ къ самому Богу. Кънему не только нельзя было прикасаться, но его даже нельзя было видёть никому изъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Всю свою жизнь онь, согласно древнему обычаю, проводиль внутри дворца, никогда не выходя изъ него и не показываясь никому изъ своихъ подданныхъ. Среди японцевъ распространсно было даже убъжденіе, что ихъ микадо цѣлый день неподвижно сидитъ на тронѣ и смотритъ глазами въ одну точку. Существовало повѣрье, что микадо, будучи земнымъ богомъ, никогда не прекращаетъ своихъ сношеній съ небесными божествами и въ одиннадцатый мѣсяцъ каждаго года отправляется бесѣдовать съ ними о дѣлахъ своей страны. Японцы указывали даже мѣсто, гдѣ происходили эти собесѣдованія.

Что дѣлаль микадо въ теченіе цѣлаго года, до сихъ поръ еще остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, государственными дѣлами онъ не занимался. Это было недостойно его, какъ дѣло земное и нотому слишкомъ низменное. Микадо, такимъ образомъ, былъ верховнымъ владыкой только по имени. Въ дѣйствительности же власть принадлежала начальнику арміи, котораго называли тайкуромь, или сіогуномъ. Должность эта не была наслѣдственной и сіо-

гунъ каждый разъ назначался и утверждался въ своемъ званіи микадо. Но это было только пустой формальностью. Микадо быль слишкомъ слабъ и слишкомъ далекъ отъ всего внёшняго міра для того, чтобы его веля могла что-нибудь значить. И сіогуны всегда заставляли его утверждать въ этомъ званіи не только себя самихъ, но и своихъ наслёдниковъ еще при своей жизни. Влагодари этому, на дёлё почти всегда бывало такъ, что власть сіогуна долгое время переходила изъ рода въ родь, пока не выдвигался какой-шибудь смёльчакъ, который захватывалъ микадо въ свои руки, свергалъ сіогуна и самъ завладёвалъ его властью. Это раздвоеніе власти между микадо и сіогуномъ всегда служило въ Японіи поводомъ для всякихъ междоусобій и брагоубійственныхъ кровопролитныхъ войнъ.

При водареній новаго микадо или сіогуна всегда являлось много охотниковъ захватить микадо въ свои руки и усфсться на мъсто сіогуна.

Влагодаря всему этому, интриги, козни, измёны и предательства никогда не прекращались въ Японіи. Борьба за власть, которая иногда такъ легко давалась при полномъ безсиліи и безправів микадо, никогда не прекращалась. Взаимныя подозрфнія вызывали суровые, жестокіе законы, суровыя наказанія; въ народ'в развивалось много другихъ пороковъ, которые въ конецъ развращали страну, шпіонство, подглядываніе, доносы и т. под. Всёми этими средствами пользовались дица, занимавшія высшія должности, для того чтобы своевременно знать и во-время уничтожить козни враговъ. Но даже этого имъ казалось мало. Для того чтобы подольше сохранить за собой власть, укрыпиться и обезпечить ее своимъ наследникамъ. сіогуны начали собирать вокругь себя преданныхь лиць, на которыхь могли бы положиться въ случав нужды. Такъ какъ сіогуны обладали огромной властью и игради микадо, какъ пешкой, то у нихъ было, конечно, не мало средствъ привлечь къ себъ людей. Они раздавали большія пом'єстья, чины, духовныя м'єста, и мало-по-малу вопругь нихъ образовалось большое количество маленькихъ царьковъ, которыхъ называли тогда дайміосами. Эти дайміосы должны были за свой счеть содержать вооруженные отряды и находились вь полномъ подчинении у сіогуна вмѣстѣ со всѣми своими войсками и имуществомъ. Опираясь на дайміосовъ, сіогунъ сділался уже совсёмъ всемогущимъ въ странъ.

Однако, чёмъ больше укръплялись дайміосы, тёмъ меньше у нихъ являлось желаніе дёлиться съ сіогуномъ своимь имуществомъ и своими богатствами, и тёмъ больше стали они заботиться объосвобожденіи себя отъ всякой зависимости сіогуна. Въ концѣ кон-

новъ имъ удалось это сдёлать; и вотъ мы видимъ, какъ въ Японіи мало-по-малу появлялись отдёльные самостоятельные независимые князьки, только по имени подчиненные сіогуну. У нихъ были свой судъ и расправа, своя полиція, свое войско и законы. Одни изъ нихъ заботились о расширеніи собственныхъ владѣній, и поэтому постоянно воевали съ сосёдями; другіє покушались на власть сіогуна и вели съ ними постоянную войну. Въ Японіи происходила постоянная вражда, козни, предательства и безпрерывныя междоусобныя койны. Единой для всей страны власти не было; не было въ ней также одинаковыхъ законовъ: въ каждомъ княжествъ были свои порядки. Вся страна была распредълена на свои отдёльные округи, вооруженные лагери и находилась всегда на военномъ положеніи.

Само собою разумѣется, что въ то время положеніе всѣхъ низшихъ сословій было весьма незавидно. Населеніе Японіи дѣдилось на слѣдующія сословія: крестьяне, земледѣльцы, купцы, ремссленшики и нищіе. Но самыя низшія и презираемыя сословія были колевники и башмачники.

Воть въ какомъ положеніи находилась Японія еще въ очень и очень недавнее время. Понятно, что, когда японцы впервые стодкнулись съ европейцами и увидѣди, что въ другихъ странахъ люди живутъ совсѣмъ иначе, то не захотѣди продолжать свою подневольную жизнь. Они сразу порвали со своими предразсудками, стряхнули съ себя весь тотъ гнетъ, который пригибалъ такъ долго ихъ сшины къ землѣ, и дѣятельно принядись за преобразованіе своей родины. Они поняди, какое огромное преимущество даетъ европейцамъ ихъ наука и знаніе, и съ безпримѣрнымъ увлеченіемъ принядись догонять ихъ въ томъ, въ чемъ они такъ страшно отъ нихъ отстали. Въ короткое время они почти сравнялись со своими учителями.

Теперь въ Японіи не существуєть уже ничего похожаго на то, что было тридцать, тридцать пять лёть тому назадь. Прежніе дайміосы управднены, самостоятельность у нихь отнята, войска ихъ упичтожены. Крестьяне, купцы и ремесленники получили одинаковыя права со всёми другими сословіями. По всей странѣ господствують один законы, которымь подчиняются всё японцы безъ различія сословій. Суды также одинаковы для всёхь. Низшія сословія совершенно свободны и не находятся ни въ какой зависимости отъ прежнихъ многочисленныхъ и грозныхъ владыкъ своихъ. Самое званіе сіогуна управднено. Власть принадлежитъ только императору (микадо). Но править онъ страной не единодично; въ дёлахъ правленія, изданіи законовь, установленіи налоговъ участвуєть все населеніе, посредст-

вомъ своихъ представителей (депутатовъ). Всё прежије вредные обычан потеряли свою силу, отжившіе законы уничтожены, европейцы допущены во всё закоулки страны. Самъ императоръ уже живетъ совсёмь какь европейскій государь и принимаеть діятельное участіє въ дълахъ правленія. Разсказывають, что онъ поставиль себъ за правино внакомить вейхъ своихъ подданныхъ со своими взглядами, обравомъ мыслей, намереніями. Влагодаря этому, его многочисленныя повелунія, указы и манифесты имбють скорбе видь отеческихь поученій и наставленій, чёмь характерь повелёній верховнаго владыки. Такъ, напримъръ, онъ откровенно разъясняетъ въ своихъ манифестахъ японцамъ свои намеренія и предположенія, поощрясть ихъ занятія науками, ихъ поводки за границу и не скрываеть даже своихъ недостатковъ. Кромъ того, — чему не бывало раньше примъра въ Японіи, - нынёшній императорь отличается замёчательнымь мигкосердечіемь: лучшее доказательство этого то, что онь почти никогда не подписываеть смертныхъ приговоровъ. Иностранцы отзываются съ большою похвалою о его гостепріниствъ и любознательности. Онъ очень охотно принимаеть у себя ученыхъ, путешественниковъ, поэтовъ, политическихъ двятелей и иногда по цълымъ часамъ ведетъ съ ними беседы.

А давно ли еще, подъ страхомъ смертной казни, его не могли видътъ даже высшіе японскіе сановники?

Въ настоящее время японцы безповоротно отрѣшились отъ всѣхъ предразсудковъ. Въ нихъ не замѣтно также враждебнаго и подозрительнаго отношения къ иностранцамъ. Напротивъ, они охотно сближаются съ ними, берутъ отъ нихъ все дучшее и извлекаютъ изъ этого дучшаго громадную пользу для своей страны.

Д. И. Шрейдерь.

K1552b

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Cmp.
Сахаланъ. А. Иикольского	3
Николаевскъ и Хабаровскъ. А. Виноградова	11
Владивостокъ. А. Виноградові	15
Островъ Аскольдъ. В. Крестовскаго	24
Посьеть. В. Крестовскаго.	28
По Восточно-китайской жельзной дорогь. В. Х	32
На постройкъ желъзной дороги въ Маньчжуріи. А. И	
Изъ Маньчжурскихъ впечатльній. Е. Ганейзера	42
Цицикаръ, Л. В	45
Порть-Артуръ. Е. Генейзера	50
Городъ Дальній. М. Образцова	56
Чифу. Еог. Генейзера	60
На съверъ Қорен, Н. Гарина	63
Тон-са, ма-фу. В. Сърошевскаго	66
Въ устьъ Ялу. Н. Гарина	70
Қорейци, М. А. Поджою	74
Одежда и прическа корейцевь. П. Ю. Шмиота	78
Столица Корен. И. П. Азбелева	82
О религіи қорейцевъ. В. Сърошевскаго	87
Земледъліе въ Корев. П.Ю. Шмидта	95
Японія, Д. Сербскаго	101
Флора и фауна Японіи. Д. Сербскаго	106
Сельскій видъ въ Японіи. А. Т. Спарскаго	114
Деревенская жизнь Ядоніи. А. Краснова	116
Қладбища и храмы. А. Я. Максимова	121
Японцы. Н. Гарина	124
Наружность японцевъ и одежда. И. П. Азбелева	128
По Японія. П. Надина	132
Токіо. Д. ШІрейдера	144
Религія японцевъ И. П. Азбелева	148
Буддійскія похороны А. А. Черевковой	151
Японія прежде и теперь. Д. И. Шрейдера	154